

Костромская земля

Краеведческий альманах Костромского фонда культуры

выпуск III

Кострома

1995 год

ББК 63.3(2)7-28

К 725

Издание осуществлено при финансовом участии АО «ОРТАТ»

Главный редактор *Ю. В. Лебедев*

Редакционная коллегия

Л. С. Васильев, Т. В. Войтюк, Н. А. Зонтиков, о. Александр (Карягин), С. С. Смирнов, А. В. Соловьева

Оформление *Е. Ю. Перебаскиной*

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. — Вып. 3. — Кострома, 1995. — 216 с.

В этом выпуске публикуются малоизвестные и неизвестные ранее материалы о выдающемся архитекторе XVIII века С. А. Воротилове, создателе Третьяковской галереи П. М. Третьякове, первом костромском историке Н. С. Сумарокове, уроженце Кологривского уезда писателе В. А. Дементьеве, известном писателе, путешественнике и учёном С. В. Максимове, выдающемся мыслителе и писателе В. В. Розанове; помещены продолжения воспоминаний о Костроме начала века и описания литературной жизни Костромы (1930-е гг.); рассказывается об истории и современном дне уникального уголка Костромского Заречья — Святом озере, о современном состоянии Галичского озера. В разделе «История сел и деревень» помещены очерки о парфеньевской вотчине А. И. Герцена и истории села Шишкина Судиславского района. Альманах знакомит читателей с наследием солигаличского краеведа Л. М-Белорусова. Впервые публикуется дневник известного краеведа Е. Ф. Дюбюка за 1916 год. Помещены рецензии на книги по истории костромского края, вышедшие в 1992 году, и информация о деятельности Костромского фонда культуры за 1991—1993 гг.

Альманах иллюстрирован современными фотографиями и фотографиями из архивов, собрания Костромского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, частных коллекций.

Для исследователей, преподавателей вузов, учителей, студентов, школьников, краеведов-любителей, широкого круга читателей.

ISBN 5-7591-0047-5 © Костромской фонд культуры, 1995

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В третьем выпуске краеведческого альманаха «Костромская земля» читатель найдет довольно разнообразный материал, и написанный не только костромичами.

В рубрике «Экология культуры» помещена статья московского архитектора-реставратора С.В. Демидова, много лет руководящего восстановлением памятников зодчества Нерехты. Это рассказ о деятельности выдающегося архитектора костромского края С.А. Воротилова (1741-1792), значительная часть творений которого была, к глубокому прискорбию, уничтожена в 30-е годы (в первую очередь — Богоявленский кафедральный собор в Костроме и соборная колокольня). Статья С.В. Демидова впервые опубликована в ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия» за 1989 год. Чтобы приблизить публикацию к костромскому читателю, мы, с согласия автора, полностью перепечатаем её в нашем альманахе.

В рубрике «Из истории Костромы» мы публикуем работу московской журналистки М.М. Щиц «Павел Третьяков и костромской край», освещающую малоизвестные стороны деятельности знаменитого создателя Третьяковской галереи, костромского промышленника, одного из основателей и руководителей «Новой Костромской льняной мануфактуры», бывшей в числе крупнейших промышленных предприятий России II пол. XIX — нач. XX вв. Мы имеем полное право гордиться тем, что в значительной части благодаря труду наших предков — костромских рабочих-текстильщиков — П.М. Третьяковым была создана одна из лучших художественных галерей мира. В этой же рубрике читатель найдет новые главы из воспоминаний Л.А. Колгушкина «Костромская старина» и новую работу нашего постоянного автора Н.А. Зонтикова «На Святом озере», исследующую трагические события из истории этого уголка Костромского Заречья (кровавые битвы с татарами и поляками в XIII и XVII веках), повествующую о судьбе часовен, поставленных потомками в память о героических битвах на берегах озера, о лишении озера и селения на его берегу исторического названия, о начавшемся здесь в последние годы возрождении.

Альманах знакомит своих читателей с наследием краеведа из Солигалича Л.М. Белоруссова — нашего современника, умершего 11 лет назад. Рубрику «Из истории городов края» представляет его рассказ «Истории свидетель» — о владельцах деревянного двухэтажного дома, построенного более полутора веков тому назад в усадьбе дворян Мичуриных под Солигаличем, в конце XIX века перевезенного в Солигалич и сохранившегося до наших дней. В статье повествуется о событиях, происходивших в этом доме в прошлом и нынешнем столетиях.

В новой рубрике «Из истории сел и деревень» помещены очерки Д.Ф. Белорукова о парфеньевской вотчине А.И. Герцена и Ю.П. Смирнова о селе Шишкине нынешнего Судиславского района. Читатели нашего альманаха уже встречались с этими авторами во 2-м выпуске.

Рубрика «Исследования и находки краеведов» включает материал кандидата исторических наук, преподавателя Ярославского университета А.А. Севастьяновой ««Любезным моим согражданам...» Первый костромской историк Николай Сумароков», где автор дает краткую характеристику его труда об истории города Костромы. Литературное краеведение представлено в этой рубрике работами преподавателей Ивановского и Костромского университетов. Доктор филологических наук, профессор Л.А. Розанова знакомит читателей с интересными фактами из жизни малоизвестного сейчас писателя уроженца Кологривского уезда П.А. Дементьева, нашедшими отражение в письмах писателя к известному общественному деятелю, книгоиздателю, профессору Московского университета М.П. Погодину. Исследование доктора филологических наук, профессора Ю.В. Лебедева «О годах учения Сергея Васильевича Максимова» посвящено детству одного из самых великих и до сих пор недостаточно оцененных (из-за семи десятилетий почти полного замалчивания) уроженцев костромского края — писателя, путешественника, ученого С.П. Максимова (1831-1901), а статья кандидата филологических наук, доцента Б.М. Козлова «Литературная жизнь Костромы в 1930-е годы» является продолжением описания костромской литературной жизни в первое послеоктябрьское десятилетие, опубликованного во 2-ом выпуске нашего альманаха.

В рубрике «Экология природы» печатается статья преподавателей Костромского педагогического университета — кандидата химических наук Г.К. Фомичевой и кандидата биологических наук Т.М. Колесовой, рассказывающая о современном, все более и более ухудшающемся состоянии самого большого озера в области — Галичского.

Мы начинаем публикацию дневника известного деятеля Костромского научного общества по изучению местного края Е.Ф. Дюбюка (1876-1942). В «Наших публикациях» читатель познакомится с его дневниковыми записями, сделанными в январе-апреле 1916 года.

В «Хронике» — информация о деятельности Костромского фонда культуры в 1991-1993 годах, рецензии на новые книги костромских краеведов.

І. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

С.В. Демидов (Москва)

АРХИТЕКТОР С.А. ВОРОТИЛОВ

Памяти талантливого архитектора-самоучки Степана Андреевича Воротилова (1741-1792) не посчастливилось у потомков. Не прошло и двадцати лет после постройки по его проекту грандиозного соборного комплекса в Костромском кремле, как авторство стали приписывать то Б. Растрелли, то Д. Ухтомскому, а имя подлинного создателя надолго забылось. И хотя сопоставление со столь известными именами, наверное, польстило бы самолюбию Степана Андреевича, такая забывчивость, несомненно, — одна из тех несправедливостей истории, которые разъясняются лишь со временем.

В начале XX века исследователь русского зодчества Г. Лукомский с горечью писал по этому же поводу о С. Воротилове: «Имена строителей XVII и даже XVIII века, возводивших здания в провинции, вообще трудно определимы. Напротив, имена живописцев, закрепленные на клеймах, оставленных при окончании работ по росписи храмов, дошли до нас, и мы знаем десятки имен лучших мастеров-изографов и их помощников, и даже купцов, жертвовавших на построение церквей... но имена зодчих — казалось, никому никогда не нужных — мы не знаем совсем» (1). Эти слова относятся к талантливому архитектору-самоучке Степану Андреевичу Воротилову, по проектам которого в последней трети XVIII в. в Костроме и ее окрестностях было построено немало зданий. К сожалению, авторство С. Воротилова документально подтверждается лишь по нескольким памятникам. Остальные же его постройки, упоминаемые в статье, приписываются Воротилову благодаря ярко выраженным, характерным только для этого зодчего деталям, ставшим как бы его визитной карточкой.

О жизни и деятельности С.А. Воротилова мы знаем благодаря трудам его земляков-протоиереев: А. Кондорского, написавшего биографию зодчего и намеревавшегося опубликовать ее в журнале «Сын отечества» (см: Приложение) (2) и М.Я. Диева — собравшего и опубликовавшего сведения по истории города Нерехты Костромской области, где указывается авторство С. Воротилова по некоторым постройкам (3). Его родина — посад Большие Соли Нерехтского уезда Костромской губернии (ныне пос. Некрасовское Ярославской области) — славилась своими каменщиками, художниками, резчиками, кузнецами. Значительный след в истории русского искусства оставили выходцы из этого посада: плеяда чертежников и резчиков иконостасов Трубниковых, художников П. и Е. Сорокиных, А. Баженова, А. Демидова. Занимался строительством и правнук С. Воротилова — С.П. Воротилов, построивший в 1840-е годы гостиные ряды в Больших Солях (4).

Начало самостоятельной деятельности С.А. Воротилова относится к 70-м годам XVIII в. О творческой активности зодчего свидетельствовали его современники, и в частности костромской (затем рязанский) епископ Симон (Лагов), который, вероятно, оказывал ему покровительство (5).

Одна из первых документированных работ С. Воротилова — перестройка колокольни при церкви Рождества Богородицы в родном посаде (6). После разборки первоначальной шатровой колокольни 1700 г. от нее осталось два нижних яруса, над которыми в 1770г. и была воздвигнута новая звонница в формах позднего барокко, увенчанная барабаном с высоким шпилем и четырехконечным крестом (7). Плоскости стен двух новых ярусов прорезаны высокими арочными проемами с замковыми камнями, углы оформлены пилястрами, а ярусы завершаются треугольными фронтонами. Верхний ярус по наружному контуру имел парапет, который частично скрывал его декоративное оформление и несколько утяжелял всю композицию. Но в целом колокольня получилась стройной, и элементы ее декоративного оформления С. Воротилов в последующем повторяет на ряде памятников. Очевидно, одновременно с перестройкой колокольни зодчим на этом же памятнике была произведена и переделка завершения западного крыльца, которое получило кровлю и завершение, близкие по оформлению к этим же элементам колокольни.

Следует отметить, что С. Воротилов брал и подряд на сооружение почти всех проектируемых им построек.

В 1770 г. С. Воротилов делает проект и начинает постройку двухэтажной церкви Воскресения в г.

Нерехте взамен разобранной старой (8). Строительство из-за недостатка средств затянулось на 17 лет, однако, несмотря на это, изменений в проекте не было, и здание целиком выполнено в стиле барокко. Памятник имеет традиционный план кораблем, четверик завершается восьмериком с барабаном и главой. Сочные рамочные наличники с «ушами» и «слёзками», многообломные профилированные карнизы, спаренные пилястры, полихромная лепнина в интерьере и пышная резьба иконостаса с иконами работы талантливого живописца Андрея Денисова сделали здание одним из красивейших в городе. Особым изяществом отличалась четырехъярусная колокольня, завершающаяся колоколообразным куполом с овальными люкарнами, выступающими гуртами и высоким шпилем. Подобное завершение колоколен с различными вариациями еще не раз будет повторено С.А. Воротиловым на других памятниках и явится характерной особенностью, присущей этому зодчему. Не раз повторит зодчий на других памятниках и декоративное оформление наличников окон Воскресенской церкви.

К 70-м годам относится постройка по проектам С. Воротилова колоколен в селе Левашове (Некрасовский р-н Ярославской обл.), при Предтеченской церкви в г.Костроме (9) и при Благовещенской церкви в г.Нерехте (10). Все эти памятники выполнены в стиле барокко и чрезвычайно близки в декоративном оформлении. Особенно красива колокольня в селе Левашове, которую по праву можно назвать одним из лучших творений С. Воротилова.

С 1776 г. по проекту и под руководством С. Воротилова начинается сооружение соборного комплекса в Костромском кремле. Учитывая важность и ответственность работ, до середины 80-х годов С. Воротилов работает только здесь. Собор и пышная четырехъярусная колокольня стали доминирующими постройками Костромы и приводили в восторг современников. Вот что писал в 1913 г. о колокольне Г. Лукомский: «...колокольня, построенная при соборе тем же зодчим С. Воротиловым... представляющая издали фантастическое зрелище своим нагромождением арок, колонн и всяких украшений. Вблизи она еще более потрясает своею грандиозностью и вместе с тем грациозностью. Внушительные марши лестниц, ведущих к ней, дают колокольне хорошее основание, а зимой, занесенные наполовину снегом, марши ступеней лестницы создают плавный переход от земли к самому сооружению, так что после метели колокольня кажется как бы вырастающей из массы снега» (11). Сохранился проект собора и колокольни в копии 1809 г. (12). В световой ротонде собора помещалась епархиальная библиотека, вход в которую осуществлялся через колокольню и далее — по переходу на кровле трапезной. В середине XIX в. собор был расширен путем пристройки с севера и юга приделов, что значительно искажило первоначальный облик памятника. Помимо культовых сооружений в комплекс при соборе входили два дома соборного причта и ограда с барочными воротами, украшенными белокаменной скульптурой. Интересно отметить, что вся постройка собора и колокольни обошлась в 12 тыс. руб., а С. Воротилову в награду за добросовестное исполнение работ приказано было выдать 15 руб.

В последующем проект костромского собора был повторен зодчим в селе Писцово Нерехтско-го уезда (ныне Комсомольский р-н Ивановской обл.). И хотя авторство С. Воротилова здесь не документировано, да и освящение церкви Рождества Богородицы произошло после смерти автора — в 1808 г. (что связано, видимо, с задержкой строительства), достаточно сравнить проект собора и церковь в Писцове, совпадающих даже в размерах, чтобы убедиться в авторстве С. Воротилова (13).

По мере окончания соборного комплекса С. Воротилов вновь берет подряды. В 1786 г. он делает проект колокольни для Рязанского кремля (14) и вместе с главнокомандующим и епископом выбирает место для ее постройки. Однако «за несогласием гг. Рюмина и Мальшина» проект был отклонен. Сравнивая проект С. Воротилова и построенный первый ярус колокольни, находишь много общего, что говорит все же о частичном использовании проекта С. Воротилова, как это отмечалось исследователями рязанского зодчества (15). Но, несмотря на то, что проект С. Воротилова в Рязани осуществлен не был, большой заслугой его было определение места расположения колокольни, как важного градостроительного элемента, и ее высоты (16).

В следующем, 1787 г., зодчий выполняет проект и начинает постройку церковью Преображения в Нерехте (17) и Петропавловской в Костроме (18) (не сохранилась). Не исключено, что проект последней был выполнен раньше, но сооружение ее затянулось по каким-то причинам. По своему декоративному оформлению Петропавловская церковь чрезвычайно близка Воскресенской в Нерехте с той лишь разницей, что вместо объема восьмерика здесь был устроен двухсветный четверик, завершающийся традиционным пятиглавием. Церковь Преображения — двухэтажная, овальная в плане с выступающими

ризалитами по сторонам света. Венчают здание миниатюрная колокольня с запада и световая ротонда. По декоративному оформлению колокольня близка к своей предшественнице в Больших Солях. Преображенская церковь имеет интересное композиционное решение. Если у всех предшествующих построек С. Воротилова зрителю при взгляде на фасад не составляет труда представить и внутреннее решение памятника, конструкцию сводчатых перекрытий, то о Преображенской церкви этого не скажешь. На фасаде, выполненном в стиле позднего барокко, не нашло отражения внутреннее традиционное деление помещений (четверик, трапезная, притвор). Трудно представить и систему сводов. Чрезвычайно интересно решена винтовая лестница на ярус звона. Кроме основного назначения, она имеет дополнительное — по ней можно попасть на второй этаж церкви и выйти на парадную лестницу.

В 1788 г. С. Воротилов исполняет проект Крестовоздвиженской кладбищенской церкви в г. Нерехте (19). Очевидно, вскоре после разработки проекта и начала строительства в планировку здания пришлось внести изменение — пристроить по просьбе заказчика придел Димитрия Солунского, что нарушило четкий план здания. В результате изменений колокольня очутилась в центре памятника, лестница для подъема на нее была разобрана.

В 1791-1793 гг. С. Воротилов берет подряд на постройку Мучных и Гостиных рядов в Костроме (20). Проект этих рядов с указанием лишь общих размеров был разработан в 1787 г. владимирским и костромским губернским архитектором К. Клером. В ходе работ С. Воротилов значительно обогатил проект, устроив снаружи рядов колоннаду и воздвигнув над воротами со стороны Волги колокольню для находившейся внутри рядов церкви Спаса. Приехавший к концу постройки в Кострому К. Клер счел, что изменения, внесенные С. Воротиловым в первоначальный проект, испортили его и что колокольня весьма ненадежно решена в инженерном отношении и может вот-вот рухнуть (21). Оскорбленный автор подал на С. Воротилова иск в суд. Но до судебного разбирательства дело не дошло, так как в ноябре 1792 г. в расцвете творческих сил С. Воротилов умирает, и работы по строительству рядов завершают его сын Петр и брат Ефрем. Время же решило спор не в пользу К. Клера. Колокольня, воссозданная в конце 70-х гг. нашего века, до сих пор стоит над воротами, ведущими в ряды, а сами они вот уже два столетия являются одним из самых лучших украшений Костромы. Не исключено, что именно столкновение с К. Клером послужило причиной смерти С. Воротилова — человека чрезвычайно честного и легкоранимого, как отмечали это его современники. Путешествовавшие по Волге в 1838 г. художники братья Г. и Н. Чернецовы осмотрели ансамбль Костромского кремля и сделали следующую запись в своем дневнике о С. Воротилове: «...человек этот мог бы стать великим архитектором! Но судьба не повела его по стезе, на которой может образоваться художник. Это произведение, имея отпечаток великого дарования, удивляет своею красотой всякого беспристрастного человека. Но о Воротилове не слышно, он скромно окончил путь жизни» (22).

К недокументированным работам С.А. Воротилова следует отнести еще ряд выявленных на сегодня памятников. Это Никольская церковь на погосте Николо-Бережки близ Щелькова (1792), у стен которой погребен А.Н. Островский. В частности, верхние яруса ее колокольни целиком повторяют колокольню Преображенской церкви в Нерехте, а в отделке самой церкви немало деталей, встречающихся в постройках С. Воротилова. Это церкви в Нерехтском уезде: в селе Ковалево — Богоявленская (1778), Казанская в с. Сараево (1779) и Никольская в с. Незнанове (1783), церковь Собора Богородицы в с. Коровье (1797) Чухломского района. В 90-е годы в XVIII в. в Нерехте был построен дом Хворина, который по планировке и декоративному оформлению близок к воротиловскому дому соборного причта. Могут быть приписаны С. Воротилову дом конца XVIII в. купца Горбунова в Костроме (ул. Горная, 11), колокольня в Рыбинске.

Исследование творческого наследия и реставрация памятников, созданных по проектам С.А. Воротилова, только начинается, и не исключено, что будет открыто еще немало зданий, созданных по его проектам, и в частности гражданских. Кроме того, в Костроме и области имеется ряд памятников, созданных после смерти С. Воротилова, но стилистически тяготеющих к его творчеству. Возможно, что к их постройке были причастны близкие родственники талантливого архитектора-самоучки (братья и сыновья), работавшие с ним долгое время и получившие определенные знания в избранном ремесле и продолжившие его дело. В этом случае можно говорить о школе «славного художника С.А. Воротилова», как писал о нем М.Я. Диев.

Вдохновлялись воротиловскими постройками и зодчие XIX в., о чем свидетельствует колокольня в с. Яковлевском Костромского района, повторяющая кремлевскую в Костроме.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Лукомский Г., Лукомский В.* Кострома. — СПб., 1913. — С. 135.
- ² ЦГАЛИ, ф. 1571, ед. хр. 2872. Биография С.А.Воротилова. Материал любезно указан В.Н. Бочковым.
- ³ *Диев М.Я.* Город Нерехта в XVIII и первой четверти XIX вв.//Второй исторический сборник. — Кострома, 1919. / Труды КНО. Вып. XIII.
- ⁴ *Борисов Н.С.* Окрестности Ярославля. — М., 1984. — С. 57.
- ⁵ Государственный архив Рязанской области, ф. 627, оп. 58, д. 13, связка 85. «Определенному собранию для строения новой при Рязанском нашем кафедральном соборе колокольни» — записка епископа Симона.
- ⁶ *Кошелев В.* Из истории посада Больших Солей Костромской губернии. — Ярославль, 1916. — С. 25.
- ⁷ Чертеж церкви с колокольней см.: Известия Императорской Археологической комиссии. — СПб., 1909. — Вып. 31. — С. 109.
- ⁸ *Диев М.Я.* Указ. соч. — С. 83.
- ⁹ *Дунаев Б.* Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства. — М., 1913. — Рис. 31. (Церковь не сохранилась, см. фото).
- ¹⁰ *Диев М.Я.* Указ. соч. — С. 69. Колокольня не сохранилась. В 1914 г. ее сфотографировал П.П. Покрышкин. Его негативы хранятся в фототеке Петербургского отделения Института археологии РАН.
- ¹¹ *Лукомский Г., Лукомский В.* Указ. соч. — С. 137.
- ¹² ГНИМА, раздел 1, кол. V, № 3108.
- ¹³ Церковь в с Писцове сохранилась. В 1974 г. ее обследовали при составлении Свода памятников сотрудники ВЦНРК МК СССР О.Ф. Якунин, Н.А. Кистова и Л.М. Горячева.
- ¹⁴ ЦГИА РФ, ф. 1488, оп. 3, ед. хр. 883. Копия чертежа соборной колокольни г. Рязани.
- ¹⁵ *Михайловский Е.В.* Рязань: Памятники архитектуры и искусства. — М., 1885. — С.297.
- ¹⁶ *Михайловский Е., Ильенко И.* Рязань, Касимов. — М., 1969. — С. 156.
- ¹⁷ *Диев М.Я.* Указ. соч. — С. 89.
- ¹⁸ Авторство С. Воротилова по Петропавловской церкви не документировано. Фото ее см. в указ. соч. Б. Дунаева на с. 47.
- ¹⁹ Авторство С. Воротилова установлено по стилистическим особенностям.
- ²⁰ *Кудряшов Е.* Гостиный двор в Костроме: К творческой биографии костромского зодчего XVIII века С.А.Воротилова.//Краеведческие записки. Вып. IV / Костром. объедин. ист.-архит. музей-заповедник. — Ярославль, 1986. — С. 62-67.
- ²¹ *Иванов В.* Кострома. — М., 1970. — С. 112-114.
- ²² *Чернецов Г., Чернецов Н.* Путешествие по Волге. — М., 1970. — С. 34.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биография С.А. Воротилова

Большесольский купец Стефан Андреев Воротилов родился, вероятно, в 1741 году в последних числах декабря от бедного большесольского мещанина Андрея Дмитриева Воротилова, при котором находясь с первых лет жизни своей, занимался с родителем своим рыбною ловлей, потом, обучившись искусно портному, а после того кузнечному мастерству, вступил в каменную работу, а находясь в подчиненности у подрядчиков, прилежно вникал в свою обязанность. Сам собою научился рисовать и чертить планы; наконец, около 30-го году жизни своей по природному влечению без помощи посторонних учителей и наставников сам по себе со вниманием читал геометрию и алгебру, научился архитектуре, в чем успел и очень усовершенствовал себя на самой практике, имея 4-х братьев и 2 сыновей, обучил их тому же художеству, которые, впрочем, все до такого совершенства дойти не могли. Что же касается до его характера, то он был единственный человек в своем роде и в целом Большесольском обществе отличнейший гражданин. Из дел его очень видна честность и безкорыстие. С работниками своими всегда поступал благосклонно, кротко и надзор за ними имел строгий и неусыпный, разделявал их за работы по своему усмотрению сугубо. Объезжая подряды свои и работы, в разных местах бывавшие, и усматривая неисправность в работе, многократно приказывал при себе переламывать хотя и многое и на свой счет переложить снова. В кругу семейства своего жил, как надлежит разумному хозяину, которому все домашние охотно повиновались. Сам себя вел трезво и прожив всего полвека 1792 года в ноябре месяце умер на 51 году с христианским покаянием.

Приписка другим почерком: В чем свидетельствую Посада Соли Большой соборной Воскресенской церкви протоиерей Александр Кондорский 1820 года мая 23 дня.

II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

Л.А.Колгушкин

КОСТРОМСКАЯ СТАРИНА

Будничный день Костромы

По-разному начинался будничный день у костромичей... Члены семей крупных чиновников, купцов, фабрикантов и прочей буржуазии вставали не ранее 11-12 часов, о них мы поговорим после. В целом же Кострома включалась в свою трудовую жизнь очень рано, часто еще до восхода солнца. Для примера возьмем один день поздней весны.

С наступлением рассвета уходили с улиц ночные сторожа со своими пресловутыми колотушками; сменялись на постах ночные городовые; уезжали из города последние «золотари», как тогда называли ассенизаторов, потихоньку разливая нечистоты в какой-нибудь глухой улице; с центральных улиц уезжали ночные извозчики и «ваньки», давая место более солидным дневным извозчикам; с лесенкой на плече пробегал фонарщик, гася уличные фонари. На смену им выходили пастухи городских стад, извещая скотовладельцев звуками рожков и похлопыванием огромными кнутами. Открывались ворота и калитки домов, и хозяйки выгоняли в стадо коров и коз. Мычание коров и бляение коз сливалось с могучим разноголосым гулом фабричных свистков, вызывающих на тяжелый труд рабочих утренней смены.

Вслед за сгоняемым стадом спешно выходили рабочие — мужчины, женщины и подростки, двигаясь нарастающими толпами к месту работы.

Домашние хозяйки в это время давно уже приступили к своим обязанностям: одни затопляли печи, другие с сумками спешили на базар, который был на спуске к Мясным рядам или на Сенной площади, где еще с вечера и в ночь съезжались крестьянские подводы с дровами, сеном, соломой и различными продуктами питания.

Около 8 часов утра бежали в свои учебные заведения гимназисты, гимназистки, реалисты, семинаристы, епархиалки и учащиеся городских и ремесленных училищ. У них последние дни учения и предстоят экзамены. Учащихся легко можно было отличить по форменной одежде. Так, гимназисты носили курточки и брюки серого цвета, синюю фуражку с белыми кантами и значком в виде скрещенных трехлистных веток, над которыми были инициалы «ККГ» (Костромская классическая гимназия). Шинели были светло-серого сукна с синими петлицами и светлыми пуговицами. Синие длинные мундиры с серебряными галунами и рядом крупных пуговиц посередине были уже необязательными, и их носили только дети состоятельных родителей. Реалисты отличались темно-зелеными шинелями, фуражками с желтой окантовкой и медными пуговицами. Семинаристы, техники и ремесленники носили черную форму и различались окантовкой и цветом пуговиц. В городских училищах для мальчиков форма являлась необязательной.

Гимназистки Григоровской гимназии имели зеленую форму, Смоляниновской — синюю, ученицы городских училищ — коричневую, епархиалки до 4 класса — цвета бордо, а с 5 класса — лиловую. Все восьмиклассницы имели серую форму, но различных оттенков. В будничные дни ученицы носили черные фартуки, а в праздничные — белые с пелеринами.

К 9 и к 10 часам шли в свои учреждения чиновники, которые носили также форму ведомства, в котором работали. Из почтовых ворот на Павловской улице с тяжелыми сумками через плечо выходили почтальоны с утренней почтой. Во дворы один за другим шли торговцы и торговки зеленым луком, селедками, теплыми булками, пирожками и прочим штучным товаром. Крестьянки несли молоко, молочные продукты и яйца, а к осени — грибы и ягоды. Среди дня часто появлялся мороженщик с деревянной кадкой на голове и с сумкой, в которой находились стаканчики, рюмки и маленькие ложечки. В руках у него был чайник с водой и полотенце. Обычно в кадushке стояли две маленькие баночки с различными сортами мороженого. Мороженщик всегда был желанным гостем у детей, и его обступала толпа ребятишек, сующих ему выпрошенные у родителей копейки. По улицам с громким криком проезжали крестьяне с картофелем, кульками углей, а осенью — с репой, капустой, огурцами и

даже арбузами, которые они покупали оптом на баржах, наживая на этой торговле гроши.

Интересно заметить, что продающий тот или иной товар выкрикивал его наименование специальным напевом, определенной громкости и присущей продаваемому товару интонации, так что даже, не разобрав слов, по одному мотиву можно было угадать, чем он торгует. Заходили во дворы и шарманщики, оглушая жителей громкими веселыми или заунывными мелодиями своего инструмента. С ними бывали певцы, танцоры и акробаты, чаще всего подростки. В особых ящичках у них всегда находились пакетики с предсказанием. Эти пакетики за определенную плату вытаскивали дрессированные попугаи, морские свинки, белые крысы и мыши для тех, кто желал узнать свое будущее. Содержание было написано в виде афоризмов и всегда имело двоякий смысл. Не меньший интерес вызывали китайцы, торгующие вразнос шелковой мануфактурой. Они всегда были одеты в неизменный синий костюм, а по спине из-под национальной шапочки спускалась длинная черная коса. На ногах у них были туфли типа чувяк. Плохо владея русским, они громко кричали: «Гоп, тавара!» Если выходили покупатели, то китаец располагался прямо на земле, развязывал свой узел и раскладывал куски различных шелков и хаки. Конечно, цены он назначал с большим запросом и с ним нужно было обязательно торговаться. Уступку он делал всегда охотно, но очень сердился, если люди рассматривали товар только из любопытства и ничего не покупали. Тогда он быстро укладывал свой «магазин» и уходил, ругаясь на своем родном языке, что некоторых обывателей даже забавляло. Особенно китайцы не любили, когда вслед им ребяташки кричали: «Ходя!»

Точильщики, стекольщики, жестянщики, старьевщики и тряпичники своим криком настолько надоедали, что некоторые домохозяйства запирали от них ворота и калитки или же вывешивали дощечки: «Осторожно! Во дворе злые собаки!» Старьевщик и тряпичник — это не одно и то же. Старьевщик, чаще всего татарин, покупал старые вещи, предпочитая носильные, как они говорили, «шурум-бурум», тряпичник же был несколькими рангами ниже. Он скупал утиль. Когда ребята слышали его громкий крик: «Кости, тряпки, бутылки, банки, худые рваные резиновые галоши давай!» — они бежали ему навстречу с заготовленным «товаром», собранным заранее, где только можно, — по помойным ямам, в мусорных ящиках и даже на городских свалках. Заработанные таким образом 10-15 копеек шли на покупку гостинцев, пробок к пугачам, пистонов к детским пистолетам, резинок для рогаток и прочего.

Для более подробного знакомства с жизнью города нужно в послеобеденное время выйти к торговым рядам и прогуляться по центральным улицам. В обычный будничный день даже после полудня улицы и площади не были многолюдны. Деловые люди, мастеровые, рабочие заводов и фабрик спешно шли на работу или с работы, учащиеся возвращались из своих учебных заведений или заходили в книжные, букинистические и писчебумажные магазины, медленно, с благочестивым видом проходили духовные лица: попы, монахи и монахини в своих длинных черных рясах и подрясниках. И только изредка в торговых рядах или на Русиной улице

(Сусанинская площадь. Фото Д. И. Пряничникова. 1910-ые гг. Фоторепродукция Г. П. Белякова,

Воскресенская площадь и церковь Воскресения на площадке. Фоторепродукция Г. П. Белякова.)

можно было увидеть модного франта в котелке или цилиндре, в перчатках и с тросточкой в руке, в костюме особого покроя, или же модную даму в платье со шлейфом и в огромной шляпе со страусовыми перьями или с целой цветочной клумбой на соломенной подставке величиною с сиденье стула. Впрочем, таких горожан в весенне-летнее время в Костроме оставалось немного — они разъезжались по курортам и на дачи; а кто еще дышал городской пылью, предпочитали выезжать в собственных или наемных экипажах.

В дневное время современного человека поразило бы огромное количество конного транспорта и его оглушил бы грохот кованых колес по булыжной мостовой. На каждом шагу он видел бы легковых и ломовых извозчиков, пары и тройки земских и почтовых лошадей, управляемых бравыми ямщиками, а также одиночные и парные выезды костромских богачей. Изредка можно было встретить кареты в дышловой упряжке, различные «ландо», «линейки» и прочие экипажи с кучерами, одетыми в красивые бутафорские кафтаны и замысловатые шляпы с плюмажами. Тысячные рысаки в одиночной упряжке доставляли удовольствие небольшой кучке «прожигателей жизни», которые устраивали «бега» вдоль Русиной и Павловской улиц, соревнуясь друг с другом... Связь с близкими и отдаленными уездами и населенными пунктами, перевозка почты проходила только на конной тяге. Так, один только предприниматель Загаров имел на всех трактах губернии не менее трехсот троек, а кроме него был еще владелец конной станции Кудряшев и существовала земская почтовая станция. Главные конюшни

Загаровской станции находились на Русиной улице (дом 7) и выходили своими задками на Никольскую улицу — здесь и на всей Воскресенской площади было самое бойкое движение конного транспорта.

К концу дня уличный шум медленно затихал. Рабочие дневных смен, служащие и учащиеся возвращались домой. Закрывались крупные магазины, а бакалейные лавочки и частные ремесленные мастерские были, как правило, открыты до позднего вечера. По улицам возвращались с пастбищ стада, наполняя воздух пылью и запахом парного молока. Ребятишки выбегали на улицу и смотрели, какой масти корова шла первой. Если это была красная, то завтра будет хорошая погода, если впереди была черная, то обязательно будет дождь.

Солнце клонилось к западу и красно-багровым диском медленно утонуло в тихой пучине верховьев Волги, освещая последними лучами золотые главы Ипатьевского монастыря и оставляя на гладкой поверхности воды узкую полоску света. На городском бульваре военный духовой оркестр местного гарнизона играл марш и вальсы. Молодежь спешила туда, а люди среднего и пожилого возраста заканчивали свой трудовой день ужином и чаем, который любили пить в хорошую погоду на свежем воздухе и обязательно из самовара, дымящего еловыми и сосновыми шишками. Дым отгонял комаров и создавал иллюзию лесного костра. Некоторые, в особенности на окраинах и в фабричном районе, любили перед самым сном посидеть на завалинах или скамейках у дома и побеседовать

Дачный паром г-на М. С. Шестинского. Фото Н. А. Корякина. 1908.

с соседями. Все стихало, и только ночные работники (сторожа, пожарные, ассенизаторы и другие) оберегали мирный сон жителей Костромы.

Воскресные и праздничные дни отличались от обычных дней недели большим разнообразием. Если буржуазия и крупные чиновники находили удовольствие в кутежах, банкетах, пикниках, то рядовые костромичи могли отдохнуть лишь от случая к случаю и то очень скромно. В воскресные и праздничные погожие дни костромичи любили семьями ездить за Волгу, на стрелку или в ближайший лес, беря с собой пирожки, вареные яйца, огурцы (о помидорах в те времена и понятия не имели), часто прихватывали с собой даже самовары.

В большие весенние праздники — Пасху, Троицу, Иванов день, Семик и Яриловку — обязательно большими компаниями ходили гулять за город, одни — по Кинешемскому тракту за Лазаревское кладбище и военное стрельбище, другие — по Молвитинскому тракту за фабрику Брунова (ныне — «Красная Маевка»). Такие гуляния, как Яриловка, были традиционными рабочими праздниками, в эти дни веселились и за Волгой, и на Запрудне, и за Костромкой. Туда выезжали торговцы квасом, пивом, всевозможными закусками и сладостями. Не обходилось и без шинкарей, которые из-под полы торговали с наценкой бутылочками и шкаликами водки. Такие массовые рабочие гуляния проходили под неустанным наблюдением «всевидящего ока» охранки и полиции. Все же организованные рабочие, пользуясь гуляниями, успешно проводили в окрестностях города политические сходки, называемые «маевками».

Один-два раза в лето для рабочей молодежи устраивались народные гуляния на городском бульваре. На задней аллее проводились аттракционы в виде бега в мешках, бега с завязанными глазами и сырым яйцом в деревянной ложке, которую надо было держать на вытянутой руке, лазания по гладкому шесту или испытания силы на различных силомерах. В эти дни организовывались тир и торговля мороженым и водами. Чаще всего такие гуляния устраивались в саду при Народном доме. По праздникам молодежь любила гулять на маленьком бульварчике, ходить по пристаням и кататься на лодках. У кого не было своих лодок, те компанией брали лодки в прокат на водной станции.

Были в то время и платные купальни, но большинство костромичей предпочитало естественный пляж на правом берегу Волги против города, где песчаные косы доходили почти до самого фарватера.

В конце лета многие группами ходили в лес за грибами и ягодами, некоторые увлекались охотой. Густой лес в те времена сплошной стеной подходил к самому городу.

В зимнее время буржуазия, купцы, чиновники, офицеры вечерами любили посещать клубы и так называемые «собрания», где устраивались благотворительные вечера, балы и концерты. Некоторые собирались там запросто, играли в карты, в настольные игры, в бильярд, читали газеты, журналы и прочую литературу, обменивались новостями, ужинали. Временами там устраивались пышные банкеты, посвященные какой-нибудь знаменательной дате, или отмечались юбилеи. Такими местами были: Дворянское собрание на Павловской улице, Общественный клуб на Русиной улице, Офицерское

собрание при казармах против тюрьмы и несколько других сословных клубов. Дамы в обычные клубы не ходили, а занимались визитами друг к другу, организовывали вечера, лотереи, проводили сборы средств на различные благотворительные цели.

Люди попроще — мещане, ремесленники, рабочие — свое свободное время чаще всего проводили дома, занимаясь хозяйством. Молодежь вечерами посещала Народный дом. Учащиеся от случая к случаю устраивали вечера в своих учебных заведениях, совершали прогулки на лыжах за город или катались на коньках на Козьмодемьянском, Боровковом и Медном прудах (Боровков пруд был на углу Рождественской улицы, где сейчас находится здание медицинского училища. Медный пруд был на Сенной площади за кузницами. Оба пруда засыпаны в начале XX века), а многие подростки — просто на льду Волги, Костромки и Запрудни. По вечерам в субботу и воскресенье молодежь гуляла взад и вперед по левой стороне Русиной улицы до угла Козьмодемьянского переулка.

Ранней весной такие гулянья переносились на Муравьевку, где была традиция хлестаться прутьями акации, которые тут же срывались с кустов. Богачи и разгулявшиеся купчики совершали прогулки на тройках до трактира «Капернаум» по Галичскому тракту или до деревни Поддубное.

К услугам «прожигателей» жизни в Костроме были и «публичные дома» в конце Павловской улицы и на Смоленской улице. Веселая жизнь в них начиналась с вечера и продолжалась до утра, а день их обитатели превращали в ночь. Не вывеска, а красный фонарь над парадным крыльцом и плотно закрытые ставнями окна служили путеводной звездой к этим очагам разгула и пьянства.

Широко в Костроме процветала и свободная проституция. Узаконение этой профессии проводилось полицией, выдававшей таким женщинам так называемый «желтый билет» — вид на жительство на одном листе твердой бумаги желтого цвета. Вечерами эти несчастные женщины, крикливо и безвкусно одетые и сильно накрашенные, искали себе заработка у гостиницы «Старый Двор» и по боковым аллеям бульвара, развязным обращением завлекая в свои объятия «фраеров» и «карасей», как они называли своих клиентов. Часто такие женщины были связаны с преступным миром — ворами, налетчиками и убийцами, которые помогали «манькам» и «Дунькам» напоить клиента, обобрать и выбросить на улицу. Иногда дело оканчивалось и убийством. Кто же были эти женщины? Как правило, деревенские девушки, которых из нужды привозили в город в услужение их родители. Поддавшись настойчивым ухаживаниям барчуков или «почтенных» отцов семейств и прельстившись на подарки, они уступали, потом оказывались обманутыми и выброшенными на улицу. Возвращаться домой в деревню по старой морали было нельзя, и девушка с помощью «добрых знакомых» попадала под опеку «сводни», которая вводила ее в тайный притон, где она приучалась к разгульной жизни, теряла честь и совесть, идя на улицу или в публичный дом... Несмотря на наружный патриархально-религиозный облик, Кострома, как город купцов, промышленников и чиновников, не представляла в этом отношении исключения из числа других городов Российской империи.

Торговля, базары и ярмарки

На современного молодого человека большое впечатление произвела бы торговля того времени. Прежде всего его удивило бы обилие магазинов, бакалейных лавок, полков и торговля вразнос с лотков. Ему бы совершенно было непонятно, что продавцы навязывали свои товары, а покупатели долго присматривались, выбирали и много торговались, то есть давали цены ниже, чем просил торговец. Иногда предлагаемая цена была в два-три раза меньше, чем запрос торговца.

Интересный способ продажи можно продемонстрировать на магазинах готового платья, которых много было в гостиных рядах и внутри их, в толкучке. Они представляли собой маленькие помещения, в один раствор, сплошь завешенные различной верхней одеждой невысокого качества с расчетом на деревенского покупателя. Такие магазины имели преимущественно евреи — Гутман, Маш-таллер, Штабинский и многие другие. Запрос в этих магазинах, смотря по покупателю, иногда доходил до 400 процентов. У каждой двери постоянно сидел хозяин или член его семьи, редко — приказчик, которые зазывали наперебой покупателей, вплоть до того, что некоторых втаскивали в магазины за рукав.

На ярмарке. Торговля калачами. Фото Д. И. Пряничникова. 1910-ые гг.

Однажды проходящего мимо деревенского попика схватили сразу из двух смежных магазинов и каждый тянул в свою сторону, пока один из них не оторвал рукав подрясника. Не желая конфликтовать и

подрывать авторитет торгового предприятия, попка уговорили войти в магазин, где ему тщательно ушили рукав и напоили досыта чаем с сахаром и баранками. Батюшка был крайне доволен обращением, а продавцы, воспользовавшись его благодушным настроением, всучили ему товар с большой наживой для себя. Обе стороны были довольны.

А вот в парфюмерно-оптическом магазине Домбек практиковалось при покупке парфюмерных товаров вкладывать особые талончики с указанием цены, и если у покупателя их набиралось на сумму в десять рублей, то ему предоставлялось право дополнительного и бесплатного набора парфюмерии на один рубль.

Даже крупные торговые фирмы шли на привлечение покупателей различными способами. Так, шоколадные фабрики в фигурный шоколад (в виде различных кошек, мишек, бомб и шишек) вкладывали завернутые в тонкую бумагу медные безделушки, как-то: кольца, серьги, брелоки и прочее, а к плиткам шоколада прикладывали большие красивые картинки на тонком картоне. Чем хуже шоколад, тем больше и красивее была картинка. Этим отличалась кондитерская фабрика «Динг и Ко». Гильзовые фабрики Катык и другие в коробки с гильзами также закладывали сувениры в виде мундштуков, машинки для набивки папирос и даже перочинные ножики.

Витрины, вывески, плакаты, объявления везде и всюду рекламировали товары, стараясь перещеголять изобретательством своих соперников.

Товаров в магазинах и на базарах было в избытке, и с первого взгляда можно было подумать о процветании и благоденствии населения. Современный человек смутно представляет себе конкуренцию, запрос, а также покупательскую способность людей того времени. Безусловно, предложения всегда превышали спрос. Практиковавшаяся в то время продажа всевозможных товаров на книжки в кредит в фабричных магазинах, а также во всех мелочных лавках отвлекала основную массу рабочего покупателя от общего рынка.

Интересна была реклама или, если можно так назвать, наглядная агитация за продаваемый товар. Так, под вывеской булочной всегда был подвешен золоченый крендель. Над мясными лавками Дементьева, Смирнова, Веселова и других обязательно блестели красивые золоченые головы быков, а на дверях — связки надутых коровьих пузырей. На растворах обувных магазинов, смотря по сезону, красовался огромный кожаный или валяный сапог. Даже на дверях магазинов канцелярских принадлежностей были муляжи цветного карандаша, размером не менее метра, и металлическое писчее перо величиною с детскую люльку.

Вывески трактиров и чайных пестрели грубо намалеванными чайниками, чашками и другой посудой. Пивные, или (как их тогда называли) портерные, отличались двухцветной раскраской вывесок в виде продольных зеленой и желтой полос, что обозначало торговлю «распивочно и навынос». На окнах и на створках дверей часто был нарисован красный рак. Такая наглядная агитация помогала каждому неграмотному найти, что ему было нужно.

Казенных винных лавок, трактиров, портерных, «ренсковых» погребов (торговля виноградными винами) было огромное множество, и там забывали свое горе, обиду и бедность те, которые попадали во власть «зеленого змия», кончая нищенством, болезнями и преступлениями.

Гостиницы с салонами, отдельными кабинетами и номерами, а также рестораны были доступны только для денежных людей, и рабочий люд их услугами почти не пользовался. В Костроме их было немного. Самой шикарной считалась «Большая Московская» Гагарина на Павловской улице. Были еще гостиницы: «Старый Двор» в начале Русиной улицы, «Кострома» Воскресенской — между зданием присутственных мест и церковью Воскресения, «Пассаж» Горбачева на Сусанинской площади и еще несколько мелких, с постоянными дворами.

Торговые ряды всегда считались центром города, хотя и на его краю. Как они были в те времена, так и стоят по настоящее время. Даже названия их сохранились прежние: Гостиные или Красные, Мучные, Масляные, Табачные, Пряничные, Рыбные, Зеленные, Мясные. Правда, большинство из них уже не оправдывают этих названий. В Мучных не торгуют мукой, в Пряничных — пряниками, в Табачных — табаком, в Масляных — маслом.

Мясные ряды в те далекие времена были деревянные и заменены каменными около 1910 года. Внешнее оформление рядов и сама система торговли были совсем другого направления. Все строилось на конкуренции между торговыми фирмами, на красочной рекламе, агитирующей за товар только

данного торгового предприятия.

Основной рекламой были солидные вывески с фамилиями купцов, оформленные крупным выпуклым шрифтом с позолоченными буквами. Такие вывески располагались в гостинном ряду у мануфактурных магазинов «Г.А. Клеченова», «Бр. Окатовых», «Акатова», «Ф.Г. Монахова» и других, в мучных рядах крупных оптовиков — «М.Н. Чумакова С-въя», «П.Н. Стоюнина», «Н.А. Толстопятова» и многих других.

Торговые дела поддерживала и освящала религия. В проломах поперек каждого ряда были подвешены большие иконы в золоченых киотах (остекленные ящики), а на противоположной от центра стороне гостинных рядов была большая церковь Спаса, построенная в прошлом веке исключительно на средства купцов, видимо, в знак благодарности за баснословные барыши, полученные ими Божьей милостью за счет пота и крови трудового народа. Ежедневно, помимо плановых богослужений, там заказывались купцами благодарственные молебны и ставились толстые восковые свечи перед иконами почитаемых святых. Это делалось всякий раз после завершения выгодной торговой сделки. Особенно часто служились молебны в ярмарочные и базарные дни.

Православие в торговых рядах было буквально на каждом шагу. Так, в пряничном ряду с обоих концов находились большие часовни (в настоящее время в помещении одной располагается детская комната МВД, а в другой — парикмахерская). А в конце табачных рядов в красной маленькой часовне церковники догадались посадить за железную решетку деревянную в человеческий рост фигуру Христа в пурпурной одежде (багрянице) с терновым венком на голове. По страдающему от мук бледному лицу из-под венка текли капли «крови». То ли не «наглядная агитация» за веру Христову! Много слез проливали верующие в этой часовне и не меньше оставляли своих трудовых грошей на свечи, масло и просфоры. Во времена НЭПа в этом помещении была пивная, которую посетители называли «Крестики».

В каждом магазине, кроме еврейских и татарских, на самых видных местах также висели иконы с зажженными лампадами.

Во всех торговых рядах водились тучи голубей и существовал обычай среди мучников: при открытии дверей магазинов и лабазов каждый из них, осенив себя широким крестным знаменем, выбрасывал голубям совок зерна. После этого благого дела он принимался за другие «добрые дела» — обманывать и обвешивать покупателей и всяческими уловками разорять своего же единомышленника-купца.

Пожилые купцы в то время еще придерживались привычек, обычаев и одежды чуть ли не времен замоскворецких купцов прошлого века, описанных А.Н. Островским. Они любили носить холеные, расчесанные бороды, одеваться в поддевки, русские сапоги бутылками, в жилеты, по которым пускали тяжелые золотые цепочки к таким же часам. Молодые же купцы придерживались европейских костюмов, носили только усы, а привычки, обычаи и весь жизненный уклад сохраняли почти прежний — отцовский.

Шумно было в городе по базарным дням — в понедельник, среду и пятницу, а также во время ярмарок и в предпраздничные дни Рождества и Пасхи. В эти дни съезжались в город многие сотни крестьянских подвод, которые располагались на Воскресенской площади, а также позади льняных рядов против старого Анастасийского женского монастыря (на его месте построены многоэтажные корпуса жилых домов) и на Сенной площади. Еще с вечера и в ночь подъезжающих к городу крестьян на всех трактах встречали перекупщики, скупающие по дешевке оптом все продукты, а потом все это продавалось в ларьках и лавках. Самостоятельно крестьяне продавали только огурцы, репу, капусту и картофель, а остальные продукты питания доходили до потребителя только через посредников.

В базарные дни везде в городе можно было встретить бородатых, длинноволосых крестьян в их привычной одежде. Если это зима, то

Воскресная толкучка у стен Анастасийского монастыря (против Больших Мучных рядов). Фото Д. И. Пряничников». 1910-ые гг.

— в полушубке, в заячьей или волчьей шапке-ушанке и в лаптях, редко — в валяных сапогах. Женщины были одеты так же, как и мужчины, — в полушубки и отличались от мужчин безбородым лицом и грубым полушалком на голове. Окая и громко разговаривая, они дополняли шум от ржания лошадей,

фабричных разноголосых гудков и колокольного звона многочисленных церквей.

Ярмарки в городе Костроме проводились два раза в год: 14 марта была так называемая Федоровская ярмарка, которая продолжалась всего 3-4 дня, и более продолжительная — «Девятая». Она открывалась в воскресенье на девятой неделе после Пасхи и кончалась в субботу на одиннадцатой неделе. В Федоровскую ярмарку самым интересным для любителей лошадей было подторжье, или конная ярмарка. Накануне Федоровской на Сенную площадь отовсюду наводили сотни лошадей разных пород, возрастов, мастей и качеств. Вместе с лошадьми появлялось множество цыган, приезжих барышников-колыганов, среди которых было немало конокрадов. Городские любители лошадей, мальчишки-подростки, несмотря на распутицу, непролазную грязь и воду по колена, часами простаивали на площади, любуясь грациозным бегом чистопородных рысаков и мощной поступью тяжеловозов-битюгов, клейдесдалей, першеронов и суффольков, которых тренировали специалисты-коневоды.

Любая крестьянская лошадка, будь ей хоть 25 лет, если побывает с неделю в руках цыгана или барышника, временно делается неузнаваемой — приобретает внешний лоск, бойкость на ходу и даже некоторую грациозность. Эта подготовка заключалась в подпиливании зубов и выжигании в них ложных ямочек, по которым специалисты узнают возраст лошади до 8 лет, в специальном добавлении в корм возбуждающих веществ, вплоть до водки, и даже в надувании кишечника воздухом. Малоопытный крестьянин мог купить такую лошадь, а на утро ее не узнать, так как она превращалась в настоящую клячу, годную лишь на клейный завод.

Гортанный говор цыган, крики, брань, божба, бесконечное похлопывание ладони покупателя продавцом, расхваливание статей лошади окружившими их барышниками обозначало начало торга. Покупатель скупно добавлял к предложенной им цене, а продавец еще скупее сбавлял со своей. Наконец, стоворившись, продавец через полу своей поддевки передавал повод лошади в полу поддевки покупателя. Торг заканчивался, и они шли в ближайшую чайную или трактир производить расчет и пить «литки». Были на ярмарке и крупные покупатели, закупающие лошадей партиями для торговых фирм. Они интересовались больше тяжеловозами.

Помещики и городская буржуазия мало покупали лошадей на ярмарке, они предпочитали брать их непосредственно с конных заводов — с богатой родословной и отлично выезженных. Молодых, но слабых лошадей, а также жеребят скупали местные татары для откорма на мясо.

...В этот же день на плацу между гостиним и мучным рядами заканчивалось оборудование ярмарочных полков для торговли игрушками, сладостями, промышленными и хозяйственными товарами, но на Федоровской ярмарке торговля была не так богата, как в Девятую, а потому мы лучше опишем последнюю.

Федоровская ярмарка. 1910-ые гг. Фоторепродукция Г. П. Белякова.

Если Федоровская ярмарка проходила ранней весной, в самую распутицу, то Девятая всегда была в начале лета — при наступлении жарких, погожих дней. Эта ярмарка приурочивалась к дням памяти о стихийных бедствиях — пожарах, постигавших город Кострому в прошлом и позапрошлом веках. В память этих событий были установлены крестные ходы вокруг города в течение трех последующих воскресных дней, начиная с девятого после Пасхи. Каждый раз обходили третью часть города.

После церковной службы в соборе весь состав духовенства с иконами, хоругвями, в парчовом облачении, с кадилами и пением соответствующих молитв собирался на соборной площади при большом стечении молящихся (преимущественно крестьян из окрестных деревень) и медленно направлялся по определенному маршруту вокруг одной части города. Духовенство церквей, находящихся по пути следования хода, с такими же религиозными атрибутами присоединялось к нему. Вся эта церемония очень напоминала древние мистерии, когда человечество против неумолимых сил природы не имело никаких других средств борьбы, кроме просьбы и умиротворения мистического божества. По пути следования хода, по распоряжению полиции, домовладельцы обязывались выносить кадки с водой и кружки для утоления жажды богомольцев. При этом никаких, даже самых элементарных, правил санитарии не соблюдалось, а на немощеных улицах от движения массы людей поднимались целые облака пыли, которая тут же оседала и на кадки с водой, и на продукты и сладости, которые продавались с рук предприимчивыми лотошниками.

Крестный ход у храма Козьмы и Демьяна на Гноище (Владимирском Божьей Матери). Фото Н. А. Карякина. 8 мая 1905 г.

Крестьяне задолго готовились к этим торжественным дням и, завязав в узелок свою лучшую летнюю одежду, перекинув через плечо кожаную обувь, босиком шагали до городских окраин, где умывались у ближайшей водокачки, надевали обувь и шли в крестный ход. Преобладали женщины и подростки. Ничего не было удивительного, что крестьяне десятками лет пользовались одной парой обуви — они носили ее больше на плече, чем на ногах.

После окончания крестного хода все шли в центр города, где уже был поднят флаг ярмарки. На плацу, между торговыми рядами, от памятника Ивану Сусанину до часовни против Молочной горы, было сооружено несколько рядов досчатых торговых полков, в которых с исключительным искусством раскладывались ярмарочные товары. Все было рассчитано на привлечение внимания любого покупателя — от малого до старого.

В первом ряду торговали детскими игрушками, привезенными из Сергиева Посада, Палеха, Семеновского и т.д. Чего только тут не было: куклы, сабли, барабаны, дудки, деревянные матрешки, детские пистолеты, гармошки, настольные игры и прочее. Толпы ребят с утра и до вечера стояли перед этими «магазинами», завидуя счастливым, которым родители имели возможность купить дорогую и красивую игрушку.

Тут же с рук продавали воздушные шары ярких цветов, которые, шурша друг о друга, стремились вырваться в голубую безоблачную даль. Нередко бывали случаи, когда подгулявший купчик покупал всю связку и тут же ее отпускал ввысь, доставляя удовольствие себе и посетителям ярмарки. Бывало и хуже, когда приехавшая шайка воров проделывала то же самое. Тогда многие недосчитывались кошельков и портмоне.

Тот же торговец продавал резиновых, надувающихся чертиков, которые выпуская из себя воздух, издавали резкий писк. Эту игрушку любили и дети, и подростки.

Другие разносчики продавали «тещины языки» — бумажные шарики, набитые опилками, и больших пауков со спиральными проволочными лапками. К ним прикреплялась тонкая резина, при подергивании которой шарики прыгали, а пауки, кроме того, страшно шевелили своими проволочными лапками. Эти игрушки были самые доступные по цене.

Почему-то только на ярмарке можно было видеть так называемых «морских жителей» — игрушки, сделанные на основе известных законов физики. Их было два вида. Одна из таких игрушек представляла из себя запаянную с обоих концов стеклянную трубку из толстого стекла, длиной 25-30 см и диаметром 3-4 см. Небольшое круглое отверстие на боку затягивалось тонкой резиной. В трубку наливалась вода и помещался маленький стеклянный чертик желтого или зеленого цвета, пустотелый, с белым хвостом, обвивающим его фигурку и имеющим на самом конце отверстие. Нужно было поставить трубку вертикально, нажать на резину, и тогда чертик, на основе закона Архимеда, начинал подниматься и опускаться, при этом он быстро крутился вокруг своей оси. Продавали их всегда с различными присказками, вроде: «Три года картошку копал — на четвертый в бутылку попал!»

Вторая игрушка представляла из себя также стеклянную трубку, но из более тонкого стекла и меньшего размера, с утолщением внизу. Трубка запаивалась наглухо. В нее наливался подкрашенный спирт, иногда также помещался чертик, а воздух выкачивался. Надо было трубку зажать в кулак, и тогда спирт в ней начинал быстро кипеть, а чертик прыгать. Знающие физику сразу же сказали бы, что это «кипятильник Франклина», в основу которого положено кипение жидкости в разреженном пространстве при более низких температурах. Эти игрушки пользовались большим спросом у любознательных мальчиков-подростков.

Ярославские кондитеры Лопатины, Сапожниковы и Петровы в своих остекленных павильонах продавали аппетитные пряники: вяземские, тульские, городецкие — в форме прямоугольников, больших рыб и драконов, белую и розовую хос-халву, рахат-лукум, цукаты и всевозможные засахаренные орехи и фрукты. Тут же были небольшие ларечки, где кавказцы на глазах покупателей при помощи центрифуги делали сахарную вату, в особых печках пекли вафли, пышки и пончики. Рядом торговали красивым на вид, желтым и ярко-красным квасом и другими безалкогольными напитками.

Персы, армяне, грузины, таджики, сарты (узбеки) и прочие восточные купцы торговали сухими фруктами, орехами, рисом, изюмом, турецкими рожками, «дивным медом» и всякими восточными сладостями. Костромичи с удивлением и любопытством смотрели на персидских купцов, одетых в причудливые национальные костюмы, и с бородами, окрашенными в красный и синий цвета. Дети же их

страшно боялись.

Ближе к мучным рядам располагались палатки с текстильным лоскутом, деревянной посудой, иконами, сельхозинвентарем и шорным товаром.

Торговля на ярмарке была не только розничной, но местные купцы — владельцы «колониальных» магазинов — у восточных купцов товары покупали крупным оптом. Оптом же шли щепяные и шорные товары, а также иконы и церковная утварь.

На льняной площадке, где в настоящее время разбит сквер, между мучными рядами и Анастасьинским женским монастырем, вырастали увеселительные предприятия. Обязательно устанавливались две карусели, качели-лодки. Иногда бывал цирк-шапито, т.е. временный, под брезентовым куполом. В два ряда ставились балаганы, где подвизались различные фокусники, иллюзионисты, гипнотизеры, гимнасты, шпагоглотатели, силачи, поднимающие большие штанги и гири, иногда картонные или деревянные. Бывали и укротители диких зверей, а также демонстрировались различные человеческие уродства в виде волосатых людей-собак, бородатых женщин, карликов, великанов, но больше всего простому народу нравился «Петрушка». Это представление с куклами было предшественником кукольных театров. Особенно любили зрители сценку, когда Петрушка, столкнувшись с городовым, своим пискливым голосом осыпает его язвительными шутками, а потом даже награждает тумачами.

Учащаяся молодежь охотно посещала паноптикум, который иногда бывал в Костроме. Это был музей восковых фигур, имевший два отделения — историческое и анатомическое. В историческом отделении можно было видеть в натуральном росте восковые фигуры известных государственных деятелей прошлого, а также объекты и орудия пытки инквизиции. Некоторые фигуры с помощью заводных механизмов производили дыхательные движения. В анатомическое отделение дети до 16 лет не допускались — там демонстрировались люди различных рас, всевозможные физические уродства и заболевания.

После 1905 года начали появляться так называемые «синематографы» (как тогда называлось кино), это были также досчатые балаганы, где в течение 15-20 минут демонстрировались простенькие, бессодержательные немые фильмы заграничного происхождения. Экран с обратной стороны освещался с помощью карбидного фонаря, а аппарат приводился в движение руками. Надо сказать, что и карусели крутили люди, бегая по кругу в ее чердачной части.

С утра и до позднего вечера не смолкал ярмарочный шум, музыка, писк рожков, дудок и резиновых чертиков, крик, смех, плач детей и даже драки. Иногда бывали любопытные сценки поимки карманных воришек. Большой интерес представляли так называемые «зазывалы», выходящие в причудливых костюмах на высокий помост каждого балагана с целью привлечения посетителей. Пеньем, сатирически-злободневными шутками, танцами и фокусами они заманивали посетителей, ежеминутно звеня в колокольчик, сообщая таким образом о начале представления. Иногда на помост выводили дрессированного медведя.

Так продолжалось более двух недель, а потом город снова входил в свою обычную, будничную колею.

НА СВЯТОМ ОЗЕРЕ

Введение

К западу от Ипатьевского монастыря, на правом берегу реки Костромы, издавна начинался край очень своеобразный и в историческом, и в этнографическом, и в геологическом отношениях.

Несколько тысячелетий тому назад, после отступления ледника, здесь, на низменных пространствах между будущими городами Костромой и Ярославлем, образовалось огромное озеро, послужившее одним из источников возникновения великой реки, которую мы называем Волгой. Постепенно озеро исчезло, оставив после себя равнинный край с разветвленной системой рек, речек, болот, больших и малых озер. Поскольку с востока естественной границей этого края служила река Кострома — в прошлом для отличия от города Костромы называемая нередко просто «рекой», — то с давних пор он стал называться Заречьем или Зарецкой стороной.

Раньше, во время весенних разливов Волги и Костромы, костромское Заречье заливалось сплошь на десятки верст. Это, естественно, влияло на жизнь местного населения: села и деревни здесь строились на небольших возвышенностях, причем, нежилые постройки — бани, амбары и даже храмы (деревянные, разумеется) — нередко ставились на высоких сваях, придавая зареченскому пейзажу неповторимый характер. Заречье оставило свой след и в русской литературе — ведь это тот самый «болотистый низменный край», где жил дедушка Мазай, и всем нам известные события, описанные в знаменитом стихотворении Н.А. Некрасова, произошли во время одного из весенних половодий именно здесь.

Наш рассказ пойдет об уголке Костромского Заречья вокруг небольшого озера, находящегося в двух километрах от Ипатьевского монастыря. Этот район у озера является для костромской земли примерно тем же, чем для всего нашего Отечества является Куликово поле: дважды, в XIII и в XVII веках, здесь происходили кровавые битвы, память о которых жива и поныне. В настоящее время это озеро по протянувшейся вдоль его берега деревне Некрасове называется Некрасовским, но в историю костромского края оно навсегда вошло под своим древним именем — Святое.

И сейчас на берегу озера, отражаясь в его глади, стоит старинная, увенчанная шатром, часовня. Еще в 20-е годы нашего века на другом берегу возвышалась вторая часовня, образовывавшая вместе с первой своеобразный архитектурный ансамбль, являющийся памятником павшим здесь нашим предкам.

Истории этого уголка Заречья, истории Святого озера и его часовен, посвящается настоящий очерк.

Начало. Первая битва на озере

Начало истории Святого озера уходит вглубь веков. Древнейшим и самым известным событием, связанным с озером, является произошедший здесь в XIII веке разгром татарского отряда дружиной костромского князя Василия Ярославича.

К сожалению, в дошедших до нас летописях ничего не говорится об этой битве. Единственный повествующий о ней исторический источник — «Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Божьей Матери», произведение, создававшееся на протяжении нескольких веков и дошедшее до нас в ряде списков.

В этой части «Сказания о явлении и чудесах Федоровской иконы Божьей Матери» (далее — «Сказание»), в которой говорится о битве на Святом озере, описывается, как пришло под Кострому

татарское войско и как костромской князь Василий Ярославич (ошибочно называемый Василием Георгиевичем) «повеле собрати все свое воинство противу безбожных агарян»¹. Поскольку князь Василий Ярославич — единственное историческое лицо, участвовавшее в этих событиях, необходимо сказать о нем подробнее. Первый костромской князь Василий Ярославич родился в 1241 году (2), его отцом был великий владимирский князь Ярослав Всеволодович, дедом — знаменитый Всеволод Большое Гнездо, а прадедом — еще более знаменитый Юрий Долгорукий. На владимирском столе отец князя Василия, Ярослав Всеволодович, сменил своего брата Георгия Всеволодовича, погибшего в роковой для русской истории битве с татарами на реке Сить в 1238 году (в «Сказании» князь Василий назван сыном Георгия Всеволодовича, но на самом деле он был его племянником). Таким образом, детство Василия, младшего сына князя Ярослава Всеволодовича — а одним из старших сыновей Ярослава был Александр Невский, — пришлось на первые годы после татарского нашествия. Пяти лет от роду Василий лишился отца, отравленного в Орде. При рождении он получил в удел Кострому, куда и прибыл, как считается, в конце 50-х годов (3). В 60-70-е годы XIII века князь Василий Ярославич играл довольно видную роль в политической жизни Северо-Восточной Руси, в 1272 году он стал — как и его отец, как и старший брат Александр Невский — великим владимирским князем (4), но при этом не переехал во Владимир, чье значение падало, а остался жить в Костроме, ставшей на какое-то время, по сути, стольным городом Владимиро-Суздальской Руси.

При князе Василии в окрестностях Костромы произошло явление иконы Божьей Матери, получившей наименование «Феодоровской» и почитавшейся с тех пор как главная святыня и охранительница костромского края.

Скончался Василий Ярославич в 1276 году (5), похоронили его в Костроме.

Разгром татар на озере под Костромой — один из наиболее ярких и героических эпизодов в жизни князя. Перед выходом навстречу татарам князь Василий вспомнил своего предка — великого владимирского князя Андрея Боголюбского, который «вождаше с собою чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Владимирския, егда хождаше на брани» (6), и отправился на бой с врагом с главной святыней Костромы — иконой Федоровской Божьей Матери.

Само сражение с татарами в «Сказании» описывается так: «...И отидоша от града яко два поприща или вдале мало и стаха у некоего езера (озера. — Н.Э.), и яко же бысть полки близ между собою, и оружие свое извлекоша грешницы и напругоша лук свои еже состреляти правыя и смиренныя сердцем, малое христианское воинство, и внезапно от чудотворного образа Пресвятыя Богородицы возняша божественныя и пресветлыя лучи, паче солнечных луч и аки огонь попяляющи и нападающа на них и пожигая татарския полки, и от того озарения и луч божественных и от паления, вси противный полки смятошася, и мнози от них ослепоша и друг друга не познаша и вниде в них страх и трепет, и оружие вниде и сердце их и луцы их сокрушишася и нападоша на них россиястии полпы и побиша их многое множество, останцы же нечестивых исчезоша и погибоша за беззаконие свое, пленников же российских всех отполониша заступлением и помощью Пресвятыя Божия Матере» (7).

В «Сказании» не указывается, в каком году произошла битва, в исторической же литературе датировка ее дается самая различная, и, так как мы не сможем понять многое из обстоятельств, связанных с битвой, не установив возможно более точно ее даты, рассмотрим этот вопрос подробно.

Н.М.Карамзин датировал битву 1241 годом (8). Костромской историк К.А.Булдаков относил ее к 1257 году (9). Несколько исследователей предполагало, правда косвенно, что битва произошла в 1262 году (10). Краевед В.Н.Бочков датировал битву 1264 годом (11). Ряд авторов указывает датой битвы 1272 год (12).

В итоге мы имеем пять вариантов датировки битвы с татарами на озере в окрестностях Костромы: 1241, 1257, 1262, 1264 и 1272 гг..

Рассмотрим первый вариант, освященный именем Н.М.Карамзина. Вот соответствующее место в карамзинской «Истории государства Российского»: «В 1240 году родилась у Ярослава (Ярослава Всеволодовича, отца князя Василия. — Н.Э.) дочь Мария, а в 1241 году сын Василий (Василий Ярославич, первый костромской князь. — Н.Э.). В сем году, по какому-то преданию, княжил в Костроме князь Василий Георгиевич, сын Георгия Ярославича, прозванный Квашнею, и в двух верстах оттуда, близ небольшого озера, разбил татар, шедших от Ярославля с добычей и пленниками: в память чего это озеро именуется Святым, а победа приписывается Феодоровской иконе Богоматери, явившейся при сем князе Василии Георгиевиче, которого не знаем» (13).

Бросается в глаза, что знаменитый историк при написании данного отрывка опирался как на летописи, так и на «Сказание» (как и в последнем, Н.М.Карамзин называет князя, разбившего татар под Костромой, Василием Георгиевичем, правда, использовал он «Сказание» не прямо, а через неизвестную нам статью в «Словаре географическом Российского Государства»). Именно поэтому Н.М. Карамзин пишет об одном князе Василии Ярославиче как о двух разных князьях.

Что можно сказать о возможности битвы на Святом озере в 1241 году? Естественно, что Василий Ярославич не мог участвовать в битве, произошедшей в год его рождения, но в этот год вообще в окрестностях Костромы не могло быть битвы с татарами. Воспомним — разгром основных районов Северо-Восточной Руси татарами Батыея произошел зимой 1237-1238 годов (когда, безусловно, была захвачена и Кострома). В 1239 году татары покоряли территории, уцелевшие от разгрома в первый год нашествия (районы нижней Оки и нижней Клязьмы); в 1240 году они громили южную Русь «о главе с Киевом, а в 1241 году Батый вел боевые действия еще западнее — в Польше, Чехии, Венгрии и т.д. Так что в 1241 году татары были очень далеко от Костромы, и никакой битвы с ними здесь просто не могло быть.

Предположение о том, что битва могла произойти в 1257 году несравненно более обоснованно. Выдвинувший это предположение историк К.А.Булдаков пишет: «Всего вероятнее, битва костромичей с татарами произошла в 1257 году, когда в Золотую Орду через Кострому из Ярославля двигался монгольский отряд, посланный туда для усмирения жителей, поднявших восстание против татарских сборщиков дани» (14). Действительно, в 1257 году на Руси впервые проводилась — с целью взывания татарской дани — перепись населения. В ходе этой переписи рядом с Костромой, в Ярославле, произошло выступление ярославских князей против татар, завершившееся битвой на Туговой горе, в которой победу одержали татары. Следовательно, если на Святом озере битва действительно состоялась с 1257 году, то костромским князем были разбиты победители восставших ярославцев, что маловероятно. И дело даже не в том, что и XIII веке Ярославль был более крупный город, чем Кострома, и если были разбиты восставшие ярославцы, то вряд ли больше шансов на победу могли иметь костромичи. Во-первых, И.В.Миловидов, историк серьезно и глубоко занимавшийся временем первого костромского князя, считал, что Василий Ярославич прибыл в свой костромской удел в конце 50-х годов XIII века (15), то есть, скорее всего, на 1257 год князя еще не было в Костроме. Во-вторых (и это главное), если допустить, что татарский отряд разбит под Костромой в 1257 году, то почему и город, и князь не понесли со стороны татар суровой кары? Первым на это обратил внимание П.Ф.Островский, писавший: «За поражением татар, по-видимому, надобно было ожидать от свирепых властителей жестокой мести, но, к удивлению, это событие не имело никаких ни для князя, ни для Костромы худых последствий» (16).

Пропустив 1262 год (к нему мы вернемся ниже), перейдем к 1264 году — дате битвы на озере, по мнению краеведа В.Н.Бочкова. Указав на события 1262 года, когда практически по всем основным городам Северо-Восточной и Северной Руси прошли восстания против татарских сборщиков дани, В.Н.Бочков пишет, что в этом восстании «... активное участие принимала и Кострома» (17). Но вслед за этим, не предъявив никаких аргументов, В.Н.Бочков относит битву к 1264 году: «Для подавления восстания (восстания 1262 года. -- Н.З.) хан выслал сильную рать, которая захватила Ростов и Ярославль, жестоко расправившись с восставшими. Летом 1264 года татары двинулись на Кострому» (18). Ни о чем подобном в источниках нет ни слова, и, следовательно, все это является вымыслом В.Н. Бочкова. Ниже мы коснемся того, что никаких кар со стороны орды ни один русский город за выступления 1262 года не понесли, значит, никаких жестоких расправ с населением Ростова и Яро-авля в этом году не было, а, следовательно, и не было никакого похода на Кострому в 1264 году.

1272-й год. Эта дата преобладает в работах последних лет, хотя в ее обоснование не выдвинуто никаких аргументов. Самый веский довод против возможности битвы на озере в 1272 году состоит в том, что именно в этом году Василий Ярославич стал великим владимирским князем (оставшись, как писалось выше, жить в Костроме), и о его битве с татарами летописи вряд ли бы умолчали. Одно это позволяет уверенно перечеркнуть и 1272 год как возможную дату битвы в окрестностях Костромы.

И, наконец, — 1262 год. О событиях этого года — о широком и одновременном выступлении против сборщиков дани для Орды во всех основных городах Северо-Восточной и Северной Руси (Владимир, Суздаль, Ростов, Переяславль-Залесский, Ярославль, Великий Устюг и др.) — уже упоминалось. Именно выступления 1262 года остались без ответного карательного похода татар. Традиционно это объясняется тем, что тогдашний великий владимирский князь Александр Невский

(напомню: старший брат Василия Ярославича), съездив в Орду, сумел, как пишется в его Житии, «отмолить людей от беды» (19).

Однако дело обстоит гораздо сложнее. На начало 60-х годов XIII века приходится процесс распада гигантской монгольской империи, созданной завоеваниями Чингиз-хана и его преемников. Одним из «обломков» распадающейся империи была Золотая Орда, под власть которой переходили и русские земли. Восстания же 1262 года были направлены против так называемых «бесермен» (20), то есть «басурман», как называли обычно бухарских и хивинских (21) — мусульманских — купцов, которым центральные власти Орды отдавали на откуп русскую дань. Некоторые историки — и совершенно справедливо, на мой взгляд, — считают, что выступления 1262 года были предприняты по инициативе Александра Невского (22). Л.Н.Гумилев писал об этих событиях: «Самое интересное здесь то, что золотоордынский хан Берке не только не начал карательных мероприятий, но использовал мятеж (т.е. выступления 1262 года. — Н.З.) в свою пользу: он отделился от центральной Орды и превратил свою область в самостоятельное государство» (23).

Первым, правда косвенно, в пользу 1262 года высказался костромской историк И.В.Миловидов, комментируя то место в «Сказании», где говорится о битве на Святом озере: «Трудно определить, о каком нашествии татар повествуется. По крайней мере, на это нет точных указаний в летописях, но можно думать, что это было нашествие не татар собственно, но бесерменских купцов, которым татары отдавали на откуп дань с русских областей» (24). Более определенно на этот счет высказался И.В.Баженов, относивший битву на Святом озере, никак, впрочем, это не аргументируя, к 1262-1264 годам (20). В послереволюционное время подобное предположение повторила В.Г.Брюсова. Говоря о событиях 1262 года, она писала: «Возможно, среди восставших городов была и Кострома, и предание (о битве на Святом озере. — Н.З.) отражает один из эпизодов борьбы с поработителями, запечатлевшийся в памяти народной» (26).

Исходя из всего этого, можно утверждать с достаточной уверенностью, что битва на Святом озере могла произойти только в 1262 году (к тому же, именно в грозных и масштабных событиях этого года эпизод сражения под Костромой вполне мог пройти не отмеченным в летописях).

Выяснив наиболее вероятный год сражения с татарами, мы можем на основе «Сказания» примерно представить общую картину сражения: в Костроме узнают о приближении татар, сопровождающих «бесермен» — восточных купцов-откупщиков. Как и в других городах, татар решают встретить с оружием в руках. Дружина князя переправляется через реку Кострому и проходит около двух верст до небольшого озера, где вскоре и происходит битва. Можно спросить — почему место для битвы было выбрано именно здесь? Почему врага не встретили, например, у стен города? Ясно, что это место было выбрано не случайно. Василий Ярославич, сын участника многих битв Ярослава Всеволодовича, брат Александра Невского, и сам, вероятно, был не последним полководцем своего времени — судя по всему, он решил устроить татарам у озера засаду.

Татары приближались к Костроме по одной из древнейших дорог Северо-Востока Руси. Эта дорога (трудно сказать, когда она возникла, но явно, что во 2-й половине XIII века она уже в каком-то виде существовала) шла по левому берегу Волги и соединяла между собой Ярославль и Кострому. Старинное название этой дороги — «луговая» — объясняет раннее ее появление: здесь, на низменных просторах вдоль Волги, не было сплошных массивов лесов, и, кроме весенних разливов, ничто не препятствовало движению по ней. Не доходя примерно двух верст до впадающей в Волгу реки Костромы, дорога упиралась в неширокое, но очень вытянутое в плане озеро, обойти которое было нельзя (видимо, еще в древности через него был переброшен мост).

Судя по всему, в XIII веке местность у озера была лесной. Дубовая роща, остатки которой существуют у Святого озера, как признавали многие историки, являлась остатком древних дубрав, покрывавших в прошлом район Заречья у впадения реки Костромы в Волгу.

В каком месте озера произошла битва с татарами? Логичнее всего предположить, что русская дружина не переходила через озеро, а ждала противника, имея озеро перед собой, вероятно, укрывшись в дубраве. Видимо, дав татарам перейти озеро, воины князя Василия ударили по противнику, разбили его и обратили в бегство, во время которого многие из татар и «бесермен» могли найти свой конец в глубоком озере.

Разгром татар несомненно произвел — и не мог не произвести тогда — большое впечатление во всем костромском крае. Как предполагают, через какое-то время была создана «Повесть о битве на

Святом озере», дошедшая до нас в составе «Сказания о явлении и чудесах Федоровской иконы Божьей Матери» (27).

Погибших костромичей, конечно, увезли в город и предали земле. А у озера «на том же месте, идеже стояща с чудотворным образом противу татар, поставнша крест» (28). Этот крест — вероятно, немалых размеров — безусловно, относился к категории «памятных» крестов, ставившихся обычно в память о каком-то событии. Отмеченное памятным крестом место у озера на протяжении веков оставалось одним из наиболее почитаемых на костромской земле. Как говорится в «Сказании»: «... И прослы то место Святое» (29).

«Прослы то Святое езеро...»

На берегах озера, вблизи которого произошло сражение с татарами, люди жили еще многие тысячи лет тому назад. В глубоком прошлом, включая и время битвы, оно именовалось Мерским озером. Обычно такое название объясняют тем, что до прихода славян здесь, в Костромском Заречье, жили представители угро-финского племени Меря. Однако меряне расселялись, скорее всего, по всей Зарецкой стороне, но Мерским называлось только одно это озеро — первое по дороге от Костромы. Известно, что в XVI-XVII веках Заречье входило в Мерской стан (стан — административно-территориальная единица XIV-XVII вв.). Поскольку стан обычно назывался по главному населенному пункту на его территории — а никаких населенных пунктов с названием «Мерское» здесь нет и в обозримом прошлом не было, — то можно предположить, что или стан был назван по озеру, или селение, когда-то возникшее на его берегу, первоначально также называлось по озеру — Мерским (среди старожилов д. Некрасово существует предание, что их деревня в глубоком прошлом называлась не то «Ионово», не то «Оново»).

Через какое-то время после битвы с татарами Мерское озеро было переименовано в Святое озеро. В «Сказании» об этом говорится так: «... И прослы то место Святое. Близ же того места есть езеро и потому же месту прослы то Святое езеро» (30). Древнейшее упоминание озера под названием «Святое» относится к 1562 году*, но переименование, конечно, произошло намного раньше. (Первоначальное название озера, Мерское, не забылось до сих пор — оно сохранилось за одним из рукавов Святого озера, ставшего ныне фактически самостоятельным озерком). Я думаю, что в переименовании озера решающую роль сыграли две причины: во-первых, действительное почитание отмеченного памятным крестом места проявления одного из чудес Федоровской иконы Божьей Матери и, во-вторых, — соседство Ипатьевского монастыря, возникшего неподалеку от озера то ли в конце XIII, то ли в начале XIV вв. (известно, что озера с названием «Святое» находились возле многих старых русских монастырей). Не последнюю роль в деле переименования сыграло, видимо, и само название озера, в разговорной речи звучавшее как «мерзкое». Такому названию, конечно, было не место вблизи святой обители.

** В сотной выписи за 1562 год сказано: «Ипатцкого ж монастыря речка Игуменка от Свята озера вниз до реки до Костромы (31).*

Вспомним, что и небольшая речка, вытекающая из Святого озера и впадавшая еще не так давно у стен Ипатьевского монастыря в Волгу, дошла до нас под красивым и редким названием «Игуменка». Название это, скорее всего, также появилось в результате переименования (не называлась ли речка в древности, например, Мерой?).

Когда на берегу озера возникло поселение, мы не знаем, но можно уверенно сказать, что оно весьма древнее и возникло намного раньше своего первого документального упоминания в конце XVI века. В «Сказании» о возникновении селения на озере говорится так: «На том же месте и весь (весь — деревня (32). — Н.З.) поселился такажде именуема Святое» (33). Впервые это селение под названием деревня «Святое озеро» упоминается в жалованной грамоте Ипатьевскому монастырю от царя Федора Ивановича за 1586 год (34). Следовательно, в XVI веке деревня называлась «Святое озеро». В XVII и в XVIII веках поселение это уже известно нам как сельцо Святое. Термина «сельцо» мы коснемся ниже, а сокращенное название селения, видимо, пришло в официальные документы из разговорной речи, в которой «Святое озеро» превратилось в «Святое», во-первых, из-за повсеместно распространенной в

устной речи тяги к сокращению (отчего Ильинская улица называется Ильинкой, а Нижний Новгород — просто Нижним), а, во-вторых, для того, чтобы отличить озеро от находящегося на его берегу населенного пункта.

Примечательны обстоятельства, при которых деревня Святое озеро впервые упомянута в дошедших до нас источниках.

По воле Годуновых

Боярский род Годуновых издавна был связан с Ипатьевским монастырем: легендарный татарский мурза Чет, считающийся основателем монастыря, почитался и как предок Годуновых. При Иване Грозном большую карьеру при царском дворе сделал Дмитрий Иванович Годунов, дядя Бориса Годунова, ставший главой Постельничьего приказа. Рано потеряв своих детей, Дмитрий Иванович способствовал продвижению племянника, женив его на дочери всесильного главы опричников Малюты Скуратова. После смерти в марте 1584 года Ивана Грозного, при новом царе Федоре Ивановиче, женатом на сестре Бориса Годунова, Ирине, последний занял при дворе ведущее положение. Одним из средств укрепления этого положения и стал для Годунова Ипатьевский монастырь, издавна служивший местом упокоения практически всех членов годуновского рода (не стань Борис царем — он, несомненно, был бы похоронен в монастыре рядом со своими родителями). Богатый и цветущий монастырь как нельзя лучше способствовал престижу и притязаниям Годуновых.

Именно в это время — сразу после смерти Грозного — Годуновы Решают полностью перестроить Ипатьевский монастырь, заменив его деревянные постройки каменными. Масштаб предстоящих работ требовал и больших средств, и большого количества рабочих рук. Годуновы предпринимают соответствующие шаги, и в декабре 1586 года царь Федор Иванович выдает жалованную грамоту, адресованную «в наше богомолье в Ипатцкой монастырь строителю Гурию з братьею». Этой грамотой, где говорилось: «...била челом жена моя Царица и Великая Княгиня Ирина, чтобы нам пожаловати дати вотчину в Ипатцкой монастырь по ее родителям по отце ее Федоре Ивановиче и по матере ее Стефаниде, а во иноцех старице Сундулее и по брате ее по Василье по Федоровиче и по всех ее родителех...» (35), царь Федор пожаловал монастырю целый ряд сел и деревень костромского края. В числе пожалованных была и «деревня Святое озеро», принадлежавшая до того (наряду с двумя соседними деревнями — Стрельниковым и Алферовым) некоему «Микифору Чулкову сыну Головцына» (36).

Так с 1586 года — и почти на два века — селение на берегу Святого озера стало собственностью Ипатьевского монастыря, а его жители — монастырскими крестьянами.*

Крупное царское пожалование создало для монастыря необходимую материальную базу, благодаря которой вскоре — видимо, уже весной 1587 года — в «Ипатии» начались строительные работы, в результате которых за два десятилетия был, по сути дела, возведен новый монастырь. Наряду с построенными в начале 60-х годов XVI века каменными соборами были сооружены каменные стены с пятью башнями, звонница, комплекс Святых ворот с надвратными церквями во имя святых Федора Стратилата и Ирины (небесных покровителей царской четы), жилые и хозяйственные постройки. Во всех этих работах, конечно, участвовали и жители деревни Святое озеро.

В 1597 году, после смерти Федора Ивановича, Борис Федорович Годунов стал царем, что обещало, в частности, и дальнейший расцвет Ипатьевского монастыря. Однако вскоре после воцарения Бориса российское государство в силу многих причин вступило в полосу глубокого кризиса, сопровождавшегося массовыми народными движениями, иноземными нашествиями и гражданской войной. Бури Смутного времени — под таким названием вошел этот период в историю России — пронесли и над Костромским Заречьем.

** Крестьяне Святого перестали принадлежать Ипатьевскому монастырю всвязи с ликвидацией монастырских владений в 1764 году, но, естественно, монастырь продолжал играть в их жизни весьма заметную роль.*

Смутное время. Вторая битва на Святом озере

Из всех трагических событий Смутного времени, произошедших в костромском крае, мы коснемся только эпизода, непосредственно связанного со Святым озером.

Как известно, династия Годуновых была свергнута поддерживаемым поляками самозванцем, выдававшим себя за покойного сына Ивана Грозного, Дмитрия (считается, что этим самозванцем был галичский дворянин Григорий Отрепьев). Недолго поцарствовал, «Лжедмитрий» погиб вследствие боярского заговора, после чего царем стал князь Василий Шуйский. Однако с новым правителем мир на русскую землю не пришел, так как в борьбу с Шуйским вступил Лжедмитрий II, более известный по названию своей ставки в подмосковном селе Тушине как «тушинский вор». В ходе этой борьбы, перекинувшейся на многие районы страны, войска Лжедмитрия II-го в декабре 1608 года взяли Кострому, находившуюся на стороне Василия Шуйского. Из разгромленной Костромы тушинцы направились на Галич, подвергнув разгрому и его. Но вскоре военная ситуация в крае изменилась. Ополчение северных городов (Солигалича, Вологды, Великого Устюга, Тотьмы) освободило Галич и в конце февраля 1609 года подошло к Костроме. В результате ожесточенных боев тушинцы были выбиты из города, но в их руках осталась мощная каменная крепость — Ипатьевский монастырь. Вскоре началась его осада.

Исход борьбы в центральной части России зависел тогда от итогов осад двух монастырей: Троице-Сергиева, осажденного тушинцами и поляками, и Ипатьевского, где, наоборот, были осаждены тушинцы и поляки. Во главе осажденных в Ипатии стоял представитель древнего боярского рода Никита Вельяминов, осаждающие же войска с июня 1609 года возглавил царский воевода Давыд Жеребцов, сыгравший в событиях Смутного времени исключительно выдающуюся роль. На помощь осажденным в монастыре поспешил один из начальников войск тушинского вора Александр Лисовский. Из Юрьевца, где он находился тогда, разгромив по дороге Кинешму и Плес, Лисовский правым берегом Волги подошел к Костроме и встал лагерем напротив Ипатьевского монастыря — в Селище. Однако, не найдя лодок для переправы — видимо, осаждающие успели заблаговременно предпринять меры, — Лисовский не смог переправиться через Волгу (до плотин, убивших живой волжский ток, было еще далеко, и течение великой реки было весьма сильным).

Потерпев неудачу, Лисовский ушел от Костромы к Троице-Сергиеву монастырю, разгромив по пути Нерехту и Большие Соли. Осада же Ипатия продолжалась и завершилась тем, что в ночь на 25 сентября 1609 года два костромских «служилых человека» — «Костюша Мезенцев и Николай Костыгин» — взорвали монастырскую стену, чем предрешили судьбу осажденных (37). Убедившись, что более удерживать монастырь невозможно, тушинцы и поляки пошли на прорыв. Учитывая расположение Ипатьевского монастыря, прорываться из кольца осады они могли только по Ярославской дороге — к Святому озеру.

О том, что последовало дальше, мы можем узнать из специальной работы, вышедшей к 300-летию этих событий, в которой сообщалось, что тушинцы и поляки, «вышедши из монастыря, отступили к Святому озеру и, преследуемые войсками воеводы (Давыда Жеребцова. — Н.Э.), были рассеяны, причем, большое количество их потонуло в озере» (38).

С финальными событиями осады Ипатия до сих пор не все ясно. Среди дореволюционных костромских историков преобладало мнение, что монастырь был взят в июне или июле 1609 года (39), ибо возглавивший в июне осаду монастыря Давыд Жеребцов уже в начале июля, будучи к этому времени одним из воевод выдающегося русского полководца, князя М.В.Скопина-Шуйского, громил поляков под Калязным (40).

В вышедшей в советское время работе Л.Б.Генкина, без ссылки на источник, была дана вышеприведенная дата взятия монастыря — 25 сентября 1609 года. Причем, Л.Б.Генкин писал, что монастырь был взят Давыдом Жеребцовым (41). У нас нет сведений, что Жеребцов в сентябре 1609 года находился где-то в ином месте, и очень вероятно, что его — опытного, знающего ситуацию военачальника — могли в сентябре вторично направить к Ипатьевскому монастырю, и под руководством Жеребцова осажденная обитель была, наконец, взята.*

При любом временном варианте взятия Ипатия — в июне или в сентябре — факт сражения у Святого озера, завершившего собой эпопею ипатьевской осады, не подвергался сомнению никем из

историков. Есть и прямые подтверждения этому — случаи обнаружения в озере старинного оружия.**

Еще несколько долгих лет над Россией и костромским краем бушевали бури Великой смуты, прежде чем в конце марта 1612 года возле Ипатьевского монастыря прошло, направляясь к Ярославлю, ополчение Минина и Пожарского, а затем ровно через год, 19 марта 1613 года, здесь же проехало московское посольство, увозя из Костромы в разоренную столицу нового царя из новой династии Романовых.

** О дальнейшей боевой деятельности Давыда Жеребцова известно, что 19 октября 1609 года он (по поручению М.В. Скопина-Шуйского) с отрядом в 900 человек прибыл в осажденный Троице-Сергиев монастырь и, по сути дела, возглавил его оборону (42).*

*** Художники Чернецовы, посетившие в 1838 году берега Святого озера, засвидетельствовали: «Из этого небольшого озера, изобилующего рыбой, рыбаки вытаскивали своими сетями древнее оружие, и, как нам сказывали, недавно еще подобным образом был найден бердыш» (43).*

Первая часовня

Теперь время перейти к рассказу о старинной каменной часовне, и поныне стоящей на берегу Святого озера. Часовня эта представляет собой квадратную в плане постройку, увенчанную восьмигранным шатром с небольшой главкой. Вход в часовню обрамлен аркой в виде валика с несколькими перехватами, сохранилась входная старинного типа кованая дверь. Углы часовни выделены довольно широкими лопатками. Все стены часовни в цокольной части обегает полоска поребрика, карниз же выделен четырьмя рядами поребрика. В поребрике над входом имеется небольшая ниша для иконы, такая же ниша, но размером побольше, находится и на противоположной, восточной, стороне четверика часовни.

На северной и южной стенах имеется по одному почти одинаковому окну, обрамленному наличниками, главным элементом которых является ниша для иконы — весьма нечастый случай, когда такая ниша входит в убранство наличника. На обоих окнах сохранились кованые ставни.

Над часовней возносится восьмигранный каменный шатер, на котором расположены четыре слуховых окна, грани шатра выделены рельефными жгутами.

Несмотря на небольшие размеры, часовня на Святом озере, безусловно, относится к числу замечательных образцов старинного русского зодчества. В.Г. Брюсова, реставратор и искусствовед, положившая начало реставрации стенописей часовни, была безусловно права, написав: «Прекрасно найденные пропорции куба часовни, шатра и главки придают памятнику большое очарование. Самобытный, чисто русский архитектурный образ этой постройки неотделим от окружающего ее мирного сельского пейзажа» (44).

До конца 30-х годов XX века вокруг часовни возвышалась четырехугольная ограда, основание которой было сложено из валунных камней, а верхняя часть — из большемерного кирпича. От калитки в ограде ко входу в часовню вела своеобразная «лестница» из нескольких плитообразных валунов. Ограда имела целью предохранение часовни от весенних разливов (сейчас ограды нет, а от лестницы остался только один большой валун, лежащий непосредственно перед входом в часовню).

На рубеже XVII-XVIII веков в часовне находился небольшой двухъяблковый иконостас. Сохранилось его описание, относящееся к 1701 году: «В стене поставлен образ осмилистовый избранных святых, а писано на нем: во облацех Спас да святых Иоанна Богослов, великомученик Георгий страсотерпец, священномученик Власий, мученица Анастасия. Да на Спасове образе и священномученике Власии два венца серебряные золочены чеканные, на другой стране -- Молитва Пресвятыя Богородице в рамах Богородице Дево радуйся поставлена в стене» (45).

Но главным элементом внутреннего убранства часовни был стоящий перед иконостасом большой деревянный крест, покрытый живописными изображениями. Приведем описание этого креста, также относящееся к 1701 году: «...А в ней (часовне. — Н.Э.) Животворящий крест большой цкою написан на обе стороны: Распятие Господа нашего Иисуса Христа, над ним ангели господни, а вверху во облаце Господь Саваоф, по сторонам у Распятия образ Пресвятыя Богородицы и Иоанна Богослова, Логин

сотник, Мария Клеопова, перед крестом у Распятия — подсвешник деревянной, писан розными красками, да на том же кресте, на левой стороне поставлен образ Пресвятыя Богородицы Феодоровские с предвечным младенцем, на золоте писан. Перед образом Пресвятыя Богородицы лампадец железной белой, на другой стране креста в начале образ Пресвятыя Троицы, над нею херувим. Над Троечным образом написан образ Николая чудотворца, стоящей перед ним подсвешник, писан розными красками деревянной. У Николая по сторонам написан Спасов образ Пресвятыя Богородицы, великомучеников Флора и Лавра, святого пророка Илии, Моисея богоридца и преподобных отец Антония и Феодосия» (46).

Изнутри часовня сверху донизу была расписана фресками — все писавшие о часовне согласны с мнением В.Г.Брюсовой о том, что они относятся к 1-й четверти XVIII века (47), — в основном на темы явления Федоровской иконы Божьей Матери и совершенных ею чудес (в числе прочих была и фреска, изображающая битву князя Василия Ярославича с татарами на Святом озере).

Таким образом, интерьер часовни в прошлом определялся сочетанием росписей, покрывающих стены и своды часовни, и ее убранства — орнаментированных тябл иконстаса, икон, металлических лампад, расписных деревянных подсвешников, монументального Животворящего креста и другой утвари.

* * *

Когда была построена часовня? Ответить на этот вопрос не так легко. Древнейшим документом, в котором упоминается и описывается часовня в сельце Святом, является составленная в 1701 году переписная книга Ипатьевского монастыря (ее мы цитировали выше), где сказано: «В Костромском уезде в Мерском стану вотчина Живоначальные Троицы Ипатцакого монастыря сельцо Святое, в сельце Святом часовня каменная шатровая об одной главе крыта тесом, крест з главы от ветхости сломлен, по стенам три окна, а в окнах решетки железные, изнутри затворы деревянные. В двух окнах оконницы слудяныя, со всходу двери деревянные» (48).

На основании этого описания В.Г.Брюсова, констатировав «большую ветхость часовни» к началу XVIII века, пришла к выводу о том, что в переписной книге описана не ныне существующая часовня, а часовня ей предшествовавшая, и датировала постройку существующей часовни временем «вскоре после» 1701 года (49). В пользу этого утверждения В.Г.Брюсова, во-первых, указывает на тот факт, что часовня в 1701 году была крыта тесом, в то время как в современной часовне каменный шатер не покрыт ничем (50). Но этот довод совершенно неубедителен: за века существования часовни венчающий ее шатер то был открытым, то его закрывали, вначале — тесом, а позднее — кровельным железом (когда В.Г.Брюсова в 1959 году начала реставрацию стенописей, шатер часовни еще был покрыт железом). Во-вторых, В.Г.Брюсова указывает на то, что у часовни в переписной книге «двери деревянные», а у нынешней часовни — «железная кованая дверь» (51). Этот довод является еще более неубедительным, т.к. за миновавшие столетия и двери у часовни могли смениться не один раз.

И наконец, в-третьих, главный аргумент исследователя — это то, что в переписной книге говорится о трех окнах у часовни, а у существующей часовни их только два (52). На первый взгляд, трудно не признать вескость этого довода, но в то же время, думается, нельзя придавать этому расхождению слишком большого значения -- в конце концов, эти «три окна» могут быть элементарной ошибкой составителей переписной книги (да и где могло быть третье окно, если на одной стене должен быть вход, на двух — окна, а на четвертой, восточной, стене, к внутренней стороне которой примыкал иконостас, никаких проемов быть не могло).

Доводы В.Г.Брюсовой имеют целью подкрепить ее утверждение о «большой ветхости» часовни к началу XVIII века и о том, что переписная книга описывает часовню, которая предшествовала настоящей. Однако, будь часовня на Святом озере действительно в «большой ветхости», это обязательно отметили бы авторы переписной монастырской книги (в том состояла их прямая обязанность), но в тексте ясно говорится лишь о сломанном от «ветхости» деревянном кресте на главке часовни и ни о чем больше.

Но если В.Г.Брюсова все-таки права, то когда же могла быть построена предполагаемая ею каменная часовня, предшествовавшая нынешней? Самый вероятный период — рубеж XVI-XVII веков, время годуновского строительства. Однако если часовню построили тогда, то как же она могла прийти в

«большую ветхость» всего за один век при высоком качестве строительства наших предков? Конечно, нельзя исключить совсем, что предполагаемая часовня могла быть сильно повреждена во время какого-нибудь особенно высокого весеннего половодья, но в целом все это очень и очень маловероятно.

Нет сомнения, что часовня, описываемая в переписной книге 1701 года, — это и есть часовня, стоящая поныне на берегу Святого озера. Но когда же, в таком случае, она все-таки была построена? В дореволюционной литературе почти нет никаких указаний об этом, единственное исключение — Г.К. Лукомский, предположительно отнесший время строительства часовни к концу XVII века (53). В.Г. Брюсова, исходя из своей версии о том, что нынешняя часовня — вторая каменная часовня на этом месте, в отчете о реставрационных работах относила время ее построения к «первой четверти XVIII века» (54), а в более поздней книге об Ипатьевском монастыре — к периоду «вскоре после» 1701 года (55). Явно отталкиваясь от мнения В.Г.Брюсовой, В.Н.Бочков и К.Г.Тороп писали о часовне: «По всей вероятности, она была построена в первой четверти XVIII века» (56). Чуть позднее В.Н.Бочков вновь написал о часовне: «Поставлена она на месте еще более древней часовни в первой четверти XVIII в., в те дни, когда русские войска наголову разгромили под Полтавой хваленую армию Карла XII. Постройкой часовни победители шведских интервентов как бы увековечили подвиг предков» (57). К началу XVIII века относили время строительства часовни В.Н. Иванов, С.И. Масленицин, И.М. Разумовская (58).

Таким образом, большинство писавших о часовне на Святом озере относят время ее построения к 1-й четверти XVIII века. Думается, выше убедительно показано, что часовня была построена, по меньшей мере, на несколько лет раньше 1701 года — раз на ней успел обветшать крест на главке, и, следовательно, прав был Г.К.Лукомский, предположительно отнесший время строительства часовни к концу XVII века. Попытаемся определить это время более точно.

Как мы помним, на Животворящем кресте в числе других были изображения преподобных Антония и Феодосия. Похоже, что изображения этих святых появились на кресте не случайно. Среди архимандритов Ипатьевского монастыря конца XVII века известен архимандрит Антоний (годы его правления монастырем 1675-1683 (39)). Именно по благословлению Антония взамен двух сгоревших деревянных храмов в монастырской Ипатьевской слободе было начато строительство каменного храма во имя Иоанна Богослова (храм возводился в 1681-1687 гг. (60)), который на протяжении столетий был приходским для жителей Святого. Среди архимандритов Ипатия этого времени известны и два Феодосия: первый из них настоятель-ствовал непосредственно перед Антонием — в 1669-1671 гг. (в 1671 году он с оставлением, видимо, за ним поста архимандрита Ипатьевского монастыря был переведен в настоятели Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, где и умер в 1674 году (61)), второй Феодосий управлял Ипатьевским монастырем вскоре после Антония—в 1685-1692 гг. (62)

Если на Животворящем кресте в часовне изображены небесные покровители двух ипатьевских архимандритов (а очень похоже, что это так), то мы можем более точно определить время строительства часовни. Из двух Феодосиев отношение к часовне явно имеет Феодосий, ставший архимандритом вскоре после Антония (при нем в 1687 году был окончен храм Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе). Изображения святых покровителей двух архимандритов можно объяснить, видимо, тем, что сооружение часовни могло начаться при одном — Антонии, а завершилось уже при другом — Феодосии. Если наше предположение верно, мы можем максимально ограничить время создания часовни периодом от 1675 до 1692 гг., и минимально — примерно от начала 80-х до начала 90-х годов XVII века.*

** Кажется, есть еще одно, правда косвенное, подтверждение того, что часовня построена в XVII веке. Как уже писалось, населенный пункт на берегу Святого озера в конце XVI века числился деревней, а на начало XVIII века он уже проходит как сельцо. Следовательно, сельцом Святое стало в XVII веке. В связи с чем могло произойти такое изменение? Термин «сельцо» имел в прошлом несколько значений, самым распространенным из которых было: сельцо — это небольшое селение с барской усадьбой (63). Однако с 1586 года Святое принадлежало Ипатю и поэтому барской усадьбы тут в XVII веке быть не могло. Но есть и еще одно определение термина «сельцо» — это селение с часовней (64). Похоже, что Святое стало сельцом именно после постройки часовни, тем более — каменной, а не деревянной.*

Теперь перед нами встает еще один весьма непростой вопрос: «во имя» кого или «в честь» чего была освящена часовня на Святом озере? Ни в источниках, ни в дореволюционной литературе ответа мне найти не удалось. В литературе последних десятилетий часовню вначале — как и до революции —

называли или просто «часовней», или «часовней в д.Некрасове»*. После работ В.Г.Брюсовой утвердилось мнение, что часовня на Святом озере посвящена Федоровской иконе Божьей Матери (67). Как уже говорилось, В.Г.Брюсова в конце 50-х годов участвовала в реставрации стенописей часовни и, по сути, стала первым исследователем, занявшимся историей этого выдающегося памятника. На основании содержания фресок часовни — а большинство из них посвящение теме явления и чудес Федоровской иконы Божьей Матери — она пришла в выводу, что часовня на Святом озере посвящена главной иконе костромского края. Мнение В.Г.Брюсовой, известного искусствоведа, утвердилось и в настоящее время считается бесспорным**.

Но действительно ли часовня на берегу Святого озера посвящена Федоровской иконе Божьей Матери? Попробуем ответить на этот вопрос. Как ни странно, но ни один из опрошенных мною стариков в д. Некрасове (бывшее Святое) не мог сообщить, ни как назывался их часовенный праздник, ни в какой месяц он отмечался, единственно — все говорили, что проходил он летом. По рассказам очевидцев, на молебне в часовенный праздник, совершаемый причтом церкви Иоанна Богослова, к которой приписана часовня, собиралось большое количество местных жителей (причем, приходили и старообрядцы — жители соседней деревни Стрельниково, очень почитавшие старинную часовню). В ограде часовни находилась деревянная звонница, и во время богослужения далеко над озером разносился перезвон ее трех колоколов.

Это все не вызывает вопросов, но далее почти все очевидцы рассказывают, что в праздник к часовне стадами пригоняли домашний скот. Присутствие скота при молебне не может не вызывать удивления, если считать, что часовенный праздник действительно приходился на «Федоровскую», т.е. на день Федоровской иконы Божьей Матери, отмечаемый 29 августа (по новому стилю), к празднованию которого домашний скот не имел никакого отношения. Но наше недоумение пройдет, если мы предположим, что часовенный праздник в Святом приходился на 14 августа (по новому стилю), на праздник «Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста», более известный по своему народному названию — «первый Спас» (он же — «Спас медовый», или «Спас мокрый»).

** В.Н.Бочков и К.Г.Тороп называют ее «часовней у деревни Некрасово (65). В.Н. Иванов также не дает ей названия, он пишет: «...На краю деревни Некрасово, близ озера, на пригорочке, стоит небольшая каменная часовня» (66).*

*** Во втором издании книги В.Н.Иванова «Кострома» под фотографией часовни написано: «Часовня Федоровской богоматери в селе Некрасово» (68). Так же пишет и И.М. Разумовская: «... часовенка Федоровской Божьей Матери, возведенная в честь победы костромичей над татарским войском в 1272 году» (69).*

Ведь именно в этот день повсеместно в России проходили молебны и крестные ходы на реки и озера для водоосвящения, после чего лошадей и всю скотину было принято купать в воде (с этим связано и одно из упоминавшихся названий праздника — «Спас мокрый»).

Древний византийский праздник «Происхождение (изнесение) честных древ Животворящего Креста» был перенесен на Русь князем Андреем Боголюбским в 1164-1165 гг. как церковно-государственный праздник Христа (Спаса) и Богоматери (72). Именно этому празднику был посвящен, например, всемирно известный храм Покрова на Нерли, возведенный в эти же годы — и как памятник победе владимирского войска над волжскими булгарами, и как памятник погибшему при этом сыну Андрея Боголюбского Изяславу (73).

Сюжеты подавляющего большинства — 18 из 20-ти — многофигурных композиций стенописей часовни посвящены явлению и чудесам Федоровской иконы Божьей Матери. Но первая композиция изображает Воскресение и сошествие во ад Инсуса Христа (Спаса), а последняя, двадцатая, изображает Покров Богоматери (повторю, что именно праздник первого Спаса лежал у истоков праздника Покрова Богоматери). Вспомним теперь живописные изображения, бывшие на Животворящем кресте в часовне на Святом озере в начале XVIII века. На лицевой стороне креста было изображено распятие Христа (Спаса), по сторонам от распятия — Богоматерь и Иоанн Богослов (присутствие последнего объясняется, видимо, тем, что часовня в Святом входила в приход церкви Иоанна Богослова). На обратной стороне креста было изображение Троицы (может быть, потому, что Святое являлось владением Троицкого Ипатьевского монастыря), опять — Спас, Богоматерь, великомученики Флор и Лавр, издавна известные на Руси как покровители лошадей (и это понятно — лошадям отводилась важная роль в праздновании первого Спаса**), и — Никола, который также почитался как покровитель

лошадей***.

* *Выдающийся русский писатель ученый С.В.Максимов писал об этом: «Мокрым» же первый Спас называется потому, что, по установлению церкви, в этот день бывает крестный ход на речки и источники для водоосвящения. А так как крестьяне не только сами купаются после крестного хода, но имеют обыкновение купать в реках и всю скотину, которая будто бы здоровеет после этого, то неудивительно, что и самый праздник получил название «мокрого». (70) Вспомним также и старинные изречения по этому поводу: «На первый Спас лошадей (весь скот) купают», «Первый Спас — на воде стоят» и др.(71)*

** *Вот что говорится про первый Спас в справочнике по обычаям русских земледельцев: «После водосвятия крестьяне купаются сами, купают лошадей, а пастухи пригоняют с пастбищ домашнюю скотину и вгоняют ее в реку». (74)*

*** *В мае, на Николу Вешнего, крестьяне в прошлом повсеместно заказывали «...молебны с водосвятием, чтобы св. Никола уберег коней от волков и медведей и даровал табунам здоровье». (75)*

Вспомним и состав икон, установленных в иконостасе часовни на начало XVIII века: Спас, Иоанн Богослов, священномученик Власий (почитавшийся как покровитель домашней скотины), страстотерпец Егорий (также почитавшийся защитником домашнего скота*) и мученица Анастасия (считавшаяся заступницей овец, почему в народе она называлась еще и «Анастасией Овечницей») (77).

Таким образом, сюжеты стенописей, состав икон и живописные изображения на Животворящем кресте подтверждают наше предположение о том, что часовня на Святом озере посвящена празднику Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста или — первому Спасу, особо почитавшемуся нашими предками как праздник, связанный с домашней скотиной.

Подтверждение этому предположению мы находим у старожилов Святого: не помня, какому празднику посвящена их часовня, они до сих пор называют ее — «Животворящим Крестом», или просто — «Крестом» (раньше так обычно и говорили: «там у креста», «пойдем к кресту» и т.д.).

Документальное же подтверждение того, что часовенный праздник в Святом приходился именно на первый Спас, содержится в написанном в 20-е годы рассказе «Иона Сарычев» А.П. Алешина, уроженца Святого, описавшего, как проходил этот праздник в его родной деревне (отрывок из рассказа будет приведен ниже)⁷⁸.

Ну и, наконец, вспомним, может быть, самый главный аргумент в пользу нашего предположения — сам Животворящий крест, находившийся в часовне до 1959 года.

Итак, подведем итоги. Учитывая то, что 1) главным элементом внутреннего убранства часовни являлся большой Животворящий крест, 2) местные старожилы до сих пор называют часовню «Животворящим Крестом» (или просто «Крестом»), 3) пригон скота к часовне на ее праздник, 4) фрески в часовне с изображением Воскресения Христова и Покрова Богородицы, 5) состав живописных

* *На вешнего Егория везде в России происходил обряд «обхода скота». Обряд этот заключался в том, что «...хозяева обходят с образом св. Победоносца-Георгия домашнюю скотину, собранную в кучу на своем дворе, а затем сгоняют ее в общее стадо, собранное у часовен, где служится водосвятный молебен, после которого все стадо окропляется святой водой и гонится за околицу».⁷⁶*

изображений на Животворящем кресте и подбор икон, имевшихся в прошлом в часовне, 6) часовенный праздник в Святом приходился на первый Спас (рассказ А.П.Алешина), мы можем уверенно заключить, что часовня в Святом (ныне Некрасове) посвящена празднику «Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста» — а не Федоровской иконе Божьей Матери, как считается сейчас, — и сокращенно может называться часовней Животворящего Креста.

Ну, а как же остальные фрески часовни, посвященные сюжетам явления и чудес Федоровской иконы Божьей Матери, на основании чего В.Г.Брюсова и определила часовню, как посвященную этой иконе? Не забудем, что праздник Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста почитался как праздник Христа (Спаса) и Богородицы, и, следовательно, наличие композиции,

изображающей Воскресение Христово, и цикла фресок о явлении и чудесах Федоровской иконы Божьей Матери в данном случае вполне объяснимы. Почему был выбран именно такой сюжет, тоже понятно — ведь одно из чудес Федоровской иконы Божьей Матери (разгром татар в XIII веке) прямо касается Святого озера, на берегу которого стоит часовня.

Перед нами возникает еще один также весьма запутанный вопрос о том, в честь какого события была построена на Святом озере часовня Животворящего Креста, но к этому вопросу мы вернемся чуть ниже. А сейчас расскажем о второй часовне на Святом озере — часовне, к великому сожалению, не дошедшей до нас.

Вторая часовня

Как мы помним, в память о битве с татарами (скорее всего, уже в XIII веке) на месте «идеже стояша с чудотворным образом противу татар, поставиша крест». Этот памятный крест находился слева от дороги, ведущей от перевоза через реку Кострому возле Ипатьевского монастыря к Святому озеру, на расстоянии 350-400 метров от озера.

По сообщениям историков конца XVIII — начала XIX веков, на этом месте стоял уже не крест, а особая столпообразная часовня со списком иконы Федоровской Божьей Матери. Так, один из первых историков Костромы, И.Васьков, повествуя о победе князя Василия Ярославича над татарами, писал: «...Князь торжествовал сию победу и на месте, где во время сражения стояла святая икона, залог его упования; поставил крест, на коем ныне находится столб с поставленною святою иконою, списанною с вышеупоминаемой»⁷⁹.

Другой историк костромского края, М.Я.Диев, писал: «В начале текущего (т.е. XIX-го. — Н.З.) столетия, в версте от монастыря (Ипатьевского. — Н.З.) по Ярославской луговой стороною дороге, находился на небольшое пространство дубовый лес, где еще 1813 года виден был вкопанный высокий дубовый столб с вырубленным местом для Чудотворной Федоровской иконы Богородицы, поставленной в сражении Костромичам с Татарами, близ Святого озера»⁸⁰.

Через какое-то время после 1813 года деревянная столпообразная часовня была заменена на каменную. Об этом сообщает еще один костромской историк, князь А.Козловский: «Ныне на сем месте находится каменный столб с поставленною на оном иконою Федоровской Божьей Матери, списанной с подлинной»⁸¹. Через еще какое-то время взамен каменного столпа-часовни была возведена каменная часовня, простоявшая на этом месте до середины 30-х годов XX века. Точная дата построения и этой часовни нам неизвестна.

Первое известное нам документальное свидетельство существования каменной часовни — это рисунок художника Чернецова, выполненный летом 1838 года⁸². Считая, что в 1813 году на этом месте еще был дубовый столб, затем — ориентировочно в 20-30 годы — существовал каменный столб, мы можем предположительно отнести время появления каменной часовни к периоду от рубежа 20-30 годов XIX века до 1838 года. Глубоко знаменательно, что вторая часовня у Святого озера появилась вскоре после грозных событий Отечественной войны 1812 года, во время пробуждения интереса к прошлому России и осознания кровной связи с этим прошлым.

На чьи средства была построена часовня — Ипатьевского монастыря, прихода церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе или какого-нибудь конкретного жертвователя (например, участника войны с французами) — нам неизвестно.

Новая часовня в основных своих чертах — и, вполне вероятно, не случайно — композиционно повторяла старую часовню Животворящего Креста: ее четверик венчал такой же восьмигранный каменный шатер с рельефными жгутами по граням. Углы четверика были выделены пилястрами тосканского ордера. Повторяя в целом силуэт старой часовни, новая часовня была в то же время более миниатюрна. Чуть попроще был и весь облик новой часовни — у нее, например, не было слуховых окон на шатре.

Для защиты от весенних половодий часовня Животворящего Креста была окружена оградой. Новая часовня ограды не имела, для защиты от разливов она была поставлена на своеобразный

«постамент» из валунов.

О внутреннем убранстве часовни нам известно только, что здесь в «особом киоте» находилась икона-список с чудотворной иконы Федоровской Божьей Матери⁸³. В небольшой нише над входом в часовню также находилась небольшая иконка Федоровской Божьей Матери, перед которой горела лампада.

Ни в источниках, ни в литературе мне не удалось найти сведений о посвящении второй часовни, но этот вопрос, к счастью, трудности не представляет. Местные старики, которые помнят эту часовню, неизменно называют ее часовней Федоровской иконы Божьей Матери (иногда еще — часовней Явления Федоровской иконы Божьей Матери). Так что мы можем уверенно определить часовню, стоящую у дороги перед озером и поставленную в память о битве с татарами и о чуде, совершенном здесь Федоровским образом, как часовню Федоровской иконы Божьей Матери.

Памяти павших за Отчизну

Теперь мы должны вернуться к весьма запутанному вопросу о том, в честь каких событий были построены обе стоявшие вблизи Святого озера часовни.

Никаких проблем нет с часовней Федоровской иконы Божьей Матери — вспомним приводившийся выше отрывок из «Сказания»: «...На месте же том идеже стояша с чудотворным образом противу татар поставиша крест и прослы то место Святое. Близ же того места есть езеро и потому же месту прослы то Святое езеро». Как видим, «Сказание» четко различает «Святое озеро» и «Святое» место, где стоял памятный крест, смененный позднее каменной часовней. Ни у кого из дореволюционных историков не вызывало сомнений, что часовня у дороги перед Святым озером поставлена в память о битве с татарами и о чуде, совершенном здесь Федоровской иконой. Такой знаток костромских церковных древностей, как И.В.Баженов, писал про эту часовню, что она стояла «между Богословскою (она же Ипатьевская. — Н.З.) слободою и деревнею Святой — на месте, где в XIII в. (1262-1264 гг.), во время битвы Костромского воинства с татарами, шедшими от Ярославля в Кострому «воевать и грабить», стояла чудотворная Феодоровская икона Божьей Матери»⁸⁴.

О том, что часовня у дороги являлась памятником событий XIII века, свидетельствует и посвящение ее Федоровской иконе Божьей Матери, покровительству которой приписывалась одержанная победа над татарами.

Сложнее обстоит дело со стоящей на берегу Святого озера часовней Животворящего Креста. Существует три версии о том, в честь каких событий была построена эта часовня. Дореволюционные костромские историки считали, что она поставлена в память о событиях 1609 года. В.Г.Брюсова в своей первой статье, посвященной часовне на Святом озере, писала, что часовня является памятником обеих битв — и с татарами, и с поляками⁸⁵. Чуть позднее В.Г.Брюсова отошла от этой версии и в последующей своей работе назвала часовню памятником битвы с татарами⁸⁶. Последняя версия в настоящее время является общепринятой*.

Но памятником битвы с татарами является часовня Федоровской иконы Божьей Матери, находившаяся через озеро от часовни Животворящего Креста. Ко второй версии мы еще вернемся, а сейчас посмотрим, что считали по этому поводу старые костромские историки.

В работах историков начала XX века мнение о том, что часовня на Святом озере поставлена в память о победе над поляками, было поистине общим местом⁹⁰. Лучше всего это мнение выразил И.В.Баженов: «Часовня же, находящаяся подле деревни «Святое» на берегу озера, называемого «Святым», по преданию, устроена в память победы, одержанной в июне 1609 года царским воеводой Жеребцовым над поляками и прочими сторонниками самозванца, засевшими было в Ипатьевском монастыре и вытесненными оттуда к Святому озеру, в котором большая их часть и потонула»⁹¹.

Несмотря на отсутствие прямых доказательств, нельзя не согласиться с тем, что часовня Животворящего Креста является памятником событий 1609 года. Мемориальный, ратный по своему происхождению, характер часовни, конечно, бесспорен. За это говорит, во-первых, посвящение часовни Животворящему Кресту, издавна почитавшемуся и как символ победы над иноверными**.

Во-вторых, в пользу этого свидетельствует сам факт возведения каменной часовни — дела для XVII века весьма и весьма недешевого — в районе двух исторических сражений. А раз памятником битвы с татарами являлась часовня Федоровской иконы Божьей Матери, то часовня Животворящего Креста может быть только памятником событий осады Ипатия в 1609 году.

Этому есть, кажется, и еще одно, правда, предположительное подтверждение. Как мы помним, на начало XVIII века в часовне

** С.И.Масленицын пишет: «В память об этой победе костромичей над татарами была поставлена в начале XVIII века на берегу озера у села Некрасова каменная часовня, увенчанная шатровым покрытием».*⁸⁷ Так же писал о часовне В.Н.Иванов: «Легенда связывает ее строительство с победой, одержанной костромской ратью над татарским войском в XIII веке».⁸⁸ Так же пишет и И.М.Разумовская: «...часовенка Федоровской Божьей Матери, возведенная в честь победы костромичей над татарским войском...».⁸⁹

*** Вспомним, например, молитву Животворящему Кресту: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослави достояние Твое; победы православным христианом на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».*

*Вспомним еще раз и храм Покрова на Нерли, изначально посвященный празднику «Происхождения честных древ Животворящего Креста». Ведь он был построен на берегу Клязьмы, протекавшей в XII веке у самого храма, именно в память победы русского войска над волжскими булгарами и в память о погибшем тогда князе Изяславе. Возле этого храма стоял и Животворящий крест — белокаменный, с высеченным на нем текстом «Похвалы кресту».*⁹²

имелось два изображения апостола и евангелиста Иоанна Богослова — на иконе и на Животворящем кресте. Выше присутствие изображений Иоанна Богослова объяснялось тем, что часовня входила в приход церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе, но, вероятно, это можно объяснить и иначе. Припомним, что подрыв стены Ипатьевского монастыря был осуществлен в 1609 году, в ночь на 25 сентября. Осажденный в монастыре гарнизон пошел на прорыв, завершившийся разгромом у Святого озера, скорее всего, в течение дня 25 сентября. А 25 сентября (по церковному календарю — с 18 часов 25 сентября до 18 часов 26 сентября) как раз — день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Не этим ли и объясняется двойное изображение апостола Иоанна (кроме него, в часовне на начало XVIII века дважды — на иконе и на кресте — были озражены только Спас и Богоматерь)? Очень похоже, что так оно и есть.

Известно, что русские монастыри, подвергшиеся осаде, как правило, отмечали трагическую страницу в своей истории памятными часовнями. Не мог не сделать этого и Ипатьевский монастырь, так много перенесший в 1609 году. Вероятно, вскоре после окончания Смутного времени, здесь, на Святом озере, где была поставлена последняя точка в событиях многомесячной монастырской осады, была срублена деревянная часовня, замененная в конце XVII века каменной.

На это можно возразить: памятные часовни обычно ставились непосредственно на местах, где происходили события, память о которых эти часовни должны были увековечить. Поляки и тушинцы сражались на восточной стороне озера, почему же тогда часовня находится на противоположном берегу — западном? Видимо, это произошло из-за весенних разливов — ведь западный берег более высокий, и часовню поставили на самом высоком месте над озером, к тому же — рядом с деревней.

Вспомним теперь версию, выдвинутую В.Г.Брюсовой в ее первой статье о сохранившейся часовне на Святом озере — о том, что часовня была построена в память сражений и XIII-го и XVII-го веков. В целом эта версия, конечно, неверна, хотя определенная доля истины в ней, я думаю, есть. Как мы помним, в 1-й четверти XVIII века часовня была расписана фресками, в основном на темы явления и чудес Федоровской иконы Божьей Матери, среди которых находилась и фреска, изображающая битву костромской дружины с татарами. И вот с этого времени часовня Животворящего Креста, будучи памятником Смутному времени, может, в известном смысле, считаться также и памятником событий далекого XIII века.

Куликово поле костромского края

В XIX веке с возведением второй часовни пейзаж окрестностей Святого озера, держащийся отныне ансамблем двух часовен и «перекличкой» их шатров через озеро, приобрел свою известную законченность. Естественно вписанные в природное окружение, часовни придавали пейзажу глубокий смысл и производили во 2-й половине XIX и в начале XX веков очень сильное впечатление на видевших их.

Известный искусствовед Г.К.Лукомский, посетивший в начале 10-х годов нашего века берега Святого озера, писал о часовнях: «Во всяком случае, несложный характер их архитектуры, достаточно, однако, монументальный, производит приятное впечатление, окруженные зеленью кустарника и придорожного бурьяна, они создают облик, навевающий гораздо лучше всяких современных монументов воспоминания о далеком прошлом»⁹³.

Еще не так давно район Святого озера был одним из красивейших мест в окрестностях Костромы. Возле озера сохранялись остатки древних дубрав, в которых еще в XIX и в начале XX веков росли поражающие своими размерами дубы, вязы, сосны...^{*} Большая преимущественно дубовая роща — окрестные жители называли ее «Святовской» рощей — вплотную подступала к восточному берегу озера. От озера же открывался удивительный вид: справа возвышались лесистые холмы правого берега Волги, прямо — впереди за лугами — вставала Кострома со своими многочисленными белеющими церквями, а ближе, на фоне города и холмов правого волжского берега, как-то спокойно и уверенно поднимались золотые главы Ипатия...

Часовни, озеро, рощи, бескрайние луга вокруг — все сливалось в единое и неразрывное целое. Шли годы, свершая неизменный круговорот времен: весной, затопляя низменные равнины Заречья до горизонта, разливались Волга и река Кострома (именно в один из таких разливов некрасовский дедушка Мазай и спасал своих знаменитых зайцев); постепенно вода спадала, и в окрестных лугах вставало «величавое войско стогов» (Н.А.Некрасов), на глади озера, отражающей силуэт белой часовни, среди плоских зеленых листьев расцветали высунувшиеся из воды головки желтых кувшинок, на первый Спас неизменно к часовне на берег озера пригоняли лошадей и скотину; приходила осень, и на воду озера падали багряные дубовые листья, а затем наступала зима с ее метелями, заносившими все вокруг...

И во все времена в обеих часовнях мерцали теплые огоньки лампад перед образами. И всегда в часовнях в память о погибших предках служились панихиды, молебны, проводились крестные ходы, и далеко над озером разносился звон колоколов стоявшей у часовни Животворящего Креста небольшой звонницы...

Важнейшее событие в жизни Святого озера произошло в 1909 году, когда отмечалось 300-летие разгрома здесь поляков и тушин-

** В 1838 году, совершая поездку по Волге, художники братья Чернецовы посетили и Святое озеро. Своеобразие и живописность места поразили художников, написавших: «Недалеко от Святого озера мы увидели огромные сосны; издали казалось, что они как будто стоят на пьедесталах. Подойдя, мы нашли более десяти деревьев, странным и необыкновенным образом держащихся на своих корнях, которых большая часть выше роста человека находится вне земли, так что между ними под деревом можно ходить».*⁹⁴

цев. Как мы помним, в то время считалось, что взятие Ипатьевского монастыря произошло в июне, и, следовательно, юбилей приходился на июнь 1909 года. Трехвековую годовщину было решено отметить большим крестным ходом. В это же время, в июне, в Костроме проходил IV областной историко-археологический съезд, собравший цвет российской исторической науки — университетских профессоров, деятелей губернских ученых архивных комиссий, преподавателей духовных академий, историков, археологов, искусствоведов, краеведов (вспомним хотя бы некоторые имена: А.И.Соболевский, Ф.И.Успенский, Н.В.Покровский, Д.И.Иловайский, А.А.Спицын, И.А.Тихомиров, А.И.Некрасов, А.А.Титов, В.К.Лукомский). Съезд принял участие в праздновании юбилея сражения на Святом озере.

24 июня 1909 года, утром, из Ипатьевского монастыря — тогдашней, напомним, резиденции костромских архиереев — после литургии в Троицком соборе вышел торжественный крестный ход во главе с епископом Тихоном. В ходе участвовали монахи Ипатия, все духовенство Костромы, множество

народа, включая и весь состав историко-археологического съезда. У часовни Федоровской иконы Божьей Матери крестный ход остановился, и епископ Тихон осенил присутствующих крестом на четыре стороны. В Святом же, у часовни Животворящего Креста, «о павших в бою за Отчизну» была отслужена панихида⁹⁵.

Есть нечто символическое в этом крестном ходу, произошедшем в самую последнюю пору старой России — за несколько лет до революции. Ученая Россия совместно с Россией монашеской, с Россией священнической, почтив память предков, сама того не ведая, словно простилась с одной из русских святынь — со Святым озером и его часовнями.

Через несколько лет, в 1913 году, совсем рядом со Святым, в Ипатьевском монастыре, несравненно более торжественно праздновался еще один юбилей — 300-летие правления династии Романовых. Почти все население Святого ушло тогда к монастырю. Исторический маятник отсчитывал последние годы дореволюционной России, и с каждым его ударом на Святое озеро, как и на всю страну, надвигались черные тучи.

В начале злых лет. Под чужим именем

Гроза, грянувшая в 1917 году, стала быстро менять многое, казавшееся прежде незыблемым. Роковые перемены докатились и до костромской Зарецкой стороны. После многих веков существования был закрыт Ипатьевский монастырь, частью исторического ансамбля которого фактически были часовни у Святого озера. А вскоре над просторами Костромской низины, не видевшей кровопролития со Смутного времени, встали зловещие языки пламени гражданской войны.

Спасаясь от мобилизации в Красную армию, местные крестьяне убегали в окрестные леса, вступая в отряды т.н. «зеленых». На борьбу с дезертирами и зелеными советские власти бросали специальные конные команды, части особого назначения, красных курсантов. Борьба шла со взаимной жестокостью — на равнинах Заречья горели подожженные чоновцами села, у стен храмов происходили массовые расстрелы, зеленые отрубали пленным красноармейцам топорами ноги.

Один из эпизодов этих событий, относящихся к 1919 году, произошел в Святом буквально в двух шагах от часовни Животворящего Креста. Как рассказывают местные старики, однажды со стороны Костромы показался отряд латышских стрелков. Когда первые шеренги отряда вступили на мост через Святое озеро, из примыкающего к часовне огорода по отряду кто-то выстрелил. Латыши окружили деревню, забирая всех парней и молодых мужчин, — так шла мобилизация.

Поворот к НЭПу, как и везде в России, прекратил вооруженную борьбу против новой власти и в Костромском Заречье. В условиях относительной экономической свободы предприимчивые местные крестьяне, еще до революции создавшие в своей Шунгенской волости (в эту волость входило и Святое, считавшееся с XIX века уже не сельцом, а деревней) союз кооперативов, в 1923 году кончили в с. Шунге строительство электростанции, не только давшей свет в населенные пункты волости, но и обеспечивавшей энергией целый производственный комплекс, состоявший из паровой мельницы, картофелетерочного, крахмалосушильного, лесопильного и кожевенных заводов, принадлежавших крестьянским кооперативам. На торжественное открытие электростанции прибыла, проехав из Костромы через Святое, делегация ВЦИК (в ее состав входил и известный Демьян Бедный, написавший тогда же поэму «Кострома», агитационно воспевавшую происходившие в Зарецкой стороне «советские чудеса»).

Не исключено, что именно эти торжества и опасения, что высокое начальство теперь — пока крестьянская кооперация была в «моде» — сможет зачистить в Шунгу, и подтолкнули костромское руководство вплотную заняться переименованием Святого, стоявшего у всех на виду со своим «старорежимным» названием. Новые «советские» названия подступили к этому времени к древнему Святому вплотную. Еще к 1-й годовщине Октября старинная Ипатьевская слобода была переименована в Трудовую, Ипатьевский монастырь, отданный в конце 1923 года под жилье рабочим ткацких фабрик Костромы, с 1924 года также официально стал называться рабочим поселком «Текстильщица». Очередь была за Святым.

Для переименования улицы достаточно было тогда нескольких писем в газету (конечно, от

рабочих), для переименования же населенного пункта, чтобы придать делу законный вид и толк, требовалась инициатива схода жителей. Таких сходов в Святом было проведено несколько. Описание одного из них, столь характерно рисующее это «живое творчество масс» — по указке сверху, — содержится в небольшой заметке «Переименование», опубликованной в губернской газете «Красный мир» в августе 1924 года. Автором этой заметки, подписанной псевдонимом «Аз», был уроженец Святого, молодой писатель Александр Павлович Алешин, работавший тогда в газете. Есть все основания считать, что он не только запечатлел события, связанные с переименованием. Старожилы Святого утверждают, что именно Алешины — А.П.Алешин и его младший брат Н. П. Алешин, позднее тоже ставший писателем, — и были инициаторами переименования родной деревни.

Повествование в заметке А.П.Алешина ведется от лица какого-то жителя Святого. Послушаем:

«Неудобно, понимаете, как-то... Мужиков теперь 75 процентов-безбожников, а название деревни самое разбожественное. (...) Недавно на собраньи решили деревню переименовать и запросили на это органы. Разрешенье не задало. На втором собраньи стали выдумывать новое название. Оказывается, не так то просто придумать. Тут, понимаете, такое нужно придумать название, чтобы каждому жителю было дорого и привилось моментально. Один говорит:

— Давайте, граждане, назовем «Подгородная».

Ка-ак на него бро-осятся...

— Что мы у города подначальные?.. Подовластные? Свобода... Не надо... Долой... Давай другое...

Оно правильнее бы вышло «Пригородная», потому при городе, рядышком...

Тут М-в, подморгнув носом, и внес:

— «Горки».

А это слово деревне — как вострый нож. Горки, знаете, — пески около деревни, а на них проживает терочный (картофелетерочный. - Н.З.) заводчик. Мужики не забыли, как он собачил их за свою собственную картошку, жилы вытягивал... Тогда встает с бревна Пашуха Г-в... Вот, понимаете, удивительно! Человек все время нуждается, а за Советскую власть горой стоит. Этак не торопяся, погладил бронзовый ус и... сквозь зубы прирезал:

— Нам... баржуазного... не нужно. До-вольно!

А заводчикова родня не рад, что и предложил. Прямо — за него совестно...

Один молодчик предлагает по образованному:

— Граждане, старое название, как говорят старички, историческое. Уничтожать мы его не будем, а добавим слово... «дело» или «революция» — мало ли найдется всяких слов.

Пашуха и этого прирезал.

— Не за себя, товарищ, говоришь, а по настройке старших. Ты хочешь и невинность соблюсти, и капитал приобрести... Все так и грохнули со смеху. Провалилось. Другой предлагает еще дурашнее.

— Назовемте «Венера».

Начитался книжек и давай с дури мудрить. Вася К. на язык такой ядовитый. Говорит:

— Значит у нас теперь будет «Венерический Сельсовет». Ловко придумано!..

От хохота все прямо без брюх остались. Тогда Пашуха вносит свое:

— «Советская».

Вот тут-то и сказалось, кто чем дышит. Кулачки, богатенькие, понимаете, тихонько зажужжали:

— На вечные времена... А вдруг будет переворот власти... Сочувствующие взяли их в оборот. И вот крыли, и вот крыли!

Тех с собранья как смыло. А название, конечное дело, так еще и не придумано»⁹⁶.

Однако новое название для Святого нашли. Местные старожилы говорят, что придумали его тоже братья Алешины, вероятнее всего, старший — Александр Павлович, разумеется, знавший, что в прошлом в Зарецком крае часто охотился Н.А.Некрасов. Новое название было выбрано поэтому в честь

поэта — Некрасовское (чуть позднее форма названия была изменена на Некрасово). Предложение о переименовании, как положено, ушло по инстанциям «наверх», утверждение вновь «не задолило», и вот 3 октября 1924 года в «Красном мире» появилась небольшая заметка под характерным заголовком — «Деревня Некрасовское. Вспомнили земляка», в которой говорилось: «Мисковская, Куниковская, Шунгенская волости и вообще район, расположенный по р. Костроме, некогда был главным местом охоты поэта Н.А.Некрасова. Здесь он отдыхал от зимних трудов и написал значительную часть своих произведений. Граждане деревни Святое ходатайствуют о переименовании своей деревни в Некрасовское. Ходатайство их удовлетворено»⁹⁷.

Крайне характерно, что и в названии заметки, и в ее тексте основное ударение было сделано не на сам факт переименования старинного селения, а на увековечивании имени уважаемого в народе поэта. В этом явно видна известная нэповская «ограниченность» — несколькими годами позже основной упор сделали бы как раз на переименовании, на отбрасывании старого, «религиозного» названия, конечно, «не нужного» советским людям.

Итак, в 1924 году еще одним древним названием на костромской земле стало меньше — взамен столь возвышенного и редкого названия Святое пришло довольно бессмысленное Некрасовское. И еще хорошо, что было выбрано такое название, ведь Бог знает, до чего еще бы могли додуматься в то время (вспомним хотя бы, как в январе того же 1924 года, в дни ленинского траура, на митингах на костромских фабриках предлагалось в память о вожде переименовать Кострому в Ленин-на-Волге или Ильич).

Мне не удалось выяснить, когда было официально переименовано вслед за деревней и Святое озеро. Во всяком случае, на топографических картах, выпущенных в конце 30-х годов, озеро еще именуется Святым. Но в конце концов, и озеро по деревне стало именоваться Некрасовским.

Отказ от древнего названия селения был шагом к уничтожению исторической памяти этого места и главных хранительниц этой памяти — часовен.

Перед Великим переломом

После 1924 года еще несколько лет жизнь в переименованной деревне во многом катилась по прежней колее. Как и прежде, на первый Спас у часовни Животворящего Креста проходил молебен с водосвятием. Описание одного из них мы находим в рассказе А.П.Алешина «Иона Сарычев». Действие рассказа происходит 14 августа, на первый Спас, в деревне Ребровка (под таким названием выведено здесь бывшее Святое). Послушаем: «...Распоряжался празднованьем Иона (главный герой рассказа. — Н.З.), и был на редкость горд — и тем, что близок ему, горячему, успевающему в делах прибыльной жизни, этот голубой, предосенний день, и тем, что попы отпели ему, Ионе Павловичу, особо оздравленный молебен и обедали у него, и тем даже, что ни на ком из мужиков нет так блестяще наутюженной чесучовой рубахи и дорогих, серых, городского покроя брюк — навывпуск. А на водосвятии стада — пущая гордость Ионы — первым подлетит под кропило ладный пятилеток Карий, — иначе Ионе молебен не молебен.

И все было к тому готово. Бобль постный по приказу Ионы лазил на пожарный столб и дал пастуху знак за деревню: «Гонись!» На въезде в Большую улицу, около дороги выстроился причт: низенький чахлый поп, в тусклой до пят ризе как колокол... Справа его дьякон, коренастый, загорелый, недавно поставленный из мужиков, — стихарь на нем распирало, руки привычно и непослушно лезли к пахам... Слева попа стоял навытяжку, с кропильницей, староста, прел под закапанным воском пиджаком и глухой жилеткой, утирал красным, потемневшим от пота платком корявое, как пустой сот, лицо. Молебствующие коридором расхлестнулись вдоль дороги, а посреди ее разбойно раскорячившийся стоял Иона и, заботливо скалясь, из-под ладони выглядывался в пыль. Она валила стеной, пожирала избы, палисады, сады; она ревела, бляла, хрипела голосами: «о-отт! куда! ыррь!» сотрясала дорогу глухим, растущим топотом...

К Ионе подвернулся большеротый, разноцветный от заплат парнишка, похудевший от купанья в пруде, и заверещал вприпрыжку: — Стадо гонится, богу мо-лит-ся, умыва-ет-ся, утн-ра..., — и оборвался от подзатыльника Ионы. Поп умокнул кропило и нацелился запавшими, лихорадочными глазами в силуэт лошади, вынырнувшей из пыли.

— Мой! Карий! — вырвалось у Ионы, отбежавшего к попам. — Цены нет! Сто сот!..

Но вдруг треснуло, зарокотало за огородом Булки, куда загибает из улицы дорога; мелькнул перед Ионой недавний парнишка и шаром покатылся за деревню; дрогнула шеренга богомольцев на том порядке... Карий оцетинился, уперся и поехал под горку на копытах. Брызги кропильные, — Иона ужаснулся, — не долетев до Карего, упали в жадную пудру дороги. Карий взвился на дыбы, дал оборота, треснул подхвостницей и метнулся обратно, увлекая за собой стайку вислобрюхих, но проворных стригунов. Невидимый заматерился пастух, заревели коровы, дитем заплакал раздавленный ягненок, — страшное, небывалое дело!..

А загадочный и роковой треск до краев наполнил деревню, и будто раздирал бестолковый и уже ненужный звон часовенки. Сбитые стадом попы отбежали к иконам, под навес потребиловки, закрытой по случаю молебствия, и здесь им резнуло по ушам:

— Ттрактарр!!!

— Ч... чортова пропаганда, — прохрипел Иона, скоркая зубами и скрипя в кулаках. Молебствующие, кто бегом, кто шагом, стекали под горку навстречу небесного цвета машине, не по размеру гулкой, будто готовой взлететь...»⁹⁸.

Какие значимые детали: кропильные брызги, упавшие в дорожную пыль, тракторный рев, который «будто раздирал бестолковый и уже ненужный звон часовенки» и др. Независимо от субъективных намерений автора*, вся эта картина молебна с наезжающим

** Нельзя не сказать о дальнейшей судьбе А.П.Алешина: с созданием в 1929 году гигантской Ивановской промышленной области, в которую вошел и костромской край, Алешин возглавил областную писательскую организацию, был делегатом I съезда Союза писателей СССР, в 1936 году репрессирован, перед войной по состоянию здоровья выпущен на свободу, в войну работал на трудовом фронте и умер в 1943 году.*⁹⁹

на него трактором исполнена трагизма и символизирует собой надвигающуюся на деревню эпоху коллективизации, эпоху колхозов.

Великий перелом

И вот идиллическим временам крестьянских кооперативов и электростанций пришел конец. В Зарецком крае, как и везде, начался «великий перелом» — насильственная коллективизация, сопровождавшаяся ожесточенной антицерковной кампанией, начавшейся снятием колоколов и перешедшей в повсеместное закрытие зарецких храмов. Знаменательно, что одной из первых жертв этой кампании стала столь почитаемая в Заречьи часовня Федоровской иконы Божьей Матери. Документы о закрытии и разрушении часовни каким-то чудом уцелели после пожара в Костромском областном архиве, и поэтому мы можем восстановить картину ее гибели довольно подробно.

Итак, в начале лета 1930 года, как знак начинающейся светлой колхозной жизни, велись ремонтные работы на дороге от моста через реку Кострому до села Саметь, в результате которых вместо старой дороги должен был пройти новый путь с твердым покрытием, называемый заграничным словом «шоссе». Работы эти начались с разрушения часовни Федоровской иконы Божьей Матери, ставшей будто бы поперек прокладываемому шоссе.

25 июня комиссия в составе заведующего Костромским райкомхозом Сергеева А.И., десятника Костромского райисполкома Разговорова Н.С. и уполномоченного от артели землекопов Сараева А.Д. «...произвела обследование полосы отвода по тракту Кострома — Саметь на участке дороги между Трудовой слободы и д. Некрасова и нашла следующее.

Среди полосы отчуждения имеется часовенка (...), которая мешает вести вновь строящееся полотно дороги, так как выше расположена прокладка электрического кабеля, а ниже имеется озеро. Поэтому комиссия признает правильным путем ведения дороги через то самое место где расположена часовенка. Кроме того данная часовня ряд лет не ремонтировалась и пришла в ветхость, как фундамент, а также и сама часовня»*. Вывод же был таков: «...Комиссия признает данную часовню разломать как нинесущую никакого назначения и мешающую вести полотно дороги»¹⁰⁰.

Что стояло за выводом столь представительной комиссии? Действительно ли часовня мешала дорожным работам? Думается, что если и мешала, то очень немногим (ведь проходила же столько веков дорога мимо памятного креста и сменившей его часовни!), и при желании часовню можно было бы сохранить. Но в том-то и дело, что такого желания не было: наоборот, когда ремонтные работы только начинались, наверняка свыше было высказано поже-

** При публикации этого, как и следующих ниже документов, сохранены орфография и пунктуация подлинника.*

вание воспользоваться случаем и снести этот так ни к месту стоящий «очаг мракобесия», к тому же у дорожников, безусловно, была нехватка щебня, которого много было можно добыть из часовни...

С акта 25 июня все и завертелось. Уже 1 июля Президиум Костромского райисполкома слушал вопрос по заявлению райкомхоза «о разрешении разлома часовни у села Некрасовское Шунгенского сельсовета». Не думаю, что обсуждение этого вопроса было долгим — у задерганных коллективизацией членов Президиума было выше головы и других дел, так что постановление они приняли такое: «Принимая во внимание, что состояние часовни ветхое, что таковая в настоящее время не представляет никакой ценности, кроме того религиозных обрядов в ней не проводится (интересно, а если бы проводились? — Н.З.), при проведении же дороги и вымощения ее в силу неуместности ее расположения необходим обход, ниже же дороги проведение мостовой невозможно сделать в силу нахождения болота, а поэтому не имея возражений со стороны граждан — часовню закрыть с целью ее разбора, просить ОКРИСПОЛКОМ об утверждении»¹⁰¹.

Бюрократический оборот бумаг подхватил райисполкомовское постановление и вынес его на рассмотрение вышестоящей инстанции — Костромского окрисполкома (после упразднения в 1929 году Костромской губернии и вхождения ее в Ивановскую область Костромской район входил в состав Костромского округа). Президиум окрисполкома уже 8 июля рассмотрел ходатайство Костромского райисполкома «о разрешении разлома часовни у с. Некрасовского». Вряд ли и здесь этот вопрос долго дебатировался, и вот постановление, которое вынес Президиум исполкома окружного совета: «С постановлением Костромского Райисполкома от 1-го июля 1930 (протокол № 25/68) согласиться. Часовню, как непредставляющую никакой ценности и, кроме того, не имея возражений со стороны граждан, разрешить закрыть, с целью ее разбора»¹⁰².

Разлом часовни, судя по всему, начался сразу после этого решения, и только тогда «граждане», на отсутствие возражений со стороны которых в своих постановлениях ссылались оба исполкома, узнали о том, что часовню решено снести. 14 июля староста и часовни, и некрасовской религиозной общины Анна Дмитриевна Алешина от имени общины обратилась в окрисполком с заявлением, написанным каким-то деревенским грамотеем, в котором говорилось: «Предписанием Костромского (лист обгорел, видимо, — окружного. — Н.З.) административного управления о закрытии часовни, принадлежащей религиозной общине граждан Некрасовского общества как мешающей в постройке сооружения дороги шоссе от Деревни Некрасова до моста реки Костромы.

На основании Вышеизложенного по нашему положению в постройке дороги шоссе совершенно не препятствует и не мешает и слому не принадлежит, а потому мы граждане религиозной общины дер. Некрасовское просим президиум Костромского окрисполкома слом часовни приостановить как стоящей на этом месте более 300 лет, и вторично передать в ведение религиозной общины дер. Некрасовское как древность состоящей в невредимом положении более 300 лет»¹⁰³. К заявлению А.Д.Алешиной был приложен подписной лист, к сожалению, он не сохранился и мы не можем сказать, сколько человек его подписало, но, думаю, что их было много: с малым количеством подписей обращаться в окружные инстанции просто бы не стали. Какова была реакция властей на это заявление? Она нам известна. На обороте листа с заявлением частично уцелела резолюция кого-то из окрисполкомовских начальников: «...не имеет под собой никаких оснований и не может быть удовлетворено. 21/VII-30»¹⁰⁴ (подпись, к сожалению, неразборчива).

Надо думать, что уже в июле 1930 года часовня была разрушена, а камень и превращенные в щебенку кирпич часовни пошли на замощение дороги. После сноса часовни, так, якобы, мешавшей прокладке полотна дороги, устройство шоссе, то прерываясь, то возобновляясь, тянулось почти две пятилетки. Лишь в 1938 году газета «Северная правда», подводя итоги, сообщила: «От наплавного моста через р. Кострому к дер. Некрасово (...) не было шоссеиной дороги. Этот участок был совершенно не проезжим, тем более, что он заливался весенними водами. Теперь этот недостаток устранен почти

полностью. Авто и гужтранспорт получили хорошую дорогу»¹⁰⁵.

А что происходило в эти годы с часовней Животворящего Креста на берегу озера? Как и везде, в Некрасове был создан колхоз, получивший название «Огородник». Казалось, что неизбежно было закрытие и этой часовни, но что-то в столь отлаженной к этому времени машине закрытия и разгрома не сработало. Свидетельством является заметка «Использовать часовню под склад», опубликованная в «Северной правде» 3 августа 1931 года (примечательно появление заметки накануне первого Спаса), где говорилось: «На берегу бывшего Святого озера, в бывшей деревне «Святое» — ныне Некрасово — стоит старая часовня. Хотя и состоят крестьяне дер. Некрасово членами колхоза «Огородник», но часовня позорным пятном лежит на работе колхоза.

Почему колхоз «Огородник», по примеру Алферовского колхоза,* не превратит эту часовню в кооператив или склад сельскохозяйственного инвентаря?»¹⁰⁶

Подобная заметка — единственная публикация такого рода в «Северной правде» за эти годы, так как по остальным «культурным объектам» Костромского Заречья газета только с удовлетворением констатировала их закрытие и «использование» под культурные и хозяйственные нужды.

Что же происходило тогда вокруг часовни в Некрасове и почему она не была закрыта даже после прямого выступления партийной газеты? Нам многое неизвестно, но главное мы знаем: лишившись

** Под Алферовским колхозом имелся в виду колхоз «За новую жизнь», возникший в соседней с Некрасовым деревне Аферово (первоначально именовавшейся Алферово, почему ее нередко называли так вплоть до нашего века). Аферовская часовня, закрытая в связи с началом этой самой «новой жизни», стоит посреди деревни и поныне — заброшенная, изгаженная, со сбитой главкой, с проржавевшим шатром...*

часовни у дороги, жители Святого-Некрасова во главе с Анной Дмитриевной Алешиной отстояли часовню у озера и не допустили ее закрытия.

Вторично рука смерти была занесена над часовней Животворящего Креста через несколько лет — по свидетельствам старожилков, это произошло в 1938-1939 годах, — когда приехавшие рабочие начали разбирать сложенную из валунов и кирпича ограду вокруг часовни. Вслед за оградой ее судьбу должна была разделить и часовня, но собравшиеся жители деревни — во главе все с тон же Анной Дмитриевной Алешиной (да будет память о Вас светла, Анна Дмитриевна!) — вновь не дали ее разрушить. Почему власти отступили, не раздули из этого события «дела», подав все как бунт? Этого мы не знаем, но как бы там ни было, часовня Животворящего Креста уцелела, хотя и лишилась ограды. Нельзя не быть благодарным тем, кто уберег часовню у Святого озера, ведь с разрушением обеих часовен весь облик «Куликова поля костромского края» был бы загублен безнадежно.

«Большая Волга»

Вслед за уродливым изменением общества началось не менее уродливое «преображение» природы. В конце 30-х годов на Верхней Волге началось создание гигантского водохранилища — так называемого «Рыбинского моря». Одновременно со строительством плотины велась подготовка ложа водохранилища, выселение жителей городов, сел и деревень, попадающих в зону затопления. Все это делалось согласно плана создания так называемой «Большой Волги» — одной из «великих строек сталинской эпохи», производившейся преимущественно руками заключенных. Работы по этому плану велись и в Костромской низине.

Писатель М.М.Пришвин, в конце 30-х годов посетивший Костромское Заречье, написал тогда, что в Заречьей стороне: «Там и тут встречались столбы с надписью «Большая Волга», и эти простые слова каждый раз при встрече с ними так сильно говорили, что казались огненными, как на стене Навуходносора. В словах «Большая Волга» был конец всему старому, привычному и вызов для каждого определиться в новом, неведанном»¹⁰⁷. М.М.Пришвин прав: воистину слова эти, как и библейские, оказались зловещим пророчеством, обрекающим на унижение и гибель большой край — значительную часть Костромской низины.

Весной 1941 года Рыбинское водохранилище «вступило в строй», сток Волги начал регулироваться, в связи с чем, в частности, прекратились весенние разливы в Костромском Заречье.

Казалось бы, этому можно было только радоваться, ведь в прошлое уходили ежегодные затопления Святого-Некрасова. (Из весенних половодий XX века особенно высоки были два: в 1915 и в 1926 гг. — во время последнего по главной улице Некрасова ходили небольшие пароходы; каждый раз вода заливала и обе часовни на Святом озере, причиняя им немалый вред). Но на самом деле повода для радости не было — регулирование стока великой русской реки нарушало природный механизм, существовавший тысячелетиями, и вело к огромному количеству отрицательных последствий.

Дальнейшее осуществление «величественных планов партии по преобразованию Волги» приостановила война...

Военные годы. Начало отрезвления

В зловеще-предгрозовой атмосфере последних предвоенных лет впервые после двух десятилетий забвения вспомнили о втором сражении на Святом озере — с поляками. В 1939 году в Ярославле (с середины 30-х годов костромской край входил в Ярославскую область) вышла упоминавшаяся выше книга Л.Б. Генкина «Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века». Почему эту книгу издали именно в 1939 году? 1938-1939 гг. были временем самой оголтелой антипольской пропаганды, имевшей целью идеологически обосновать подготовляемый совместно с Гитлером «IV-й раздел Польши», — здесь всякое лыко было в строку и события давней истории активно использовались для обоснования современных притязаний.

Разумеется, это никоим образом не бросает тени на саму книгу Л.Б.Генкина, серьезную и обстоятельную, хотя время создания, конечно, не могло не сказаться на ней*. Сам факт упоминания о битве на Святом (именно на Святом!) озере, независимо от причин упоминания, был знаком положительным, свидетельствующим о начале отрезвления и возвращения к истории Родины. А вскоре процесс этот получил еще один несравненно более мощный толчок.

Показательно, что первая после революции газетная публикация о битве с татарами на Святом озере появилась в июле 1941 года, когда само время заставило обратиться к естественному, хотя, казалось бы, и навсегда отброшенному — образам предков, истории Отечества. «И к вечеру тихие воды озера Святого (ныне Некрасовского) сомкнулись над головами последних разбойников»¹⁰⁹, — так заканчивалась статья И. Шабатина «Костромичи в борьбе за Родину», опубликованная в «Северной правде» уже в конце первого месяца страшной войны...

Всю войну Некрасово, как и все наши села и деревни, провожало своих мужчин, и вместе с людьми провожала уходящих на фронт и часовня над озером. И все военные годы перед ее образами молились женщины об ушедших мужьях, отцах, сыновьях, братьях...

** Вот как, например, автор описывал события, последовавшие за подрывом стены Ипатьевского монастыря в 1609 году: «Монахи, попы, поляки, дети боярские, казаки бежали на запад к озеру Святому. Давыд Жеребцов преследовал беглецов. В жестоком бою остатки отряда Вельяминова были уничтожены, сам он, впрочем, спасся. Так, после 5 месяцев осады пал сильнейший оплот интервентов — Ипатьевский монастырь».*¹⁰⁸

«В буднях великих строек»

О жизни часовни Животворящего Креста в послевоенные годы известно очень мало. После того как в 1948 году властями была закрыта церковь Иоанна Богослова в Трудовой (б. Ипатьевской) слободе, богослужение в часовне проводил священник Покровской церкви с. Шунги. По рассказам местных стариков, за часовней в это время по-прежнему «ходила» Анна Дмитриевна Алешина — убиралась в помещении, зажигала лампадки, у нее же хранился ключ от входной двери.

Через несколько лет после окончания войны возобновились работы по «преображению» Волги. В связи со строительством у г. Городца Горьковской ГЭС, на реке должно было возникнуть еще одно «рукотворное море» — теперь уже вблизи Костромы, в Костромской низине.

Черным днем в историю костромской земли вошло 12 сентября 1956 года, когда живое течение реки Костромы — реки, давшей имя главному городу нашего края, — было остановлено валом из камней, гравия и бетонных плит. В результате к северо-западу от Некрасова возникло так называемое «Костромское море», поглотившее почти все древние костромские озера — Великое, Идоломское, Борисово (часть этих озер была уничтожена в ходе подготовки к созданию «моря»), затопившее десятки сел и деревень: Куниково, Жарки, Ведерки, мазаевские Вежи с их знаменитыми баньками на столбах...

Незатопленная часть Заречья была окружена высокой дамбой, а так как дамба прошла и там, где с незапамятных времен впадала в Волгу вытекающая из Святого озера речка Игуменка, то русло Игуменки — живой, быстрой речки — превратилось в стоячий водоем, для отвода же воды из озера была прорыта канава, и озерная вода потекла в сторону противоположную той, в которую она текла веками...

Глубоко символично, что очередной этап «преобразования» природы совпал с очередным витком антирелигиозной борьбы. На смену очень и очень относительной либерализации политики государства в отношении церкви, начавшейся в разгар Великой Отечественной войны и сохранявшейся в целом до смерти И.В.Сталина, вновь — вскоре после того, как руководителем страны стал Н.С.Хрущев — пришел жесткий антирелигиозный курс. Именно в это время и была закрыта часовня на берегу Святого озера. Точной даты закрытия мне выяснить не удалось, но, по свидетельствам местных жителей, это произошло в середине 50-х годов. Не вызывает сомнения, что закрытие древней часовни было результатом «претворения в жизнь» известного антирелигиозного постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 года «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», которое и положило начало новому этапу гонений на церковь.

В постановлении ЦК речь шла, вроде бы, лишь об усилении чисто идейной борьбы с «религиозными предрассудками и суевериями, отравляющими сознание части советских людей и мешающими их сознательному и активному участию в строительстве коммунизма»¹¹⁰, и, естественно, не говорилось прямо о закрытии рассадников этих самых предрассудков и суеверий — храмов и часовен. Но работникам на местах, прошедших большую школу советской жизни, не нужно было разьяснять, что обозначает: «Надо решительно, покончить с пассивностью в отношении к религии»¹¹¹. Вероятно, с особым вниманием в соответствующей костромской партийной инстанции прочитали то место в постановлении, где говорилось: «В результате активизации деятельности церкви (...) оживляется паломничество к так называемым «святым местам»¹¹². Объяснять, то, где находится одно из таких «святых мест», — несмотря на все переименования — не требовалось, и участь часовни в д. Некрасово была решена. Кому было дело до местных старушек, молящихся в часовне, в том числе и о не вернувшихся с войны?

Операция по закрытию часовни в этот раз прошла довольно спокойно, сведясь лишь к изъятию большого массивного ключа от ее входа (А.Д.Алешинной к этому времени уже не было в живых, последней старостой часовни была Фаина Константиновна Лабашова). Так часовня стала недоступной для местных жителей. «Позорное пятно», лежавшее на работе колхоза «Огородник», — на полях которого в это время, как и везде, активно возделывали «королеву полей», кукурузу,— наконец-то было «смыто».

После закрытия

В 1958 году в Ипатьевском монастыре был организован историко-архитектурный музей-заповедник, к которому была отнесена и часовня в Некрасове. Из монастыря шло выселение сотен живших в нем семей, начались широкомасштабные реставрационные работы. В 1959 году началась реставрация и часовни на Святом озере.

К этому времени часовня уже несколько лет стояла закрытой. Была давно разобрана ограда, шатер покрывало проржавевшее железо, но внутри часовни сохранялось все убранство, бывшее в ней на момент закрытия. В.Г.Брюсова, вдвоем с помощником начавшая реставрацию стенописей часовни, писала, что в 1959 году, «до начала реставрационных работ, восточная стена часовни и часть южной и северной стен были закрыты иконостасом простой столярной работы, окрашенным алюминиевой краской. Интерьер часовни был загроможден предметами церковной утвари: киотами, хоругвями,

аналогам и т.п. На иконах были повешены гирлянды бумажных цветов, пелены и всевозможная мишура. Перед иконостасом посередине был установлен крест с живописным изображением на лицевой стороне Распятия, а на тыльной стороне — Николая чудотворца, XVIII века»¹¹³.

О том, что предшествовало реставрационным работам, мы узнаем из того же отчета В.Г.Брюсовой: «Было принято решение очистить помещение от культовых предметов, не имеющих художественной и исторической ценности. Был разобран иконостас, поскольку он закрывал собою фресковую живопись и внешним видом вносил диссонанс в оформление интерьера часовни»¹¹⁴. Не будем осуждать эти действия — они были вызваны реалиями времени и не могли быть другими. Взамен вынесенной утвари были поставлены леса, и реставраторы В.Г.Брюсова и В.И.Федоров приступили к расчистке и укреплению часовенной стенописи.

Дальнейшая судьба вынесенного из часовни убранства не совсем ясна. По рассказам, Животворящий крест и иконы были перенесены к одной из женщин, в доме которой, таким образом, была устроена как бы часовня. Потом, согласно этим же рассказам, к хозяйке дома «приехали из города» (кто именно приехал — милиция, представители советской власти, работники музея-заповедника, — выяснить не удалось) и все предметы из часовни забрали (в настоящее время главная святыня часовни — Животворящий крест — находится в фондах Костромского музея-заповедника).

К началу реставрационных работ стенопись внутри часовни, особенно на сводах, была покрыта слоем копоти, так что живопись сквозь черноту просматривалась слабо*. Работы по расчистке и укреплению живописи, продолжавшиеся с 1959 по 1961 годы, фактически привели к открытию уникальных часовенных стенописей, состоящих из расположенных в четыре яруса двадцати многофигурных композиций, обрамленных снизу традиционными «полотенцами». Как уже писалось, подавляющее большинство фресок посвящено сюжетам явления и чудес Федоровской иконы Божьей Матери (обретение иконы князем Василием Ярославичем, принесение иконы в костромскую соборную церковь, моление князя перед иконой и т.д.). Есть в часовне и фреска, изображающая битву с татарами. В.Г.Брюсова описывает ее так: «На первом плане — князь Василий Ярославич, у его ног — поверженные татарские воины. На заднем плане — воин держит икону Богоматери, от которой исходит (...) огненное пламя. Справа — вздулось горой озеро»¹¹⁶.

В ходе реставрационных работ был открыт ряд деталей первоначального убранства часовни: «После удаления иконостаса, в юго-восточном и северо-восточных углах в кладке были обнаружены специальные пазы для установки тябл для крепления икон иконостаса. В соответствии с этим принято решение установить на восточной стене часовни тябловый иконостас: тябла расписать по мотивам древних орнаментальных росписей»¹¹⁷, — писала В.Г.Брюсова.

В 1960-1961 гг. работы на стенописях продолжили и довели до конца костромские художники-реставраторы Г.Б.Губочкин, Е.В.Ильвес и А.М.Малафеев. В 1961 году были также проведены и общие реставрационные работы на часовне, выполненные по про-

* В.Г.Брюсова объясняет обилие копоти тем, что в праздничные службы при скоплении людей в небольшом помещении часовни и «при отсутствии вентиляции образуется повышенная влажность». Копоть от свечей и лампад садится на мокрые своды и въедается в живопись». ¹¹⁵

екту Л.С.Васильева: с шатра часовни была удалена поздняя металлическая обшивка, произведена вычинка кладки, часовня была побелена, а ее металлические элементы — главка, ставни на окнах, входная дверь — выкрашены в зеленый цвет. При снятии металлической обшивки на гранях шатра обнаружались нанесенные на известковую обмазку декоративные шестиконечные звезды. Звезды этих двух цветов — желто-охристого и серо-голубого — были расположены рядами и по размеру убывали снизу вверх. От какого точно времени сохранились они на шатре, сказать трудно, но примечательно, что такие же шестиконечные звезды были и на поздней металлической обшивке шатра.

Раскрытие восьмигранного каменного шатра и побелка вновь вернули часовне былое главенство в пейзаже Святого озера. В первые годы после реставрации отражавшийся в глади озера белый силуэт часовни Животворящего Креста был виден издали и, как прежде, «держал» собою всю окружающую местность.

С 1961 года часовня в Некрасове, числясь за музеем-заповедником, фактически стояла заброшенной. Все планы по ее музейному использованию так и остались на бумаге. Не осуществились и планы восстановления внутреннего облика часовни, близкого к первоначальному, — на расписанные в

старинном стиле тябла, установленные во время реставрации, так и не было поставлено ни одной иконы.

Более того, примерно через год после завершения реставрационных работ в дверях был взломан замок, и древняя часовня превратилась в место, где пьянствовали, жгли в холодное время костры и справляли различные нужды местные хулиганы. Только года через два все эти безобразия пресекли, и дверь в часовню наглухо закрыли.

За минувшее с начала 1960-х годов время огромный ущерб был нанесен почти всей историко-природной среде Святого озера. В конце 60-х годов вырубали большую часть замечательной дубовой рощи у озера, на месте которой встали постройки 2-й передвижной механизированной колонны, только несколько старинных дубов и вязов уцелело по обе стороны от окружающего территорию ПМК-2 забора из железобетонных плит. В 70-80-е годы разрастающийся город протянул вдоль древней дороги к озеру линию низкокачественных панельных домов. В эти же годы за озером, у развилки дорог, в непосредственной близости от часовни Животворящего Креста встали громоздкие бетонные стеллы с названиями двух местных колхозов — «Дружба» и «Новый путь» (бывшие «Огородник» и «За новую жизнь»). Десятилетие за десятилетием по дороге, ответвляющейся от главного шоссе и проходящей на расстоянии буквально двух метров от часовни, грохочет, сотрясая старинную постройку, тяжелый транспорт...

Я не раз называл Святое озеро с его окрестностями «Куликовым полем костромского края». Это определение тем более верно, если мы вспомним послереволюционную судьбу и настоящего Куликова поля, и Бородинского поля, и места, где произошла Невская битва. Ведь и там везде так же закрывали, ломали, взрывали памятные монастыри, храмы, часовни, так же уродовали природную среду, и так же десятилетиями пребывали эти святыни России в постыдном запустении. Лишь в самое недавнее время — чуть более десяти лет — начался в этих местах процесс возрождения. Совсем недавно этот процесс пошел и на Святом озере.

Начало возрождения

Первые признаки перемен к лучшему на Святом озере связаны с большими изменениями, происходящими в нашей стране с конца 80-х годов. В это время впервые гласно стал обсуждаться вопрос о восстановлении исторических названий и озера, и селения на его берегу. Летом и осенью 1989 года Костромской фонд культуры провел среди костромских историков, краеведов, архивных и музейных работников, писателей, журналистов анкетный опрос о необходимости восстановления исторических названий костромского края. В числе других на обсуждение выносилось и предложение о возвращении названий Святому озеру и деревне Святое. Большинство опрошенных это предложение было поддержано, особенно по озеру, вот выдержки из некоторых ответов:

«...Не могу не откликнуться на обращение Фонда культуры по поводу восстановления исторических названий. В целом эта идея вызывает у меня горячее одобрение: безусловно, только «Святое озеро»...

С. Колумбина, завуч института усовершенствования учителей.

«...Я думаю, что д. Некрасово и Некрасовское озеро пусть останутся в память о великом русском поэте...»

В. Травкин, писатель.

«...Названия с. Святое и Святое озеро в окрестностях Костромы необходимо восстановить, т.к. с этими названиями связан знаменательный факт нашей истории — битва на Святом озере, сохраняется памятник-часовня, поставленный нашими предками...»

Работники областного архива.

«...Согласна со всеми предложениями по г. Костроме, кроме озера и с. Святое. Все-таки эти названия сейчас звучат слишком архаично».

М. Лапшина, зав. отделом музея-заповедника.

«...Я — за село Святое и Святое озеро. В истории есть битва на Святом, а не на Некрасовском озере».

В.Семенов, краевед¹¹⁸.

«...Я бы оставил д. Некрасово, а озеру вернул древнее название «— Святое».

В.С.Розов, драматург, лауреат Ленинской премии (Москва).

«...Необходимо восстановить и такие названия, как сельцо Святое и Святое озеро, названные так после победы над татарским отрядом в XIII веке, когда, по свидетельству древнего сказания об иконе Федоровской Божией Матери, костромичам была явлена помощь свыше».

Протоиерей А.Андросов, ректор Костромского духовного училища¹¹⁹.

Еще раньше, в январе 1989 года, на эту же тему в районной костромской газете «Волжская новь» в заметке «Почему Некрасово?» писал М.Соколов. Справедливо констатировав, что «мы нигде не находим у Н.А.Некрасова упоминаний о деревне Святое, и никакие биографические события, связанные с его пребыванием здесь, неизвестны», автор заметки предложил: «Не умаляя имени великого поэта, считаю справедливым восстановить в названии озера и деревни их историческую значимость. «Славное», «Боевое», «Отважное» — вот наименования, достойные по праву этого исторического уголка на карте нашего края»¹²⁰.

23 ноября 1989 года впервые за последние семь десятилетий в Троицком соборе Ипатьевского монастыря состоялась служба, проведенная костромским епископом Александром, а вскоре вопрос встал уже и о возрождении Ипатия как действующего монастыря. В апреле 1992 года примыкающей к монастырю слободе было возвращено ее историческое имя — Ипатьевская слобода. Рано или поздно реальный процесс перемен должен был коснуться и Святого озера, издавна почитавшегося как место совершения одного из самых известных чудес Федоровской иконы Божьей Матери.

«Прорыв» произошел в августе-сентябре 1992 года, когда по инициативе работников Костромского районного отдела культуры было решено отметить 730-летие битвы с татарами церковными службами.

30 августа, в воскресенье, у часовни Животворящего Креста прошел первый за почти четыре десятилетия молебен, проведенный о. Владимиром, настоятелем Петропавловской старообрядческой церкви из соседней деревни Стрельниково. В службе участвовал знаменитый стрельниковский церковный хор, наряду со старообрядцами присутствовало много местных жителей.

Через несколько дней, в субботу, 5 сентября, у часовни произошло еще одно несравненно более торжественное богослужение, проведенное — впервые с 1909 года — главой Костромской епархии, епископом Александром. В панихиде, отслуженной епископом, приняли участие многочисленные представители костромского духовенства, а также монахини возрождающегося Богоявленского монастыря во главе с игуменьей Иннокентием. «По чину служба была очень высокой, — писал корреспондент «Северной правды», — но получилась она камерной и — да простится мне столь неторжественное слово — уютной. Самому завзятому атеисту, для которого переступить порог церкви все равно, что нелегально перейти границу, трудно было бы найти слова упрека для этого богослужения под открытым небом. Ритуальные облачения священнослужителей, резной аналой, мягко погружившийся в зеленую травку, язычки пламени на свечах, сгибающиеся в поклонах под напором легкого ветерка и вновь распрямляющиеся, плавное течение церковных песнопений без видимых глаз границ сливались единой гармонией с широким лугом и высоким небом»¹²¹.

Проведение обеих служб явилось событием поистине историческим, рубежным, переломным, явилось важнейшим шагом к возрождению этого места. Юбилей и возобновление служб ускорили и решение вопроса о возвращении озеру и селению на его берегу их исторических названий. 30 сентября 1992 года состоялся сход жителей Некрасова, посвященный вопросу, прямо противоположному тому, который решали граждане Святого на сходах 1924 года. Конечно, между этим сходом и сходами 1924 года большая разница — ну хотя бы потому, что тогда жители по вполне понятным причинам боялись прямо высказываться против переименования и споры велись только вокруг того, как именно переименовать, хотя и общего, несмотря на минувшие семьдесят лет, оказалось немало.

Вот как описал сход 30 сентября один из его очевидцев: «...И вот начало схода. Погода, словно предугадывая общее настроение, хмурилась и сыпала мелким дождем. Со всей деревни — а в ней живет более пятисот жителей — пришли человек пятьдесят. Отношение остальных к такому «мероприятию»

оказалось, как сказал поэт, «плевое». Собравшиеся же поначалу вразнобой выкрикивали противоречивые предложения, но находились самые шумные, которые «не желали никаких переименований» и категорически заявляли: «Не позволим!» Кто-то вспомнил и про районную администрацию (дескать, не прибыла «ответ держать»), и про расходы на замену паспортов, и — совсем уже, казалось бы, некстати — про газ, и про то, как без него плохо... И никто почему-то не хотел серьезно и сообща поговорить о далекой истории родной деревни. Только с именем поэта связывали ее и ни о чем другом не хотели слышать»¹²².

Итоги схода были таковы: граждане поддерживали предложение о возвращении озеру названия «Святое» и подавляющим большинством голосов (35 — против, 4 — за) отвергли обратное переименование Некрасова в Святое¹²³. Не стоит драматизировать такой результат схода — иным он быть и не мог, а причины этого понятны: во-первых, почти за 70 лет название Некрасово укоренилось, стало привычным, с ним выросло несколько поколений, во-вторых, большинство местных жителей практически ничего не знают толком ни о старых названиях озера и деревни, ни о том, как появились новые, и здесь, конечно, нужна большая просветительская работа, ну и, в-третьих, в нынешние смутные времена люди боятся уже любых перемен, и нельзя их за это осуждать.

Форсировать решение вопроса о возвращении Некрасову его исторического имени нельзя (важно уже и то, что озеру возвращается его название) — если уж в 1924 году в условиях «пролетарской» диктатуры сход для переименования Святого понадобилось собирать несколько раз, то сейчас у нас и подавно быстро не получится.

Ну, а поскольку основной аргумент противников возвращения названия «Святое» состоит в том, что возвращение населенному пункту его исторического имени будет актом неуважения по отношению к Н.А.Некрасову, рассмотрим тему «Н.А.Некрасов и Святое» подробнее.

Конечно, Н.А.Некрасов не раз проезжал через Святое*, направляясь из Грешнева в Кострому, но ведь, охотясь, например, в куниковских и мисковских местах, он посещал десятки сел и деревень, которые при желании можно было бы с таким же успехом переименовать в честь поэта. Спустя много лет, когда обстоятельства переименования Святого уже забылись, само название «Некрасово» послужило причиной появления полуполюганд о том, что Н.А.Некрасов был как-то связан с поселением на Святом озере. Н.К.Некрасов, внучатый племянник поэта и автор нескольких книг о нем, в частности, пишет: «Возвращаясь с охоты из Мазаевых мест, Некрасов любил отдохнуть в березовой роще у озера, на берегу которого стояла старая часовня (она сохранилась до наших дней, находится в деревне Некрасово)»¹²⁵.

Такой отдых Некрасова у озера, конечно, мог иметь место, хотя никаких документальных подтверждений ему нет, и все это вытекает лишь из желания как-то объяснить нынешнее название деревни.

Здесь уместно вспомнить, как были переименованы несколько других населенных пунктов, связанных с Некрасовым и расположенных в относительной близости от Святого. Вспомним: в начале 1938 года, когда отмечалось 60-летие со дня смерти Н.А.Некрасова, село Грешнево — по сути, родина поэта — в духе господствовавших тогда представлений об «увекочивании памяти» было переименовано в Некрасово, а находившееся на правом берегу Волги село Большие Соли, районный центр Ярославской области, — в село Некрасовское (ныне — поселок Некрасовское)¹²⁶. Таким образом, между Ярославлем и Костромой появилось три населенных пункта, переименованных в честь поэта: два Некрасова (б.Святое и б.Грешнево) и одно Некрасовское (б.Большие Соли).

В 1986 году здравый смысл отчасти восторжествовал: указом Президиума Верховного Совета РСФСР Грешневу было возвращено его исконное, дорогое для каждого культурного человека имя. Нет сомнения, что рано или поздно вернутся к нам и Большие Соли, и Святое.

Надо осознать: селение на Святом было переименовано для того, чтобы убрать его «религиозное» название. Н.А.Некрасов, не имевший никакого прямого отношения к Святому, был выбран достаточно случайно. На возражение о том, что возвращение Святого будет актом неуважения к Н.А.Некрасову, проще всего ответить, что поэт к нашим шараханьям и безумствам никакого отношения не имеет и поэтому вряд ли они как-то могут унижить или возвы-

* Но кто только не проезжал через Святое хотя бы в XIX веке! В 1826-27 гг. по старому, «дуговому», тракту были провезены в Сибирь многие из декабристов, весной 1848 года здесь проехал,

направляясь впервые в свое Щельково, молодой А.Н.Островский, зимой 1849 года через Святое в Сибирь был провезен осужденный по делу петрашевцев Ф.М.Достоевский, летом 1864 года в ту же сибирскую сторону был провезен Н.Г.Чернышевский.¹²⁴ Так что, как видим, в смысле переименования на одном Некрасове свет клином никак не сошелся.

сильно его. Лучше вспомним фон, на котором происходили выразившиеся в переименованиях в честь поэта «акты уважения» к классику: затопленная «морем» половина Костромского Заречья (в том числе и любимые Некрасовым мазаевские места), закрытые и изгаженные зарецкие храмы, загрязненные и полуубитые Волга и река Кострома и т.д., и т.п. Представим, что сказал бы поэт, увидев *все*, учиненное в XX веке хотя бы только в его родном ярославско-костромском левобережьи Волги? Можно ли на таком реальном фоне говорить о том, что переименование — для ликвидации еще одного «религиозного» названия — древнего селения является актом уважения по отношению к Н.А.Некрасову? Думаю, что как раз наоборот.

Конечно, с возвращением названия населенному пункту действительно есть проблемы*, все это не так просто, но, безусловно, что пройдет еще какое-то время и люди поймут, как не хватает этого имени, Святое, — словно пропитанного ароматом древней Руси и овеянного преданиями и легендами — озеру, и часовне на его берегу, и всему духу этого особого, заповедного места.

* * *

Понятно, что все сделанное — это только первые шаги. Для полного возрождения «Куликова поля костромского края» предстоит сделать еще очень и очень многое: 1) нужно превратить часовню Животворящего Креста из заброшенного «памятника истории и культуры, охраняемого государством», в действующую часовню с периодическими — т.е. несколько раз в год, как и положено в часовне, — богослужениями** ; 2) необходимо восстановить разрушенную часовню Федоровской иконы Божьей Матери; 3) необходимо придать окрестностям Святого озера статус особой заповедной территории с последующими, в перспективе, разборкой промышленных строений (комплекса ПМК-2), восстановлением дубовой рощи и другими работами.

Все это, конечно, будет не просто и не скоро, но все-таки сейчас под большим периодом в истории Святого озера — периодом безумия и невежества — подведена черта. Будем надеяться, что положено начало новому периоду — периоду здравого смысла и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАКО, ф.558, оп.2., д.374, л.29-а.

* В числе проблем и такая: категории «сельцо» у нас больше нет, а название, бывшее в начале XX века — деревня Святое, — не очень хорошо в грамматическом смысле. Выход, видимо, может быть таким — вернуть древнее название, «повысив» статус нынешней деревни до села, так что грамматически все будет безупречно: село Святое.

** Часовня Животворящего Креста передана в пользование Костромскому епархиальному управлению в октябре 1992 года. Часовня приписана к храму Спаса на Запрудне. В летние месяцы в ней проводятся богослужения (прим. редакции).

² ПСРЛ. — Т.1. — М., 1962. — Стб. 470.

³ Миловидов И. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. — Кострома, 1885. — С.37. Далее — Миловидов И. Очерк истории Костромы.

⁴ ПСРЛ. — Т.1. — М., 1962. — Стб.525.

⁵ Там же.

⁶ ГАКО, ф.558, оп.2, д.374, л.об. 29-а.

⁷ Там же, л.29-6.

- ⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. — М., 1988. — Кн. 1. — Т.4. — Примеч. к гл. 1. — С. 15. Далее — Карамзин Н.М. Указ. соч.
- ⁹ Булдаков К.А. Кострома в борьбе с монголо-татарскими вторжениями на Руси (XIII-XVI вв.). // Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. — Ярославль, 1961. — С.22. Далее — Булдаков К.А. Указ. соч.
- ¹⁰ Миловидов И. Очерк истории Костромы. — С.56; Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. — Кострома, 1911. — С.19. Далее — Краткие статистические сведения; Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. — Ярославль, 1968. — С.92. Далее — Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь.
- ¹¹ Бочков В.Н., Тироп К.Г. Кострома. — Ярославль, 1970. — С.8. Далее — Бочков В.Н., Тироп К.Г. Указ. соч.; Бочков В.Н. Битва на Святом озере. // Маслов В.М. Сунгирская находка. — Бочков В.Н. Битва на Святом озере. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1972. — С.49-95. Далее — Бочков В.Н. Битва на Святом озере.
- ¹² Караев К., Саламанов Н. Костромичи — патриоты земли русской. //Костромской альманах: Лит.-худож. и публ.сб. — Кострома, 1946. — С.109.; Масленицын С.И. Кострома. — Л., 1968. — С.8. Далее — Масленицын С.И. Указ. соч.; Тироп К.Г. Кострома. — М., 1974. — С.6; Иванов В.Н. Кострома. — М., 1978. — С.10. Далее — Иванов В.Н. Указ. соч.; Разумовская И.М. Кострома. — Л., 1989. — С.42. Далее — Разумовская И.М. Указ. соч.
- ¹³ Карамзин Н.М. Указ. соч. — С. 15.
- ¹⁴ Булдаков К.А. Указ. соч. — С.22.
- ¹⁵ Миловидов И. Очерк истории Костромы. — С.37.
- ¹⁶ Островский П.Ф. Исторические записки о Костроме и ея святыне. — Кострома, 1864. — С. 16. Далее — Островский П.Ф. Исторические записки.
- ¹⁷ Бочков В.Н., Тироп К.Г. Указ. соч. — С.8.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Житие Александра Невского.//Памятники литературы древней Руси XIII век. — М., 1981. — С.436.
- ²⁰ ПСРЛ.—Т.1. — М., 1962. — Стб.476.
- ²¹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т.1. — Ч.1. — С.71.
- ²² Насонов А.И. Монголы и Русь. — М., 1940. — С.52.
- ²³ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. — М., 1970. — С.344.
- ²⁴ Миловидов И. Очерк истории Костромы. — С.56.
- ²⁵ Краткие статистические сведения.— С. 19.
- ²⁶ Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. — С.92.
- ²⁷ Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Костромская область. —М., 1976. — С. 12.
- ²⁸ ГАКО, ф.558, оп.2, д.374, л.29-в.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи. Вып.2. Костромские сотницы 1560—1568гг. —М., 1903. — С.13.
- ³² Словарь русского языка XI-XVII вв. — М., 1975. — Т.2. — С. 122.

- ³³ ГАКО, ф.558, оп.2, д.374, л. об. 29-в.
- ³⁴ Павел (Подлинский). Описание Костромского Ипатьевского монастыря. —М.,1832. —С.83. Далее — Павел (Подлипский). Указ. соч.
- ³⁵ Там же. — С.81.
- ³⁶ Там же. — С.82.
- ³⁷ Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. — Ярославль, 1939. — С.122. Далее — Генкин Л.Б. Указ. соч.
- ³⁸ Исторические события, совершившиеся 300 лет тому назад в Костроме в Смутное время 1608 и 1609 годов.//Поволжский вестник. — 1909. — № 912.
- ³⁹ Островский П.Ф. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. — Кострома, 1870. — С.18. Далее — Островский П.Ф. Историко-статистическое описание.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Генкин Л. Б. Указ. соч. — С. 122.
- ⁴² Памятники литературы древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. — М., 1987. — С.577.
- ⁴³ Чернецов Г., Чернецов Н. Путешествие по Волге. — М., 1970. — С.39. Далее — Чернецов Г., Чернецов Н. Указ. соч.
- ⁴⁴ Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. — М., 1982. — С.82. Далее — Брюсова В.Г. Указ. соч.
- ⁴⁵ ЦГАДА, ф.237, оп.1, ч.1, ед.хр.34, л.506(цитируется по выписке В.Г.Брюсовой).
- ⁴⁶ Там же, л.об.505 — л.506.
- ⁴⁷ Брюсова В.Г. Указ. соч. — С.82; Иванов В.Н. Указ. соч. — С.131; Разумовская И.М. Указ. соч. — С.42.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф.237, оп.1, ч.1, ед.хр.34, л.505.
- ⁴⁹ Брюсова В.Г. Указ. соч. — С.82.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Лукомский Г., Лукомский В. Кострома. — СПб.,1913. — С.255. Далее — Лукомский Г., Лукомский В. Указ. соч.
- ⁵⁴ Брюсова В. Г. Отчет о реставрации памятника архитектуры и живописи XVIII в. в д. Некрасово.//Архив ТОО «Костромареставрация», № 40. Далее — Брюсова В.Г. Отчет.
- ⁵⁵ Брюсова В.Г. Указ. соч. — С.82.
- ⁵⁶ Бочков В.Н., Тороп К.Г. Указ. соч. — С. 100.
- ⁵⁷ Бочков В.Н. Битва на Святом озере. — С.50.
- ⁵⁸ Масленицын С.И. Указ. соч. — С.8; Иванов В.Н. Указ. соч. — С.130; Разумовская И.М. Указ. соч. — С.42.
- ⁵⁹ Островский П.Ф. Историко-статистическое описание. — С.112.
- ⁶⁰ Краткие статистические сведения. — С. 19.
- ⁶¹ Островский П.Ф. Историко-статистическое описание. — С.111.

- ⁶² Там же. — С.113.
- ⁶³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т.4. — С.172.
- ⁶⁴ Некрасов Н.К. По следам некрасовских героев. — М., 1970. — С. 15.
- ⁶⁵ Бочков В.Н., Тороп К.Г. Указ. соч. — С.101.
- ⁶⁶ Иванов В.Н. Указ. соч. — С. 130.
- ⁶⁷ Брюсова В.Г. Указ. соч. — С.82.
- ⁶⁸ Иванов В.Н. Указ. соч. — С.72.
- ⁶⁹ Разумовская И.М. Указ. соч. — С.42.
- ⁷⁰ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила.//Максимов С.В. Литературные путешествия. — М., 1986. — С.351. Далее — Максимов С.В. Указ. соч.
- ⁷¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. — М., 1984. — Т.2. — С.316-317.
- ⁷² Филипповский Г. Праздник Покрова и «Покров на Нерли»././Наука и религия. - 1990. - № 9. - С.64
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Круглый год. Русский земледельческий календарь. — М., 1989. — С.302.
- ⁷⁵ Максимов С. В. Указ. соч. — С.334.
- ⁷⁶ Там же. — С.327—328.
- ⁷⁷ Народный месяцеслов. — М., 1991. — С.71.
- ⁷⁸ Алешин Л.П. Квартира номер последний. — М., 1929. — С.89.
- ⁷⁹ Виськов И. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы — М., 1792. —С.10-11.
- ⁸⁰ Диев М.Я. Историческое описание Костромского Ипатского монастыря. — М., 1858.—С.77.
- ⁸¹ Козловский А. Взгляд на историю Костромы. — М., 1840. — С.138.
- ⁸² Чернецов Г., Чернецов Н. Указ. соч. — С.39.
- ⁸³ Островский П.Ф. Исторические записки. — С.16.
- ⁸⁴ Краткие статистические сведения. — С. 19.
- ⁸⁵ Брюсова В.Г. В память о двух битвах.//Твоя земля рассказывает. — Кострома, 1960.—С.41.
- ⁸⁶ Брюсова В.Г. Указ. соч. — С.81.
- ⁸⁷ Масленицын С.И. Указ. соч. — С.8.
- ⁸⁸ Иванов В.Н. Указ. соч. — С. 130.
- ⁸⁹ Разумовская И.М. Указ. соч. — С.42.
- ⁹⁰ Алмазов П.А. Краткий путеводитель по г. Костроме и Костромской губернии.— Кострома, 1909. — С. 16; Исторические события, совершившиеся 300 лет тому назад в Костроме в Смутное время 1608 и 1609 годов. //Поволжский вестник. — 1909. —№ 912; Рязановский Ф. История края.//Прошлое и настоящее Костромского края. — Кострома, 1926. — С.104.
- ⁹¹ Краткие статистические сведения. — С. 19-20.
- ⁹² Воронин Н.Н. Новые памятники русской эпитафии XII в.//Советская археология. — 1940. — № 6. — С.309-315.
- ⁹³ Лукомский Г., Лукомский В. Указ. соч. — С.255-256.

- ⁹⁴ Чернецов Г., Чернецов Н. Указ. соч. — С.39.
- ⁹⁵ IV областной археологический съезд в Костроме.//Костромские епархиальные ведомости. — 1909. — № 15. — С.487-488; Известия IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме. — Кострома, 1909. — Вып.5. — С.1.
- ⁹⁶ Переименование.//Красный мир. — 1924. — 17 авг.
- ⁹⁷ Деревня Некрасовское. Вспомнили земляка.//Красный мир. — 1924. — 3 окт.
- ⁹⁸ Алешин А.П. Квартира номер последний. — М., 1929. — С.89-91.
- ⁹⁹ Писатели Костромы (1918-1975 гг.). Библиог. указатель. — Кострома, 1981. — С.29.
- ¹⁰⁰ ГАКО, ф.Р-371, оп.1, д.383, л.100.
- ¹⁰¹ Там же, л.99.
- ¹⁰² Там же, л.97.
- ¹⁰³ Там же, л.96.
- ¹⁰⁴ Там же, л.96 об.
- ¹⁰⁵ Бочков В.М. Дорогу необходимо исправить.//Сев. правда. — 1938. — 10 сент.
- ¹⁰⁶ Используйте часовню под склад.//Сев. правда. — 1931. — 3 авг.
- ¹⁰⁷ Пришвин М.М. Собрание сочинений. — М., 1956. — Т.3. — С.329.
- ¹⁰⁸ Генкин Л.Б. Указ. соч. — С. 122.
- ¹⁰⁹ Шабатин И. Костромичи в борьбе за родину. //Сев. правда. — 1941. — 20 июля.
- ¹¹⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1985. — Т.8. — С.429.
- ¹¹¹ Там же. — С.430.
- ¹¹² Там же. — С.428.
- ¹¹³ Брюсова В.Г. Отчет. — С.25.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же. — С.25-26.
- ¹¹⁶ Там же. — С.5.
- ¹¹⁷ Там же. — С.22-23.
- ¹¹⁸ Костромская земля. Краевед. альманах. — Кострома, 1990. — Вып.1. — С.12-14.
- ¹¹⁹ Костромская земля. Краевед. альманах Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры. — Кострома, 1992. — Вып.2. — С.13.
- ¹²⁰ Соколов М. Почему Некрасово?//Волжская новь. — 1989. — 31 янв.
- ¹²¹ Дружнев В. Панихида на границе.//Сев. правда. — 1992. — 12 сент.
- ¹²² Шавченко В. Сход.//Костром. край. — 1992. — 22 окт.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Борисов Н.С. Окрестности Ярославля. — М., 1984. — С.78.
- ¹²⁵ Некрасов Н.К. По их следам, по их дорогам. — Ярославль, 1975. — С.196.
- ¹²⁶ Сев. правда. — 1938. — 11 янв.

ПАВЕЛ ТРЕТЬЯКОВ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

О собирательской деятельности Павла Михайловича Третьякова существует море литературы. В галерее, носящей имя братьев Третьяковых, хранится целая многотомная библиотека. Здесь собраны и систематизированы каталоги выставок, переписка с художниками, воспоминания современников о коллекционировании Третьякова, многочисленные искусствоведческие исследования... При этом, к сожалению, в тени до недавнего времени оставалась основная, собственно предпринимательская деятельность мецената. Между тем, именно она послужила материальной базой для активной благотворительности и собирательства П.М.Третьякова.

Мы долгое время стыдливо отворачивались, когда развитие культуры связывалось с развитием экономики. И только в последнее время заговорили о том, что экономика и культура — две стороны одной медали. Во все века художники были на попечении тех, кто вкладывал в них деньги. Поэтому тезис о самокупаемости культуры противоречив в самой своей сути...

Конец XIX в. в России связан с развитием капитализма. На путь капиталистического развития страна вступила благодаря экономическим реформам 60-х годов. Россия быстро модернизировалась: создавались новые промышленные предприятия, строились дороги. За 20 лет — с 1877 по 1898 — объем производства фабрично-заводской промышленности возрос с 541 млн. до 1816 млн. руб., т.е. почти в 4 раза. К концу XIX в. по темпам промышленного развития Россия обогнала многие страны Европы и шла вровень с США¹.

Мощно и напористо утверждали себя представители молодого класса буржуазии. Концентрируя в своих руках огромные финансовые средства, получаемые за счет успешной торговли и промышленной деятельности, многие русские предприниматели считали своим долгом большую их часть потратить на благотворительность. Объяснялось это отчасти истовой религиозностью купечества, а также огромным желанием «реабилитировать» себя в глазах общества: в русском народе всегда подспудно существовало недоверие к деньгам и богатству. Кроме того, некоторыми купцами — выходцами из низших слоев общества — двигали честолюбивые стремления: благотворительность поощрялась наградами, титулами, званиями. Всеми силами стремились приобщиться они и к культуре. Зачастую, ровным счетом ничего не понимая в искусстве, они тянулись к нему на цыпочках. Но с течением времени складывается новый тип купца-предпринимателя, обладающего не только толстым кошельком, но и знаниями, и вкусом, и художественным чутьем.

Благодаря этой «новой формации» русского купечества, в России возникает сеть культурно-просветительских учреждений, которые государству было бы просто не под силу ни основать, ни содержать. Среди плеяды русских купцов-благотворителей есть звезды первой величины: Третьяковы, Мамонтовы, Бахрушины, Морозовы. Эти фамилии прочно ассоциируются в нашем сознании с основанными этими людьми культурными и благотворительными учреждениями — Частной русской оперой Мамонтова, Морозовской больницей, Бахрушинским театральным музеем, Третьяковской галереей.

Одними из крупнейших и известнейших предпринимателей конца XIX в. были Павел и Сергей Третьяковы.

Они принадлежали к новому поколению русского купечества, которое пришло на смену «темному царству» 40-50-х годов прошлого века. Происходили они из старинной, но сравнительно небогатой и «неименитой» семьи торговцев. Еще прадед братьев Павла и Сергея Третьяковых, Елисей Мартынович, торговал в Малоярославце, а в конце жизни (в 1774 г.) по примеру многих малоярославских купцов перебрался в Москву. В 40-х годах XIX в. Третьяковым принадлежало 5 лавок в Старых торговых рядах, а торговали они исконно русским товаром — льняным полотном.

За товаром ездили в том числе и в Кострому. Костромская губерния издавна славилась своим льном, занимая по этому показателю одно из первых мест среди других губерний Европейской России. Посевы льна составляли в среднем 10,7% всей площади яровых, а в Костромском уезде — 26%. Лен отличался и своей дешевизной. Иностранцы довели его цену до 1 руб.30 коп. за пуд (Барыков. Льноводство в Костромской губернии).

После смерти отца Михаила Захаровича дело перешло к старшему сыну Павлу (всего в семье было 9 детей, четверо из которых умерли в 1848 году от скарлатины). Павел Михайлович решает основать в Костроме собственное льняное производство, ведь до этого момента Третьяковы только торговали².

Расширение дела требовали и растущие материальные запросы хозяев. В середине 50-х Павел Михайлович начинает собирать картины. Коллекционированием занимались тогда многие представители купеческого сословия. Среди коллекционеров-купцов самыми известными были: Василий Семенович Лепешкин, Герасим Иванович Хлудов³, Иван Иванович Четвериков, Козьма Терентьевич Солдатенков, чья коллекция картин русских художников передана в дар Русскому музею. Цена заслуги последнего собирателя, П.М. Третьяков закажет позже А. Горавскому его портрет, который и сейчас есть в Третьяковской галерее.

Многие увлекались западной живописью. Всемирно известны щукинская и морозовская коллекции французских импрессионистов. Довольно удачная коллекция западной живописи была собрана Сергеем Михайловичем Третьяковым (после его смерти в 1892 г. присоединена к коллекции брата). Некоторые работы брата покупали вместе (например, «туркестанские коллекции» В.В. Верещагина).

Что же касается самого Павла Михайловича, то он прошел путь от рядового любителя до величайшего знатока живописи, безошибочно отличавшего истинно художественные произведения от суррогата. Как удалось сформировать тонкий художественный вкус этому человеку, вышедшему из патриархальной купеческой среды, — загадка. Хотя и она имеет свое объяснение. Из московского Замоскворечья вышло много замечательных деятелей русской культуры. По соседству с Третьяковыми жили Рубинштейны, Алексеевы, с которыми Павел Михайлович был в приятельских отношениях. Да и сам быт не носил уже отпечатка патриархальности: увлечение театром, музыкой, живописью. С жадностью неопитов впитывали в себя новые представители купечества мир искусства. Это была отдушина и для молодого Третьякова. Он посвящал этому все свободное от занятий в конторе время (надо сказать, что его было не так уж и много).

Постепенно вокруг Третьяковых сложился кружок любителей искусства. В этом кружке каждый имел свое прозвище. Для характеристики Павла Михайловича будет любопытно упомянуть, что его звали в кружке «отец Архимандрит». Один из друзей, А.А.Медынцев, написал на него такую эпиграмму:

Честный отец, Архимандрит,
Любя душевно быт домашний,
Он сгонит мглу туманных дней
На рынке Сухаревой башни
Иль и небольшом кругу друзей.

На знаменитой «Сухаревке» Третьяков приобретал первые картины для коллекции. Собирать он начал под влиянием купца Федора Ивановича Прянишникова, с которым был хорошо знаком и дружен, несмотря на 40-летнюю разницу в возрасте. Прянишников коллекционировал картины старых русских мастеров⁴.

Первым приобретением Павла Михайловича были 9 картин голландских художников. Он скупил их на Сухаревке в октябре 1854 за 900 рублей. Но уже спустя два года он твердо решил собирать картины только русских художников, причем, по преимуществу современных. «Искушение» А.Н.Шильдера и «Финляндские контрабандисты» В.Г.Худякова были началом галереи русской национальной живописи.

С самого начала собирательства у Павла Михайловича не были сомнений, как распорядиться коллекцией. В 1860 г. он составил первое завещание, в котором подробно оговаривал принципы организации общедоступной галереи художеств. Там же он выражал свою волю передать галерею в дар Москве. Передача галереи состоялась в 1892 г., после смерти брата Сергея. Но и после вручения дара П.М.Третьяков продолжал пополнять коллекцию, оставаясь попечителем галереи.

Собрание включало работы А.А.Иванова, И. Н. Крамского, В.Г.Перова, И.И.Шишкина, В.В. Верещагина, И.Е.Репина, Н.Н.Ге, А.И.Куинджи, В.Д.Поленова, В.М.Васнецова и многих других

замечательных русских художников — всех не перечислить. С самого возникновения «Товарищества передвижных выставок» он поддерживал передвижников, которым очень симпатизировал.

В.Стасов писал о П.М.Третьякове: «Чего не делают большие общественные учреждения, то поднял на плечи частный человек и выполняет это дело со страстью, с жаром, с увлечением и — что всего удивительнее — с толком. В его коллекции, говорят, нет картин слабых, плохих, но чтобы разобраться таким образом, нужны вкус, знание. Сверх того, никто столько не хлопотал и не заботился о личности и нуждах русских художников, как г. Третьяков»⁵.

Мы благодарны П.М.Третьякову и еще за одно великое его начинание: по его замыслу и на его средства была создана галерея портретов деятелей русской культуры.

Для реализации грандиозных замыслов Третьякову требовались громадные средства. Доходов от торговли было уже недостаточно, и компаньоны (братья Третьяковы и В.Д.Коншин) принимают решение основать собственное льняное производство.

В 1866 г. возникло паевое товарищество «Новая Костромская льняная мануфактура» с ткацкой фабрикой и льнопрядильней. В строительство и оборудование фабрики купцы вложили 270 тыс. рублей золотом. Оснащена фабрика была новейшими по тому времени заграничными машинами: в прядильной было 4809 веретен, в ткацкой — 22 механических станка.

Сырье и дешевая рабочая сила — под рукой. В деревнях обширной Костромской губернии земельная реформа 1861 г. оставила сотни тысяч крестьян на крошечных земельных наделах, что вынуждало многих из них искать заработки в городах, на фабриках.

В конце 1866 г. «Костромские губернские ведомости» сообщали: «28 декабря в час пополудни состоится торжественное богослужение по случаю открытия фабрики механического льнопрядения и ткачества товарищества «Новой (Большой) Костромской мануфактуры», основанной с разрешения властей московскими купцами — братьями П.М. и С.М.Третьяковыми, В.Д.Коншиным и костромским купцом К.Я.Кашиным». Последний стал управляющим фабрикой, которая по его имени в Костроме часто называлась «кашинской». Выбор управляющего был очень удачным: К.Я.Кашин к этому времени имел уже большой опыт ведения дел в льнопрядильнях, работал у Брюханова, Зотова и Михиной. На фабрике «Новой Костромской льняной мануфактуры» он проработал до самой своей смерти в 1880 г. При нем дело набрало обороты, а после его смерти директором-распорядителем на фабрике стал его сын, Николай Константинович.

Несколько слов стоит сказать об истории развития льнопрядения в Костромской губернии. Дешевый и имевшийся в избытке лен давно манил сюда предпринимателей. Дешевы в этих местах были также и топливо, и стройматериалы. Кроме того, имелось механическое заведение, на котором можно было получить если не сами машины, то все чугунные отливки к ним без перевозки из чужих краев⁶.

Застрельщиком дела в крае был нерехтский полотняный фабрикант А.В.Брюханов. Были и до него попытки, но все они заканчивались неудачей. Брюханов вместе с Зотовым основал в Костроме льнопрядильную фабрику на 1500 веретен. Они обошлись без иностранного директора, взяли только мастера, причем русского. Удачный опыт устройства первых 1500 веретен Брюханова в 60-е годы XIX в. побудил и других капиталистов поставить 19 тысяч веретен почти в одном месте. На берегу реки Костромы образовался целый фабричный район.

28 декабря 1866 года к имевшимся уже фабрикам присоединилась еще одна — товарищества «Новой Костромской льняной мануфактуры». Хотя факт открытия фабрики и не был единичен, но открытие каждой было значительным событием для небольшого города. В этот день необычное оживление царило на тихих улочках Костромы. Многолюдные толпы, вереницы извозчичьих пролеток, экипажи знатных особ двигались за город, на заснеженный берег реки Костромы. Все 49 костромских церквей звонили в честь этого события. Но кто мог предположить тогда, что в строй вступает будущий гигант текстильной промышленности — крупнейшая в мире льнопрядильня?

Предприятие интенсивно развивалось. С 1866 по 1880 г. количество веретен возросло до 13788, а к 1890 году превысило 52,2 тысячи. По числу веретен оно уже превосходит льнопрядильные фабрики Швеции, Голландии и Дании вместе взятые.

Начав с 32500 пудов пряжи в год при непрерывной работе в 24 часа, прядильня к началу века производила до 300 тыс. пудов пряжи при 10,5 часовой работе.

Развивалось и ткацкое отделение. Сначала здесь было 22 механических станка, а к концу века уже 868⁷, которые вырабатывали 6,8 млн. метров льняных тканей в год.

Общая стоимость выпускаемой продукции составляла почти 4 млн. рублей. Мануфактура имела главный склад в Москве (и магазин на Ильинке) и отделения: в С.-Петербурге, Харькове, на Нижегородской ярмарке, в Варшаве и Ростове-на-Дону. Изделия сбывались в Москву, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую губернии. Пользовались спросом они и за границей. Об этом свидетельствуют «Гран-при» на Всемирных выставках в Париже (1900 г.) и в Турине (1911 г.).

Ассортимент товаров говорит сам за себя. Фабрика выпускала от 4 до 160 английских номеров! Ткани для носильного белья, фасонные ткани, холст для халатов и фартуков, другие полотняные товары, а также холст для армии, и парусину и брезенты. Одной из первых в России фабрика «Новой Костромской льняной мануфактуры» начала производить холст для картин.

Сначала дело было организовано в форме паевого товарищества — очень популярная форма организации производства в пореформенное время. Позже, уже после смерти П.М.Третьякова, в 1904 г. паевое товарищество было преобразовано в акционерное общество.

Основной капитал товарищества (составлявший в 1891 г. 1 млн. 200 тыс. рублей) был разделен на паи — по 5 тыс. каждый. К каждому паю прилагался лист купонов на получение дивиденда в течение 10 лет. По истечении их владельцам паев выдавались купоны на следующие 10 лет.

Самыми влиятельными пайщиками товарищества являлись братья Третьяковы, причем Сергей Михайлович был состоятельнее брата. В одном из писем к И.Н.Крамскому Павел Михайлович заметил: «Кстати, о моих средствах. Не говоря о фон Мекках и Дервизах, в Москве многие богаче моего брата, а мои средства в 6 раз меньше, чем у брата, но я никому не завидую». Это вынуждало П.М.Третьякова быть предельно экономным, и даже сократить свои личные расходы и средства, предназначавшиеся на содержание дочерей. А вот строчки из письма к жене (1892 г.): «Я трачу на картины, тут цель серьезная, может, она исполняется недостаточно умело, это другое дело, да к тому же деньги идут к трудящимся художникам, которых жизнь не особенно балует...

Но когда тратится ненужным образом хотя бы рубль — это мне досадно и раздражает меня». (А.П.Боткина, указ. соч., с.236). К расточительству он относил, например, покупку загородного имения.

Как же была организована работа на фабрике «Новой Костромской льняной мануфактуры»?

Управление делами товарищества принадлежало Правлению, находившемуся в Костроме. Правление состояло из четырех директоров, избиравшихся общим собранием владельцев паев из среды пайщиков на 3 года. Директорами могли быть только лица, имевшие не менее пяти паев. Правление собиралось не реже 1 раза в месяц и осуществляло полный контроль над производством, распоряжалось всеми делами и капиталами общества.

В примечании к п.1 Устава Товарищества подчеркивалось, что пан товарищества принадлежат исключительно русским подданным. Решение это было в общем русле славянофильства русского купечества и связано со стремлением утвердить русский капитал в ведущих отраслях экономики⁸.

Товарищество, по Уставу, имело право «приобретать в собственность, а равно устраивать вновь или арендовать соответствующие цели товарищества промышленные заведения, а также земельные угодья, количество которых не должно было превышать 200 десятин.⁹

Итак, к концу 80-х годов по берегу Костромы выстроился ряд фабрик-льнопрядилен. Сейчас в это трудно поверить, но фабричная застройка формировала когда-то силуэт города (довольно привлекательный!) со стороны реки Костромы. Большое внимание уделялось планировке фабричного двора, разнообразию архитектурных форм, декору.

Фабрика «Новой Костромской льняной мануфактуры» помещалась в двух каменных корпусах, крытых железом и освещаемых газом. Льнопрядильный корпус занимал три полных этажа. Ткацкий корпус представлял собой двухэтажное здание с одноэтажным крылом и пристройкой.

Необходимая для льняного производства вода бралась из реки, для ткацкой и белилки — из пруда. Льнопрядильня приводилась в движение двумя паровыми машинами среднего давления в 80 и 100 лош. сил (с 8 паровыми котлами), в ткацкой была 1 паровая машина в 25 лош. сил с 2 котлами.

Рядом с фабричными помещениями со временем вырос целый фабричный городок:

благоустроенные общежития для рабочих («Дом труда» или «сборные»), кстати, выполняющие свою роль и поныне; общежитие для служащих, баня, больница, аптека, родильный приют, ясли, училище для детей рабочих и служащих. Все эти услуги были бесплатными.

Благодаря поддержке товарищества при фабрике с 1898 г. действовало общество потребителей, где каждый рабочий и служащий мог приобрести все необходимое. Специально выстроенный магазин имел 3 этажа: два нижних торговали продовольствием (нижний — мясом, средний - бакалеей), верхний — промышленными товарами.

Правление заботилось о нуждах рабочих прежде всего из-за жесткой конкуренции. Купцы переманивали рабочих, создавая лучшие условия труда и быта. Например, потребительское общество при «Новой Костромской льняной мануфактуре» было создано в тот момент, когда фабрика оказалась перед лицом угрозы утечки рабочей силы: некоторые соседи-фабриканты уже открыли у себя такие общества.

Управляющий фабрикой Н.К. Кашин пишет в 1896 г. П.М. Третьякову: «Я всегда был против своего лабаза, а также потребительского общества, которое во всяком случае дало бы мне лишнюю работу и отняло бы у меня время. Но теперь придется обязательно сделать это, причем провести это дело как можно энергичнее. Придется употребить все от нас зависящее, чтобы удержать свой народ от перехода к Сидорову и Курочкину.»

За 10 лет прибыль потребительского общества возросла с 179318 руб. в 1898 г. до 535934 в 1907 году¹⁰.

Позже к этому прибавилась торговля галантерейными изделиями, обувью, посудой, тканями. Было открыто отделение за Волгой. Открыта чайная лавка при обществе. Кроме того, существовало что-то вроде клуба. Таким образом, удовлетворялись не только материальные, но и духовные запросы рабочих и служащих.

Все это привлекало на фабрику рабочих. Производство расширялось. Если при открытии в 1866 г. на фабрике было занято 748 человек, то в 1882 г. — 1800 чел. (из них: мужчин — 600, женщин — 600, подростков того и другого пола 12-18 лет — по 300 чел.). А в 1912 г. на фабрике работало уже более 6 тыс. человек.

Плата рабочим, месячная и сдельная, составляла: мужчинам — 8-22 руб, женщинам — 7-18 руб, подросткам — 4-12 руб.

Работа посменная: 2 смены по 9 часов. Первая смена начинала работу в 4 утра и заканчивала в 1 час дня, вторая работала с 1 часа дня до 10 часов вечера. Рабочих дней в году было 280: кроме воскресений, общих и местных праздников, работы прерывались от половины Страстной недели до среды или четверга Фоминой (на Пасху), на три дня Рождества и на два дня Сырной недели.

Часть рабочих — жители Костромы и ближайших селений, часть — крестьяне соседних уездов и Вологодской губернии. Постоянные рабочие жили, конечно, в лучших условиях: обустраивались, заводили даже подобие своих «доходных домов», квартиры в которых сдавались всем желающим. Таким образом решался отчасти квартирный вопрос для временных рабочих.

Но в целом эта последняя категория работающих на фабрике (не только этой, но и всех остальных) жила в значительно худших условиях. Они снимали квартиры в ближайших частях города. Спали на нарах. Холостые за квартиру (с приварком) платили обыкновенно 1 руб., семья — 3-5 рублей в месяц. Помещения в большинстве случаев были тесные и душные. Нередко в комнате, имеющей 8 аршин в длину и ширину, жило по 3-4 семьи. Они занимали углы и отделялись друг от друга холщевыми занавесками или развешенным платьем.

Павел Михайлович Третьяков, человек очень совестливый, чувствовал свою нравственную ответственность перед трудовым людом. В одном из писем он отмечал: «Имею ли я право быть тароватым? Деньги, какие я трачу, — не мои. Это деньги рабочих фабрики Третьяковых. Галерею создал не я, а они. Я — только доверенный их. И наживаю я деньги для того, чтобы нажитое от общества вернуть народу. В виде полезных учреждений».

Третьяковская галерея — не единственное детище Почетного гражданина Москвы¹¹ Павла Третьякова. По его завещанию большая часть средств предназначалась на благотворительные цели. Городская управа получала 885 тыс. рублей. В эту сумму входило: 200 тыс. для Арнольдовского

училища глухонемых¹², 100 тыс. для ремонта галереи, 125 тыс. для приобретения художественных произведений, 150 тыс. для дома бесплатных квартир вдов и сирот художников. Пять учреждений получили по 15 тысяч рублей: Московский Императорский университет, Московская Императорская консерватория, Московское и Александровское коммерческие училища, Московское мещанское училище. На строительство мужского и женского приютов Московскому купеческому обществу переходило 400 рублей. Кроме того, он пожелал оставить часть капитала всем служащим и рабочим фабрики (более чем 4,5 тыс. человек)¹³.

«Вечно трудовая жизнь, почти без отдыха, т.к. все будни он поглощен был своими громадными торговыми делами, а праздники отдавал любимому искусству, находя еще, кроме того, время и для благотворительности, которая у него тоже не ограничивалась простым бросанием денег куда попало, а соединялась с деятельным участием его в избранной им области, и, наконец, неутомимые занятия, вплоть до самой смерти, своим самообразованием — все это до того расстроило его здоровье, что когда он умер, то вскрытие показало изумительное перерасходование всех его внутренних сил», — пишет А.П.Новицкий¹⁴.

П. М. Третьяков был похоронен в Москве на кладбище Донского монастыря, а позднее его прах был перенесен на Новодевичье кладбище.

С завещанием же Павла Михайловича Третьякова вышло досадное недоразумение. О нем пишет в своих воспоминаниях Е.К.Дмитриева, дочь одного из душеприказчиков Третьякова — К. В. Рукавишников. В завещании была обнаружена юридическая ошибка, и на этом основании оно было признано недействительным. Подписавшиеся в нем свидетели г.г. Гуняев, Кормилицин и Шныгин состояли в числе тех лиц, которым был отказан капитал, принадлежавший Третьякову в торговом деле под фирмой «П. и С. братья Третьяковы и В.Коншин», между тем как по ст. 1054 № 1 свидетелями при завещании не должны быть лица, в пользу коих таковое составляется¹⁵.

Ошибка вышла потому, что завещание писалось дома — видимо, Павел Михайлович не хотел огласки, поэтому и не пригласил нотариуса. Из-за этой роковой ошибки наследство должно было пойти «по пути закона». А это означало, что оно будет разделено между наследниками, причем большую его часть получит единственный сын Павла Михайловича — нервнобольной Михаил, жена и дочери — по седьмой и четырнадцатой части.

Все просьбы, в том числе и к московскому генерал-губернатору, остались без ответа. Тогда было подано прошение на высочайшее имя, а К.В.Рукавишников поехал в Петербург хлопотать по этому делу. Он добился приема у государя. Николай II заинтересовался историей завещания П.М.Третьякова и ошибкой в нем.

Рукавишников смело заявил, что не исполнить волю Павла Михайловича было бы кощунством, ведь цели завещания большей частью благотворительные. Пожертвовав еще при жизни городу Москве свою знаменитую художественную галерею, составлявшую предмет его постоянных забот, Павел Михайлович своим завещанием хотел довершить это дело и, составляя завещание, высказал прежде всего то же попечение о русском искусстве и русских художниках. Нигде в мире нет подобного Третьяковской галерее, невозможно ей отказывать в средствах. Государь внимательно слушал, и в итоге правда восторжествовала. Воля Павла Михайловича была исполнена.

Стоимость самой галереи хотя и зафиксирована в цифрах (2222029 руб.), но в какую сумму оценить сегодня шедевр, к примеру, Левитана или Шишкина? Коллекция не имеет цены. Примечательно и то, что создана она на средства частного лица, тогда как во всем мире это заведения правительственные.

В заключение — несколько слов о развитии фабрики «Новой Костромской льняной мануфактуры» после смерти П.М.Третьякова.

В это время производство вступает в новую фазу. Если первый период существования фабрики характеризуется более энергичным развитием прядильни по сравнению с медленным развитием ткацкой, то следующий период (с 90-х годов XIX в.) связан в основном с развитием ткацкой.

Прядильная в это время, благодаря директору-распорядителю Н.К.Кашину и директору прядильной Н.Ф.Кудрявцеву, прослужившим совместно с 1880 по 1905 год, достигла колоссальных размеров для льняного дела и стала одной из крупнейших в Европе и мире по числу веретен. Однако ряд

новых прядилен, возникших в центрах, смежных с Костромой, а также увеличившийся спрос на льняные ткани и возросшие запросы военного ведомства побудили к развитию ткацкого дела.

Когда в дело вошли внучатый племянник Павла Михайловича С.Н.Третьяков, и его зять В.А. Шевалдышев (1905 г.), они расширили ткацкое отделение. В этот период оно увеличилось более чем в 30 раз. К 1915 году фабрика имела 800 станков, вырабатывавших до 9 млн. аршин разных тканей. По мере роста ткацкого дела развивались и другие отделы: белильня, красильня и брезентопропиточная мастерская. На предприятии имелось 11 паровых машин, 3 дизеля и 2 нефтяных двигателя общей мощностью 4182 лошадиных сил.

Вступление России в мировую войну предъявило промышленности еще больший спрос на ткани. Количество рабочих увеличилось с 1913 по 1917 г. более чем на 1000 человек и достигло 7 тысяч. Росли и прибыли: если в 1914 году, до начала войны, прибыли фабрикантов составляли 900 тыс. руб., то в 1916 году они достигли без малого 4 млн. руб., т.е. увеличились более чем в 4 раза.

После революции предприятие было национализировано. Теперь это льнокомбинат им. Ленина*, хотя справедливее было бы, наверное, дать ему имя Третьякова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. — М., Наука. — 1989. — С.30.

² В 1860 г. в Москве был основан торговый дом «П. и С. братья Третьяковы и В.Коншин». Последнего, приказчика в доме Третьяковых, очень уважал Михаил Захарович, он и предложил его в компаньоны братьям. Он хотел также брака Коншина с сестрой Павла и Сергея, Елизаветой. Свадьба состоялась в 1851 г., по этому случаю купили дом в Лаврушинском переулке («в Толмачах»), который и стал потом всемирно известной Третьяковской галереей.

³ Его коллекция включала работы Перова, Федотова, Брюллова, Айвазовского. После его смерти разделена наследниками.

⁴ После его смерти в 1867 г. коллекция передана в дар Румянцевскому музею, а в советское время (1925 г.) присоединена к ГТГ.

⁵ Боткина А.П. П.М.Третьяков в жизни и искусстве. — М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 1951.

⁶ Сторожев И.Н. История Московского купеческого общества. — М.: Б.и., 1912.

⁷ Механические ткацкие станки Платта 1880 г. работали на фабрике вплоть до 70-х годов нашего века, что характеризует прежде всего темпы модернизации производства в наше время.

* С 1992 года акционерное общество «Большая Костромская льняная мануфактура» (прим. редакции).

⁸ Павел Михайлович был славянофилом и на «теоретическом», и на бытовом уровне. Например, он не одобрял стремления дочерей иметь иностранные вещи. «Можно желать иностранную вещь, совсем у нас не производимую, но когда сотни тысяч богатых людей ездят в русских экипажах, и когда даже такие виртуозы, как Рубинштейн, играют на русских инструментах, то одинаково неразумно иметь как парижские кареты, так и американские инструменты», — писал он дочери Саше в 1893 г.

⁹ Устав Товарищества «Новой Костромской льняной мануфактуры». — М., 1891.

¹⁰ Отчеты потребительского общества с 1898 по 1907 гг.

¹¹ Это звание было присвоено П.М.Третьякову в 1892 г.

¹² Для училища, носящего имя его основателя, учителя математики Арнольда, П.М. Третьяков построил трехэтажное здание на Донской улице в Москве, сам принимал в нем экзамены. Членом Попечительского Совета была его жена, В.Н. Третьякова (из рода Мамонтовых).

¹³ ЦГИА, ф.16, оп.198, д. 170.

¹⁴ Новицкий А.П. Городская галерея Третьяковых. — М., 1905. — С.4.

¹⁵ Из письма к московскому генерал-губернатору.//ЦГИА, ф.16, оп.198, д.170.

III. ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КРАЯ

Л.М. Белоруссов

ИСТОРИИ СВИДЕТЕЛЬ

«Истории свидетель» — эти слова с полным основанием могут быть отнесены не только к публикуемому материалу, но и к самому их автору.

Лев Михайлович Белоруссов (1890-1984) был неутомимым краеведом и патриотом Солигалича. Без устали, по крупицам, почти до последних дней большой своей жизни он воссоздавал историю родного края, щедро делился знаниями с земляками, просто с любознательными людьми, неравнодушными к истории Отечества.

Его небольшой домик на самом берегу реки Костромы притягивал к себе самых разных людей. И в рассказах Льва Михайловича буквально каждый солигаличский дом, каждый уголок солигаличской земли оживали своей причастностью к большим и совсем маленьким событиям, к судьбам людей, связанных с ними.

Очерк «Истории свидетель» впервые был опубликован в костромской областной газете «Молодой ленинец» (11.01.79), но тогда многие подробности из рассказа краеведа были опущены. А эти детали, воспроизведенные настоящим исследователем и внимательным очевидцем разных событий, представляют немалый интерес.

Предлагаем к печати полный текст очерка Л.М.Белоруссова «Истории свидетель».

В Солигаличе, на углу улиц Коммунистической и им. В.Вакуровой, против здания леспромхоза, стоит дом, который по своим архитектурным особенностям отличается от прочих домов города. Это легко заметит и неискушенный в вопросах архитектуры человек, если несколько задержится около него и окинет внимательным взглядом фасад дома. В недавнем прошлом, еще на нашей памяти, дом имел просторный балкон, опиравшийся на колонны, который потом за ветхостью убрали. Этому дому более полутора веков. Свидетелем жизни нескольких поколений он был, много видел и слышал на своем веку, о многом мог бы поведать...

В прошлом веке дом стоял в усадьбе Выленкино, расположенной на высоком открытом берегу реки Костромы, по дороге от усадьбы Катково в деревню Починок, как раз против Выленкинского брода. Очень близко от Выленкина находились другие усадьбы: Катково, Прокино, Жилино, Мизинцево. Обладая зычным голосом, можно было, пожалуй, с балкона одной усадьбы перекликаться с другой, что и встречалось в помещичьей жизни.

Помещики — солигаличские дворяне в большинстве своем в прошлом веке были мелкопоместными, часто обедневшими потомками богатых и родовитых предков, владели небольшим количеством крепостных. Они не располагали средствами, чтобы строить себе в усадьбах каменные дома. Это доступно было только богатым помещикам, крупнопоместным. Такие каменные дома были, например, у Черевиных в усадьбе Нероново, у Дурново в усадьбе Долгое Поле (последним владельцем ее был Купреянов), у Лермонтовых в усадьбе Маслятино, рядом с деревней Холопово, где комнаты дома были даже расписаны фресками.

По мнению искусствоведов, дом, стоявший в Выленкине, интересен и в том отношении, что он является образцом тех усадебных деревянных домов, при постройке которых в какой-то мере применялись формы и украшения каменных зданий.

От города Выленкино было в трех километрах, и принадлежала усадьба древнему роду дворян

Мичуриных. В Солигаличском уезде в отдаленном прошлом его представители занимали видные административные должности. В первой половине минувшего века усадьбой Выленкино владели братья Валентин и Валерьян Мичурины, оба военные.

Старший из них, Валентин Макарович, еще под Аустерлицем, где сражался в чине поручика, получил первое ранение. А в Бородинском сражении, будучи уже капитаном старой гвардии, он, при взятии французской батареи, был тяжело ранен в правую ногу. Долго болел, лечился и после неудачной операции, сделанной в Чухломе, умер в 1825 году в чине полковника.

Второй брат, Валерьян Макарович, был десятью годами моложе. Он обучался в первом кадетском корпусе вместе с К.Ф.Рылеевым, был с ним дружен, и будущий декабрист написал в альбом Мичурина четверостишие (этот ценный автограф затерялся потом у родственников Мичуриных). Валерьян закончил кадетский корпус в 1812 году и был назначен в конную артиллерию. Выйдя в отставку, оба брата жили в своей солигаличской усадьбе.

В культурном отношении братья Мичурины стояли выше многих окружающих помещиков. У них был интерес к книге, была неплохая библиотека. Еще и сейчас в Солигаличе хранятся книги, на титульном листе которых размашистым почерком написано: «Из книг Валериана Мичурина». Это небольшого формата книги в типичном кожаном переплете, издававшиеся в XVIII веке русским просветителем Н.И.Новиковым, такие как «Дух законов» Монтескье, «Экономический магазин», номера журнала «Современник», основанного Пушкиным, экземпляры первого посмертного издания сочинений А.С.Пушкина (1838 г.), переводные французские романы и др. Такая библиотека была нечастым явлением в кругу солигаличских дворян. В это время среди них живы были свои Простаковы и Скотинины. Нужно добавить, что некоторые мичуринские книги дошли до нас от солигаличского книголюба М.В.Серебрякова, умершего в 20-х годах. Он же подарил краеведческому музею и тетрадь со стихами местного поэта Мачехина.

Со своими крепостными Мичурины, по-видимому, жили мирно. По крайней мере, ни из архивных материалов, ни из устных преданий до нас не дошло недоброй славы о них, в отличие от некоторых других помещиков.

В усадьбе был свой домашний театр, хор и музыканты. Актеры, певцы и музыканты были из своих же крепостных, они в будни наравне с другими выполняли работы по сельскому хозяйству. Поэтому их выступления на праздниках и вечерах не отличались высокой выучкой и мастерством.

Выленкино славилось хлебосольством. В храмовые праздники, в именины здесь, в залах этого дома, устраивались званые обеды и вечера, на которые съезжалась вся округа, иногда человек до шестидесяти. Гости рассаживались в определенном порядке, и им носили блюда «по чинам». Половину стола занимали гости почтеннейшие: предводитель дворянства, судья, городничий и самые «великодушные» помещики, обладавшие значительным количеством крепостных душ. Другая половина стола предоставлялась разной мелкоте: заседателям, секретарям, протоколистам, письмоводителям и помещикам «малодушным». На первую половину стола подавали заграничные вина: лафит, бургундское, шампанское; другую половину стола угощали водкой и винами местного производства («деригорловкой»).

Одно время заграничные вина покупались в соседней Чухломе у купцов Симановских и Курочкиных. Эти вина закупались в Англии и Голландии и привозились через Архангельск. Лучшие шампанские вина Костромская и соседние губернии получали только из Чухломы. В связи с этим упомянем об одном случае, рассказанном бытописателем Чухломского уезда Н.П.Макаровым. Чухломские помещики-самодуры решили выпить лучшее шампанское, чтобы оставить без него всю губернию. Пили целую неделю и выпили все до одной бутылки. Так Костромская губерния до получения нового транспорта из Архангельска оказалась без шампанского. Сам Валерьян Макарович не любил ни вина, ни водки. Он не пил ни чаю, ни кофе. Его основным и единственным питьем был квас.

В доме Мичуриных в числе обычных посетителей бывал один белокурый, худощавый, скромный и очень застенчивый юноша. Сидел он всегда на самом кончике стула, шевелил руками, больше молчал, явно чувствуя себя не в своей среде (он был из купцов). Но юноша оживлялся и вступал в разговор, когда речь заходила о хозяйственных вопросах, особенно злободневных, обнаруживая при этом, хотя и не было у него никакого образования, много ума, такта и особой русской сметливости. Это был Вася Кокорев, управляющий солеваренным заводом своего дяди, а впоследствии — миллионер, откупщик, строитель железных дорог, один из учредителей Волжско-Камского банка, крупнейшего

капиталистического предприятия, основатель Солигаличского санатория (1842 г.). В.А.Кокорев до отъезда из Солигалича жил в маленьком домике, который стоял на том месте, где сейчас здание райкома (Кстати, это здание построено земской управой в 1896 году).

Нередко на усадебных балах был молодой племянник Мичуриных — Н.П.Макаров (мы его уже называли), сын чухломского исправника, в молодости служивший в гвардии. Впоследствии Н. П.Макаров стал известен как лексикограф — составитель словарей — и гитарист. На гитаре он играл превосходно, с ней он выступал за границей и написал для нее много композиций. Как писатель, Н.П.Макаров (он написал несколько произведений) не имел успеха и забыт.

Была среди гостей в Выленкине и Маша Невельская, сестра адмирала Г.И.Невельского. Как пишет Н.П.Макаров в своих воспоминаниях, она тогда была замужем за солигаличским почтмейстером Купреяновым.

Неотъемлемой частью и больших балов, и скромных вечеринок в Выленкине, как и во всех тогдашних усадьбах, были танцы. Особенно ждала их молодежь. Под звуки вальса и котильона танцующие легко скользили по паркету. Особенно в большом почете среди военных была бурная и стремительная мазурка. В отдаленных провинциальных усадьбах она еще сохраняла свои характерные особенности.

Помещики видели в столицах, их пригородах, в имениях вельмож роскошные парки, сады с фонтанами, где были пруды, каналы с островками на них. Что-то похожее, сообразуясь с силами и средствами, они стремились создать и в своих провинциальных усадьбах. Выленкино тоже не отставало. Здесь, на правом берегу реки Костромы, немного пониже брода, были прорыты небольшие каналы, соединенные с рекой Костромой и образующие островки с беседками и дорожками. Сейчас все это заросло, заболотилось. Тракторы, работающие во время сплава, завершили одичание ландшафта. Но человек любознательный и теперь еще может увидеть здесь следы бывшего и убедиться, что это не природное образование, а дело рук человека. Сказанное подтвердит тот хорошо сохранившийся островок, окруженный с трех сторон уже заболоченными канальчиками, а с четвертой — рекой Костромой, который находится на левом берегу реки, чуть повыше брода, рядом с остатками сада бывшей усадьбы Жилино (заречные жители любовно называют его «кара-вашком»). Но это уже земля жилинских помещиков Дурново. Кстати, представители этой фамилии служили преимущественно на флоте, и солигаличские два брата Дурново участвовали в обороне Севастополя (1853-1856 гг.), впоследствии один из них был убит, другой — ранен. Праздники в Выленкине в летнее время обычно заканчивались катанием на лодках по реке и по тем маленьким каналам, которые еще сохранились. Воскресенская запруда высоко держала воду. Бенгальские огни (фейерверки) причудливо освещали местность. Слышались, перемежаясь, звуки музыки и пение хора. Крепостные музыканты и певчие были тут же.

После отмены крепостного права дворянство, лишённое дарового крестьянского труда и выбитое из колеи привычной жизни, оскудевает, разоряется. Закладываются, продаются усадьбы. Некоторые дворяне уезжают в города. Кто мог — служил там. На смену шел новый хозяин жизни — купец-предприниматель.

Такая участь постигла и усадьбу Выленкино. Она была продана, усадебный дом перевезли в Солигалич и поставили на том месте, где он и сейчас стоит. В конце минувшего века им владел дворянин Карталинский (судя по фамилии, выходец с Кавказа). У нас дворяне предпочитали обосновываться в городе на Крестовоздвиженской улице, поэтому она и получила название Дворянской. Теперь это Коммунистическая улица. Карталинские были дворяне небогатые, глава семьи служил в земской управе. Жизнь Карталинских текла скромно, не лучше верхушки городского чиновничества.

У Карталинских была лошадь: не рысак (рысаки в то время стали уже появляться у купцов, например, у лесопромышленников Собенниковых), а старенький конь, который мог только потихоньку трусить. Можно было видеть, как он летом в праздники на долгоше (экипаж на длинном ходу) вез старую барыню Карталинскую в собор на обедню. Дряхлая старушка была в капоре, пожилой кучер в старомодном картузе с лакированным козырьком, ссутулившись, неподвижно сидел на козлах. Все это как бы символизировало прошлое, неизбежно уходящее из жизни.

В начале этого века дом у Карталинских купил богатый помещик М.Н.Текутьев и жил в нем до самой революции. У него на Тутке было 3270 десятин земли, преимущественно под лесом. Купленный дом был отделан, комнаты обставлены в дворянском вкусе. По образованию М.Н.Текутьев — филолог,

по службе — предводитель уездного солигаличского дворянства. Эта должность была выборной и считалась почетной.

В первую империалистическую войну М.Н.Текутьев принял в свой дом на полное содержание и лечение несколько раненых воинов. Этот маленький госпиталь находился на нижнем этаже. В своем большом доме почти все время М.Н.Текутьев жил один. Тихо было в доме, не так, как в Выленкине. Избранные гости были нечасты. С ними за картами хозяин иногда засиживался до глубокой ночи. Играли в преферанс и винт.

После Октябрьской революции дом Текутьева был национализирован. В нем начинается новая жизнь, совершенно иная, чем за все предыдущее время. Появляются здесь и новые люди.

26 сентября 1918 года политпросветотделом военкомата здесь организуется социалистический красноармейский клуб III Интернационала.

В Солигаличе в гражданскую войну стояла караульная рота красноармейцев, и размещалась она в здании, которое сейчас находится рядом с аэродромом. В роте было более двухсот красноармейцев. В военкомате со всеми его отделами работало около ста человек.

Клуб занял одну половину верха (сейчас окна его выходят на Коммунистическую улицу), во второй — разместился уездный комитет РКП(б), внизу под ним — политпросветотдел уездного отдела народного образования. Сразу же клуб становится центром политической и культурно-просветительной работы в городе, в первую очередь — среди красноармейцев. В этом отношении работа клуба смыкалась с задачами политпросветотдела УОНО, и протекала она под руководством УКОМа партии. Возглавляло клуб правление, в состав которого вошел тогда энергичный общественник И.В.Шумский — инициатор создания местного музея и один из его организаторов. Первым заведующим клуба был А.М.Киселев, скромный, тактичный, увлекшийся порученным ему делом и сумевший привлечь для работы в клубе лучшие силы города. Здесь были организованы кружки: драматический, рисования, струнный, переплетный, три музыкальные класса (рояль), где вели занятия Е. П.Перебокина, К.С.Суворова, П.Д.Кудряшова. Музыка обучались не только дети, но и взрослые. Читались доклады, лекции, проводились беседы-чтения и литературно-художественные вечера на разнообразные темы — о творчестве Некрасова, Блока, о Кропоткине, пролетарской поэзии и др. С этой тематикой выступали: И.В.Шумский, И.А.Румянцев, М. П. Архангельский, С. А. Либкин, И.В.Басманов, К.В.Абрамов, Н.А.Батуев и пишущий эти строки. Но преобладали доклады, как тогда говорили, по текущему моменту (на общественно-политические темы). И это понятно. Уже полыхало пламя гражданской войны. События развертывались стремительно, каждый день нес новое. Нужно было ознакомить население со всем происходящим. А как? Тогда радиопередач не было. Газеты шли в ограниченном количестве и только для учреждений, своей местной регулярной газеты не было. Доклады по текущему моменту отчасти заменяли их. Чаше других с такими докладами на политические темы выступали в клубе (до и вообще в уезде) коммунисты Н.Е.Егоров (секретарь укома), А.П.Староторжский (военком) и Н.А.Смирнов (помвоенкома). Они пользовались заслуженным авторитетом у населения.

Николай Егорович Егоров, слесарь Путиловского завода, приехал в Солигалич в начале 1918 года по путевке партии. Он партиец с 1895 года, член общества старых большевиков. Революционная работа его протекала преимущественно на юге. Высокий, худощавый, уже с проседью, с прической, как тогда говорили, «под ерша», он был прост, общителен, порой снисходителен, но в нужный момент принципиален и тверд. Делая доклады, Николай Егорович говорил убежденно, ровным и уверенным тоном. Он умел оживлять свою речь умной шуткой, мудрой пословицей и метким словом. В голосе его и тогда уже слышалась некоторая хрипотца — признак тяжелой болезни (рак горла), которая и свела его в могилу в 1925 году. Как-то так получалось, что обычно после доклада Николая Егоровича часть слушателей, преимущественно молодежь, задерживалась в проходной комнате, ведущей на балкон. Завязывалась непринужденная беседа, умело руководимая. Подходили другие посетители клуба. В летние вечера шла беседа и на балконе. Николай Егорович рассказывал много интересного, поучительного. Чувствовался в его словах большой жизненный опыт, знание людей многолетняя подпольная работа. Он рассказывал о своей революционной работе в Баку вместе с Л.Б.Красиным, А. С.Енукидзе, С.Я.Аллилуевым, о встречах с М.И.Калининым, о поездке с группой рабочих в Ясную Поляну к Л.Н.Толстому. Иногда беседы продолжались часа два.

Александр Павлович Староторжский и Николай Аполлонович Смирнов, молодые, почти одного возраста, были фронтовиками первой мировой войны. Оба ходили в кожаных пиджаках, первый — в

темно-коричневом, второй — в черном. Тогда это было в моде среди партийцев, особенно молодых. Делая доклады, Староторжский иногда то понижал голос почти до шепота, то поднимал его до высоких громких тонов. И это, вместе с плавными мягкими жестами, делало речь его более выразительной. Во время последней войны он был председателем Калининского облисполкома и организатором партизанского движения в тылу врага.

Общественно-политическая деятельность Н.А.Смирнова (р. 1891 г.) была тесно связана с ротой, клубом. Невысокого роста, худенький, с черными живыми глазами, он был темпераментен и выступал горячо, с подъемом. По его инициативе организовали перевозку картин из усадьбы Черевиных Нероново в Солигалич и устроили здесь их выставку.

Хотя клуб считался красноармейским, но двери его были широко открыты для всех трудящихся. Клуб посещали наряду с красноармейцами служащие (их тогда много было), рабочие и учащиеся старших классов школы II ступени. Во время лекций, докладов, постановок зал был полон. Порядок образцовый. Все посетители клуба обязаны при входе в зал снимать верхнюю одежду.

Красноармейцы, свободные от нарядов и командировок, иногда приходили на собрания, лекции строем, с песнями. Допевали старые песни, оставшиеся от первой мировой войны, такие, например, как «Соловей, соловей-пташечка, канареечка жалобно поет...». Но начинали петь и новые, советские. Особенно популярной была песня на стихи Д.Бедного «Как родная меня мать провожала...». В прихожей клуба красноармейцы раздевались, прихорашивались. Тут же рядом на стене были большие плакаты «Окна РОСТА», агитирующие за победу Красной Армии и разоблачающие белогвардейцев и интервентов.

Шли в зал, где все для красноармейцев на первых порах было ново, необычно. Осторожно они ступали по паркетному полу, как-то неловко садились на парчовые стулья в белых чехлах, с удивлением рассматривали зеркальные стены и свое отражение в них. С потолка свисали тяжелые люстры, столы покрывали бархатные скатерти, у окон стоял изящный стеклянный шкафчик с дорогими статуэтками (он сейчас в музее). Привлекал внимание большой фарфоровый раскрашенный петух, который, как живой, стоял на столике при входе в зал, задорно поднявши голову.

Приходил в клуб со своими красноармейцами командир 3-го взвода П.М.Ильин, бывший гвардеец старой армии, впоследствии председатель колхоза «Передовик», образцовый колхозный руководитель, награжденный значком «Отличник социалистического сельского хозяйства» в 1952 году и депутат областного Совета (1955 г.).

Весной 1919 года при клубе была открыта укомом РКП(б) вечерняя школа для ответственных работников. В ней читали лекции по политэкономии, обществоведению, психологии и по обзору текущих событий. Заведовал школой Н.Е.Егоров, лекторами были в основном учителя школы II ступени. Занятия шли в зале клуба (с перерывом летом) только в этом году. Можно сказать, что подобная школа была прообразом будущей совпартшколы.

Клуб имел свою библиотеку, основой которой послужила личная библиотека Текутьева. В его библиотеке много было книг на французском языке, потом переданных в музей. Заведовала библиотекой И.Н.Соснина.

С этим домом, занятым клубом, связано несколько важных событий того времени. Отсюда уходили на Восточный колчаковский фронт коммунисты уезда, мобилизованные на партийной конференции 25 апреля 1919 года, которая проходила в этом же здании. Мобилизованы были 37 членов партии.

От этого дома уезжали в 1921 году городские учителя на Совегу (Великовская волость) вводить продналог вместо продразверстки, который являлся первым актом новой экономической политики. На Совеге работали две недели 18 учителей, включая и местных. В их числе учитель-комсомолец Н.П.Маслов, впоследствии видный московский профессор-онколог.

Этот дом был местом, откуда отъезжала в волости со спектаклем небольшая красноармейская труппа, обычно во главе с Н.А.Смирновым. Чаше ездили в село Зашугомье и село Корцово, где были народные дома с оборудованной сценой. Один раз даже выступали в селах Чудцы и Демьяново (сейчас Буйского района), одновременно там производился и сбор теплых вещей для Красной Армии. Ядро труппы составляли красноармейцы П.М.Черепанов, Иона Коротаев, Андрей Орлов, Виктор Кузьмин, Иван Егоров во главе с платным режиссером А.А.Лукинским. Среди артистов выделялся П.Черепанов, живой, энергичный, способный красноармеец, облагающий сильным и гибким голосом. Он также лихо

мог «оттопать русского» под гармошку. Наибольшим успехом пользовалась пьеса «Через победу к миру» и красочная постановка из русской старины «Ванька-ключник». Перед спектаклем всегда ставились доклады. Однажды с труппой в село Корцово выезжал секретарь укома Н.Е.Егоров, здесь он делал доклад. Труппа выезжала в волости от имени красноармейского клуба, и красноармейцы там являлись желанными гостями. Тогда существовала гужповинность, и две-три подводы для выездов обычно выделялись клубу из деревень Гнездниково и Балыново. Артисты тряслись по ухабам на телегах, предпочитая, впрочем, большую часть пути идти пешком.

Суровые тогда были годы, голодные, и в самое трудное время клуб организовывал у себя внизу (рядом с балконом) небольшой буфет. Здесь можно было купить картофельные пирожки, иногда с капустой, выпить стакан-другой морковного чаю (цвет — как у настоящего крепкого чая) с двумя паточными монпансье. Роскошью было, если приехавший из дальних командировок красноармеец угостит раздобытым и привезенным им сахаринном.

Летом 1921 года, после окончания гражданской войны, роту расформировали, а в 1922 году прекратил существование и красноармейский клуб. Вместо него был организован партпрофклуб, который вел работу в том же направлении, что и предыдущий, но уже в меньшем объеме. Заведовал им первое время П.М.Черепанов. Нижний этаж этого здания заняли ЧОН и пионерская организация.

В 1926 году, по решению уисполкома, дом передается под родильное отделение местной больницы. Помещение переоборудуется соответственно его новому назначению. Убираются лишние и ненужные украшения, портреты, обстановка становится проще. Родильное отделение заняло верхний этаж, нижний — детская поликлиника.

...Давно-давно когда-то текла в этом доме привольная и широкая помещичья жизнь. Позднее, в годы гражданской войны, здесь слышались горячие речи, призывы, раздавались мощные звуки «Интернационала». Теперь здесь появляются на свет новые жители Солигалича и района, вот уже не одно поколение.

Сейчас место, где стояла усадьба Выленкино, распаханно совхозом «Северный». Остался от нее один только холмик (ближе к реке). Каждую весну на нем бурно цветет черемуха, очевидно, отпрыск еще усадебных черемух. Но ничей взор она не радуется, нет здесь ни прохожих, ни проезжих.

Публикация и предисловие В.К.Сморчкова

IV. ИСТОРИЯ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ

Д.Ф.Белоруков

КОСТРОМСКАЯ ВОТЧИНА А.И.ГЕРЦЕНА

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве хранится личный фонд Голохвастовых. Среди пожелтевших бумаг архива материалы о имущественном положении вотчин Голохвастовых, донесения бурмистров и распоряжения вотчинников и их родственников. Среди последних упоминаются и Яковлевы. А ниточка от Яковлевых ведет к великому русскому революционеру-демократу Александру Ивановичу Герцену.

Голохвастовы имели несколько вотчин в костромском крае — под Чухломой, Буюм и Парфеньевым. И эта, последняя, имеет отношение к Герцену — он называл ее Костромской.

В своих мемуарах «Былое и думы» Герцен неоднократно упоминает о вотчине, а в письмах из-за границы к управляющему просит благодарить крестьян вотчины и посылает им приветы.

Род Голохвастовых древний. Выходцы из Польши, они служили в России со времен Ивана Грозного, но среди них не было выдающихся государственных деятелей. Не миновал гнев грозного царя одного из Голохвастовых, Никиты Казариновича, воеводы г. Михайловского, которого за сдачу города заточили в монастырь, а потом казнили, взорвав на бочке с порохом, и о котором Иван Грозный сказал: «Схимник ангелов и должен летать на небе».

История на своих страницах сохранила и сведения, когда Алексей Голохвастов в 1609 г. отличился как один из воевод, защищавших Троице-Сергиев монастырь от войск Сапеги и Лисовского.

У Ивана Алексеевича Яковлева, отца Герцена, была сестра Елизавета Алексеевна, вышедшая замуж за П.И.Голохвастова, и этим браком Яковлевы породнились с Голохвастовыми.

Род Яковлевых тоже древний и идет от Якова Захарьевича, по имени которого и фамилия Яковлевы.

Дед Ивана Алексеевича Яковлева Александр Андреевич служил секретарем у Екатерины II, и его сын Алексей Александрович был женат на княжне Наталье Борисовне Мещерской, которая приходилась бабкой Герцену.

У Алексея Александровича Яковлева было шесть сыновей, и в числе их Александр, Лев и брат их Иван Алексеевич — отец Герцена.

В своих мемуарах Герцен тепло отзывается о дяде Льве Алексеевиче Яковлеве, носившем прозвище «Сенатор». Большую часть жизни Лев Алексеевич прожил за границей, служа в посольствах Германии, Англии.

Это он помог своему брату Ивану Алексеевичу вывезти из Германии Луизу Гаак, которая и стала матерью Герцена.

Вотчина под Парфеньевым, центром которой была деревня Лепихино (сейчас в Парфеньевском районе Костромской области), принадлежала бабке Герцена, Мещерской, а потом ею владел Лев Алексеевич Яковлев.

В 1785 году крестьяне Лепихинской вотчины писали в своей челобитной: «Государю нашему Льву Алексеевичу могут нас своих сирот многие на пропитание покупают хлеб с базаров, нане в нашей вотчине судом Божиим много народу вымерло, а народ был все в поре, непрестарелый, ходили по городам. А еще писано от Вас взять от нас 8 мальчиков, то милостливый государь можете нас помиловать. Отправили бы оброк в Москву и с хоодаками писано к нам от ея сиятельства княжны Анны Борисовны, чтобы выбрать 10 человек плотников хороших умеющих и прислать к Москве, просим Вас можете помиловать послать не можно посвоей нужде плотники нанялись на работы. Староста Лука Иванов и все крестьяне Ваши господские к стопам вашим припадают».

Упомянутая в челобитной крестьян Анна Борисовна Мещерская — тетка Герцена, престарелая княжна-девица, пользовавшаяся общим уважением в семье. И всегда, когда мальчику-Герцену приходилось бывать в огромном княжеском доме в Москве, его охватывал страх. Анфилады мрачных

пустынных комнат с мебелью в чехлах, дремлющие на рундуках многочисленные слуги и в отдаленной угловой комнате, в чепце и в кружевах, в кресле — высохшая старая княжна, окруженная приживалками и собачонками, — живой прототип пушкинской Пиковой дамы.

После смерти Льва Алексеевича Лепихинская вотчина перешла к его племяннику, Алексею Александровичу Яковлеву — двоюродному брату Герцена, известному по прозвищу «Химик». Страстно влюбленный в химию, он жил отшельником, занимая всего одну комнату в своем огромном доме в Москве. С утра до вечера он, как средневековый алхимик, что-то смешивал в ретортах, поджигал, взрывал, и его халат, с которым он никогда не расставался, прожженный и залитый реактивами, был лучшим доказательством его трудолюбия. В Москве он слыл за чудака, и в высшем свете о нем злословили, как писал Грибоедов в «Горе от ума» :

Он химик, он ботаник,

Князь Федор — наш племянник.

А.И.Герцен был побочный сын (как тогда говорили, незаконнорожденный) И.А.Яковлева, очень любившего его. Фамилию сыну отец придумал, произведя ее от немецкого слова «герц» (сердце), подчеркивая этим особое расположение к сыну.

По той же причине Герцен не мог носить фамилию «Яковлев» и наследовать недвижимое имущество отца. Все поместья И.А.Яковлева после его смерти переходили к его племяннику Д.П.Голохвастову.

Отец этого Д.П.Голохвастова слыл в Москве большим баринком и отчасти вольнодумцем. Он настоял, чтобы молодой племянник его, Герцен, поступил учиться в Московский университет, который и сформировал мировоззрение Герцена.

Перед смертью отец Герцена решил привести свои дела в порядок и обеспечить в материальном отношении своего любимого побочного сына. Он завещал ему свою подмосковную вотчину Порковско-Засекино, но Герцен по своим убеждениям от нее отказался. И только по настоятельной просьбе друга семьи Яковлевых Ольги Александровны Жеребцовой (урожденной Зубовой), в обмен на подмосковную вотчину, Герцен согласился на владение Лепихинской вотчиной. О.А.Жеребцова была удивительная женщина, умная и образованная, красавица в молодости, известная в свете под именем «Московская львица».

Сестра последнего фаворита Екатерины II, графа П.А.Зубова, она участвовала с Зубовыми в заговоре против Павла. Рано овдовев, уехала за границу, вращаясь там в аристократических кругах, вскружила головы многим государственным деятелям. «Сам принц Валлийский, будущий король Англии, был у ее ног», — писал Герцен в своих воспоминаниях о ней. Вернувшись из-за границы на склоне лет, она стала другом семьи Яковлевых и принимала большое участие в судьбе Герцена. Она любила его и видела в нем новую молодую Россию. Это она помогла Герцену освободиться из Вятской ссылки, и ей же обязан он выездом за границу, когда правительство не хотело отпускать его из России.

Лепихинская вотчина, которую Ольга Александровна так настойчиво рекомендовала Яковлеву передать его сыну, Герцену, соседствовала с вотчиной Зубовых, и Ольга Александровна хорошо ее знала.

Крестьяне там были отходниками-плотниками и оброк платили помещику деньгами, которые можно было переводить и за границу, где жил тогда Герцен.

Официально передать Лепихинскую вотчину своему сыну отец не мог, поэтому он составил фиктивную купчим на нее и по ней передал вотчину. Многие осуждали Герцена за то, что при его демократических взглядах и убеждениях он мог иметь крепостных. Но для этого была причина.

Герцен, задумав уехать за границу, чтобы оттуда вести борьбу с русским самодержавием, знал, что для этого надо было иметь денежные средства.

Он писал: «Деньги — независимость, сила, оружие, а оружие никто не бросит во время войны, хотя оно и было бы неприятельское, поэтому я счел справедливым и необходимым принять меры, чтобы вырвать что можно из медвежьих лап русского правительства».

Ежегодный доход от Лепихинской вотчины в сумме 2024 рубля поверенный Герцена А.С.Ключарев пересылал за границу, куда Герцен эмигрировал, а там деньги шли на издание антиправительственной

литературы, в том числе «Колокола».

Узнав об этом, жандармы Николая 1 запретили пересылать деньги Герцену, Николай на докладе жандармов написал резолюцию: «Очень замечательно. Это Герцен тот, который мною был выслан, кажется в Кострому, а через Жуковского, наследником (сыном Николая. — Д.Б.) выпрошено прощение. Надо велеть положить запрещение на его имение, а ему немедленно велеть воротиться.»

Ошибался царь — Герцен был выслан не в Кострому, а в Вятку. Из писем Герцена известно, что его взгляды на Лепихинское имение были особые. 15 февраля 1849 г. Герцен сообщал Ключареву: «Я писал к Егору Ивановичу (брату Герцена, жившему в России — Д.Б.) насчет продажи костромских крестьян и решительно передумал. Это имение я ни за что не продам, я имею насчет его совсем иные виды». Видимо, Герцен хотел освободить своих крестьян.

Все же другие имения И.А.Яковлева наследовал его племянник Д.П.Голохвастов — двоюродный брат Герцена, служивший попечителем Московского университета, известный своими реакционными взглядами. Герцен резко расходился со своим братом в вопросах государственного устройства России и порядка в ней. Тем не менее, получив в наследство имения Яковлева, Д.П.Голохвастов считал себя морально обязанным оказывать помощь Герцену.

В архиве Голохвастовых сохранилось письмо И.Терентьева — старосты крестьян-отходников, работавших по подрядам в Петербурге, на имя Д.П.Голохвастова: «По приказанию Вашего превосходительства собран мною оброк с крестьян 9450 рублей, которых часть имею представить Александру Ивановичу Герцену. Я предлагал 2000 рублей, но он теперь не имеет надобности в деньгах и оные не принял»¹. Видимо, и взгляды Герцена, осуждавшего эксплуатацию крестьян, и личная неприязнь к Д.П.Голохвастову послужили причиной отказа от денежной подачи Голохвастова.

Когда же А.И.Герцен по требованию правительства отказался вернуться в Россию, на костромскую его вотчину наложили секвестр, опекуном вотчины назначили чухломского помещика С. В.Перфильева, а доходы с вотчины стали поступать в казну.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГАДА, фонд Голохвастовых, оп.1, д.212, л.153.

СЕЛО ШИШКИНО

На реке Покше расположилось древнее село Шишкино. Красивый старинный хвойный парк, здание помещицкой усадьбы, одно из самых древних каменных зданий на территории района — церковь Преображения — являются частью природы, истории и культуры нашего края. Село связано с именами выдающегося прогрессивного деятеля русского государства XVII века Афанасия Орды-на-Нащокина, его знаменитых потомков, особое место среди которых занимает ближайший друг великого поэта А.С.Пушкина П. В. Нащокин.

В 1667 г. за успешное заключение Андрусовского мира с Польшей, по которому Украина воссоединилась с Россией, дипломат Афанасий Ордын-Нащокин был пожалован царем Алексеем Михайловичем титулом думного боярина, серебряным кубком, собольей шубой, селом Шишкиным в Костромском уезде, а кроме того, назначен ведать Посольским приказом (министерством иностранных дел XVII века). Это село до самой отмены крепостного права не выходило из рук его потомков.

Знатное древнее происхождение, природные способности помогали Нащокиным занимать видные места в государственном аппарате. И.А.Нащокин с 1744 года являлся костромским воеводой. После его смерти село досталось по наследству его брату Василию Александровичу. В.А.Нащокин имел чин генерала, служил при дворе. Его детей крестили император Петр III, императрица Елизавета Петровна. Василий Александрович оставил после себя «Исторические записки» о жизни двора, нравах и быте дворянства XVIII века. Эти записки от руки под диктовку Павла Воиновича Нащокина переписывал Пушкин. Он восклицал, что ничего интереснее ему не приходилось читать.

Эта рукопись хранится в Костромском областном архиве. Из нее явствует, что 23 февраля 1747 г. в с. Шишкино приехали Костромской и Галичский епископ Селивестр, архимандрит Богоявленского монастыря Феодосии, новый костромской воевода А.И.Кайсаров. В.А.Нащокин дал в их честь славный обед. Вечером сугробы осветились разноцветными фонарями, помещенными на воротах усадьбы и в других приличествующих местах, пламенем горящей смолы во многих бочках. В небо взлетали фейерверки. Гости остались довольны приемом. Пользуясь этим, хозяин уговорил епископа вместо старой ветхой деревянной церкви построить новую, каменную. Это была новость. В уезде каменные церкви были только в Красном и Татьянине. Епископ собственный дом строил из дерева. Но соображения карьеры взяли верх. Селивестр мечтал о Петербургской епархии. Ему нужна была поддержка придворного генерала. (Надежды Селивестра сбылись. Вскоре он стал хозяином столичной Александро-Невской лавры). Приказ о строительстве каменной церкви в Шишкине он издал моментально.

17 мая началось строительство. Вся большая помещицья семья, крестьяне приступили к работе. Селивестр лично возложил первый камень. Каменщики трудились не покладая рук. Нащокин хотел до своего отъезда в столицу построить церковь. Времени не хватало. Крестьяне работали по ночам. Церковь была построена поразительно быстро. Так 240 лет назад появилась соборная каменная церковь Спаса Преображения Господня с приделами Божией Матери Покрова и Святого Василия. Помещение небольшое по объему, уютное, романтическое. Здание выдержано в стиле барокко. Внутри церковь богато украшена. Часть икон сохранилась в домах крестьян. Они написаны греческим письмом, заключены в оклады. На них богатый чеканный узор позолочен и посеребрен. Произведением кузнечного искусства является ограда церкви.

В Шишкине рос в детстве внук строителя церкви, сын екатерининского генерала — Павел Воинович. Он был знаком с Пушкиным с детства. Гениальный поэт венчался и похоронен в «счастливом фраке» П.В. Нащокина. Наталья Пушкина и после смерти мужа продолжала ездить к Павлу Воиновичу советоваться по важным вопросам, в том числе и о своем новом браке. Пушкин подолгу жил у Нащокина, ходил с ним в баню. Пушкин из «Исторических записок» узнал и о существовании Шишкина, и его истории.

П.В.Нащокин был в близких отношениях с Гоголем, Белинским, Денисом Давыдовым, Чаадаевым, Горчаковым, Щепкиным, Гончаровым, Жуковским и другими ведущими деятелями русской культуры. Его мемуары редактировал сам Пушкин. В собрании сочинений А.С.Пушкина имеется портрет

Нащокина, нарисованный поэтом, письма к нему.

В Шишкине похоронены отец Павла Воиновича, и брат Василий. Надгробия Нащокиных уничтожены. В книге «Русский провинциальный некрополь» (М., 1914) сохранился текст памятника: «На сем месте погребено тело генерал-лейтенанта и Святые Анны первой степени кавалера Воина Васильевича Нащокина, родился в 1742 году августа 1 числа, тезоименитства сентября 19 числа мученика Доримедонта, кое имя ему дано восприемницей его Государыней Императрицей Елизаветой Петровной, скончался 1806 г. ноября 29 дня в 3 часа пополудни, на день святого мученика Парамона, жития его было 64 года 3 месяца и 28 дней. Будет ему вечная память». Были надгробия и другим членам этого рода.

После продажи имения, по описи 1861 года, в селе было 7 дворов, в них 11 мужчин и 14 женщин. В усадьбе поселился капиталист Горбунов. Здесь он владел сотней десятин пашни, 1000 десятин леса. Он построил химический завод по переработке древесины. Лес выгодно продавался в Костроме. В селе проводились еженедельные базары, находилось волостное правление. В годы войны в Шишкине был детский дом для детей из Ленинграда.

Комплекс родовой усадьбы Нащокиных с одним из первых каменных зданий в районе является украшением и крупным памятником истории и культуры костромского края.

У. ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ КРАЕВЕДОВ

А.А.Севастьянова (Ярославль)

«ЛЮБЕЗНЫМ МОИМ СОГРАЖДАНАМ...».

ПЕРВЫЙ КОСТРОМСКОЙ ИСТОРИК НИКОЛАЙ СУМАРОКОВ

(вторая половина XVIII в.)

К числу выдающихся произведений исторической мысли, созданных в провинции в самый ранний период, нужно отнести доселе не опубликованный и плохо изученный труд костромского дворянина Николая Сумарокова. Двенадцать лет — с 1776 по 1788 г. — трудился Н.Сумароков над историей своего родного костромского края. До наших дней дошли две рукописи: копия раннего сочинения «Краткое историческое известие о городе Костроме...» и завершившая работу историка рукопись «История о первоначалии и происшедствиях города Костромы...»¹. Из-за ограниченных рамок настоящей статьи нет возможности раскрыть подробно историю создания Н. Сумароковым своего труда. Отметим лишь, что историк написал не два (как считалось), а три варианта сочинения².

Первый костромской историк происходил из довольно известного рода ярославских и костромских дворян Сумароковых («Сумороковых» в авторском написании). Он родился в 1727 г. в семье костромских помещиков Степана Матвеевича и Анисьи Петровны, урожденной Текутьевой³. С 1748 г. Николай Степанович служил в гренадерском полку, участвовал в Семилетней войне 1757-1762 годов и был, как он сам напишет, «от командиров своих любим». Позднее, выйдя в отставку, осел в родных краях. В Костроме Н.С. Сумароков стал предводителем дворянства в 1775-1778 гг., здесь же началась его работа над книгой по истории Костромы. Умер Николай Степанович в 1812 году, в дни Отечественной войны, когда был уже в преклонных годах.

Приступая к своему сочинению о Костроме в середине 70-х годов XVIII века, Н.Сумароков был зрелым человеком, много повидавшим на своем веку. Изучить тексты сочинения не столь сложно, имея определенные профессиональные навыки, труднее, но тоже возможно, собрать крупинки биографических сведений. А как открыть натуру, почувствовать характер человека, жившего двести лет назад? Незаурядную личность Сумарокова, его прямоту и ранимость, свойственные людям с высоким представлением о собственном достоинстве, неожиданно раскрыл автограф — письмо Н.Сумарокова генерал-губернатору А.П.Мельгунову, найденное мной в его архиве. Нигде не публиковавшееся письмо, небольшое по объему, ярко и значительно. Поэтому приводим его здесь, с небольшими сокращениями, почти полностью:

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Осмеливаюся вашему высокопревосходительству о стекшемся нечаянно ныне со мною обстоятельстве в надежде... представить, к чему довела меня нетерпеливость, и сими строками чрез сына моего утруждать... Состояние мое небезызвестно вашему высокопревосходительству, как я определен к должности чрез ваше высокопревосходительство и расположен был продолжать мою службу, сначала в губернской магистрат, а потом и в совестной суд, ...а прежде онаго находился в провинции пред открытием наместничества предводителем четыре года, и кроме онаго земские должности отправлял, и по службе военной был в походах и от командиров своих был любим, и нареkania никакого не имел. А ныне без всякой по суду моему, в котором находился, притчины, требуют от меня, чтоб я подал просительное письмо оставить место для Николая Ивановича Калыш[к-?]ина. И наконец сего дня в присутственные места даны повеления выбирать из трех персон: первый господин Калышкин, второй Гаврило Петрович Чагин, а последний Степан Иванович Карцов, гвардии прапорщик... Но ежели б я знал прежде, то б ...не приводя до того и разположа свои меры, просил бы увольнения, но вышло тому, ко огорчению моему, совсем противное, пред своей собратией без всякой притчины и удовольствия; ...осмеливаюсь изпросить единственно вашего высокопревосходительства к его высокографскому сиятельству одобрения, чтоб безвинно не понес нареkania противу собратии своей.

И за оным препоруча себя в вашу милость и покровительство, вашего высокопревосходительства милостивого государя всепокорнейший слуга Николай Сумароков. 4 генваря 1782 года. Г. Кострома»⁴.

Заступничество Мельгунова или скорая вслед за этим смерть графа Р.Воронцова, губернатора костромского, а вероятнее, и то, и другое вместе, имели следствием восстановление положения Н. Сумарокова в городе, а вместе с ним и спокойствия, столь нужного для завершения книги. Впрочем, напрасно огорчался Николай Степанович Сумароков, история все расставила по своим местам, и имена обидчиков его, ничем в этой истории не отмеченные, канули в Лету, получив шанс быть упомянутыми лишь в его собственном письме. Иного достойны дела самого Сумарокова, и познакомившись лучше с автором, обратимся вновь к анализу его произведений.

В первом, раннем предисловии к работе 70-х годов, обращенном к читателям, Сумароков соединяет мотивы прославления «матери Отечества» императрицы Екатерины II с идеями необходимости «землемерия», то есть межевания земель, развернувшегося в Костромской губернии с 1773 года. Но узнать «верность» и древность страны, по Сумарокову, можно не только через надежные карты, но и благодаря «собранию библиотек». Автор рассуждает здесь о способе познания: от размышления над древними сюжетами, «героглифою изображенными», к изданиям книг, а от них — к «собираанию» истории. Во втором, более позднем предисловии появляется обоснование темы истории родного города: «...Мысль моя простиралась собрать воедино до той части касающиеся сведения, в которой я обитаю...». Автор, пользуясь метафорой, показывает здесь свой метод работы над историческим документом: собирание известий подлежит у него затем «мнению» (т.е. размышлению, осмыслению пройденного), с чем связаны известные трудности: «...Как войдешь в дебрь непроходимую, и в заросшие пути тернием, с немалыми трудами прямую стезю доискываться должно...».

Поразительно широк весь круг исторических материалов, привлекаемых в труде о Костроме. Складывается впечатление, что автор имел в своем распоряжении, буквально, все, что выходило в свет в России с конца XVII века. В аккуратных пометах-ссылках на полях страниц «Истории...» упомянуты летописи, Судебник, Степенная книга, жития и другие источники, с указанием места и года издания, тома, глав и страниц. Здесь же переводные сочинения историков Западной Европы и отечественных — Татищева, Щербатова, Рычкова, Манкиева. О существовании у историка большой личной библиотеки свидетельствуют в рукописи «Истории...» пометы на полях, типа «находится в библиотеке моей под № 834». Любопытно, что использование в книге многих исторических материалов Сумароковым мыслится как доказательство подлинности, реальности событий, происходивших в прошедшем. Поэтому же он предупреждает читателя о трудности писать раздел современной ему истории Костромы, ибо «в новейшие времена от бывшего пожара еще списки не отысканы» и «оное все предается на рассуждение читателю». Характерно для этого новейшего раздела стремление дать документированное изложение, об этом говорит, например, примечание автора к описанию новых границ Костромского уезда: «Оной параграф взят с ведомостей отобранных частных смотрителей, которые по требованию его сиятельства господина Московского губернатора Якова лераграфа Остермана; с сочинения Географического Лексикона и от меня сочиненная та ведомость и представлена в Костромскую провинциальную канцелярию для отсылки куда надлежит, генваря 15 дня 1776 году». Упомянутые здесь «ведомости» 1776 г. связаны, как представляется, с деятельностью в Подмоскovie Г.Ф.Миллера, готовившего данные для второго издания Лексикона.

Однако вернемся к повествованию о более раннем времени древней истории Костромы. Рассказ Сумарокова об основании города Костромы Юрием Долгоруким в 1152 г. открывает эту часть истории города. Историк пользуется здесь в основном изложением событий по годам, как летописец. Он пишет, соединяя выписки из разных источников, не различая хронологии и последовательности этих текстов. Но иногда Сумароков нарушает канву событий и спорит с чьим-либо мнением. Самым интересным примером такой по-лимики на страницах «Истории...» является фрагмент текста о происхождении названия города Костромы. Автор отверг одно за другим и название «Остра» у В.Н.Татищева, как перенесенное на берега Волги из Черниговской земли, и сарматское имя «костобоки» у М.М.Щербатова. Сосредоточившись на названии «Кострум», пришедшем при колонизации края из Ревельской Ливонии, автор развивает в подтверждение своего мнения географические, исторические и языковые доказательства.

Столь же серьезен подход историка к композиции всего сочинения. В раннем «Кратком известии...» он предлагает шесть глав, две из которых — географические, а четыре — исторические: о древнейшем положении мест всего уезда (I), о новейшем положении мест уезда (II), о первоначалии и создании города-центра (III), о его истории, приращениях, несчастьях и славе (IV), о его высоких персонах (V), о его чиновных особах (VI). В «Истории...» построение глав меняется, в основу положена

периодизация всей истории Костромы: введение описывает географию города и уезда, первый раздел «первоначалие» Костромы и власть одиннадцати ее князей, второй — Кострому в период правления царей и третий — императоров. В каждой из рукописей имеется свое предисловие, обращенное к читателю, а материал внутри глав организуется в отдельные, тематические параграфы.

С композицией рукописей связана одна особенность замысла автора. В окончательном варианте его работы главнейшим событием всей костромской истории становится, по мысли автора, открытие наместничества. Оно как бы уравнивает плохо прописанный «императорский» период с двумя более ранними — княжеским и царским. Иначе выглядит основа «Краткого известия». Здесь кульминацией повествования становится четвертая глава «...о славе и верности к своим государям», посвященная 1612 году и подвигу Костромы, сохранившей для России царя в лихое Смутное время. Автор начинает с рассказа о матери будущего царя, сосланной в Костромской Крестовоздвиженский женский монастырь. В соседнем Ипатьевском монастыре происходит соединение с ней сына Михаила, юноши, спасенного Иваном Сусаниным от врагов. По Сумарокову, Михаил Романов прибыл в Ипатьевский монастырь «из вотчины своей», чтобы укрыться и соединиться там с матерью. «Но ежели б сначала находились в Ипатском монастыре, то б никакой не было надобности объявлять о сем крестьянине Сусанине, что из грамоты из его роду видно». Как видим, рассказ Сумарокова лишь упоминает крестьянина, положившего жизнь за царя. Основной же смысл его в другом: спасение будущего царя России в стенах костромского монастыря — своеобразный «звездный» час всей истории Костромы. Поэтому в композиции первого варианта своего труда Сумароков делает эту главу центральной.

В завершающих строках своего второго предисловия, подводя итог, Сумароков задумался о значении своего сочинения. Оно, по его мнению, «может несколько служить и ко всеобщей истории, а паче — любопытствующим моим согражданам». Заметим, что «всеобщей» или «общей» во времена автора называли всю Российскую историю. Труд костромского историка действительно показывает важнейший срез российской исторической мысли второй половины XVIII века. Особенно важен он для местной историографии: И.К. Васьков⁵ начал трудиться на той же ниве, где завершил свой опыт Н.С.Сумароков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краткое историческое известие о городе Костроме, собранное из разных древних летописей и исторических книг секунд-майором и благородного Костромского дворянства предводителем Николаем Сумороковым 1776 году.//Государственный музей этнографии народов России. Отдел рукописей. Ф.2, оп.2, ед. хр.78 (далее — «Краткое известие»); История о первоначалии и происшедствиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумороковым.//Российский государственный архив древних актов. Ф.196, оп.1, № 1639.

² О двух редакциях труда Сумарокова говорится в специальной статье: Григорьева Т.Н. Из источников думы К.Ф.Рылеева «Иван Сусанин».//Русская литература. — 1987. — № 2. — С.206-207. Хранящаяся в Костромском музее-заповеднике рукопись «Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии» (КОК, 1273) составлена сыном Н.С.Сумарокова на бумаге с датой «1803» и является действительно кратким переложением «Истории...».

³ Основные биографические данные собраны А.А.Григорьевым, см: ГАКО. Ф. Р-864. оп.1, № 188.

⁴ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф.94. Мельг. № 1, л.110-111. Написание автора здесь и далее в цитатах сохранено, пунктуация современная.

⁵ Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым. —М.: Б.и., 1792.

О ГОДАХ УЧЕНИЯ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МАКСИМОВА

(1838—1850)

Один из первых биографов С.В.Максимова Петр Васильевич Быков в свое время писал: «Максимов начал учиться в народном училище посада Парфентьева, где учился сносно, но испытал и все строгости тогдашней педагогической системы, в которой заушения и самые суровые меры до розог включительно играли господствующую роль»¹.

Как установила недавно Е.В.Сапрыгина, Парфентьевское приходское училище открылось в 1835 году и первым наставником Максимова был священник Ризположенского собора, иерей Иван Петрович Яснев, приходившийся мальчику крестным отцом, а возможно, и близким родственником. Хотя срок обучения был двухлетним, училище называлось «одноклассным», так как школьники первого и второго классов постигали азы наук под началом одного учителя, в одной, общей классной комнате, располагавшейся в доме И.П. Яснева. Успеха при такой параллельной методе обучения могли добиваться лишь хорошие педагоги. И.П. Яснев к их числу, по всей вероятности, не принадлежал.

В бумагах Парфентьевской ратуши сохранилось «Дело о незаконном обучении детей парфентьевской мещанкою Ириной Федоровой», начатое 3 августа 1835 и законченное в мае 1841 года. Из этого дела явствует, что парфентьевские мещане под угрозой штрафа в 250 рублей ассигнациями упорно, в течение шести лет со дня основания приходского училища, предпочитали отдавать своих детей Ирине Федоровой или дьячкам Петру Красовскому и Ивану Иванову.

В дело вынужден был вмешаться костромской гражданский губернатор Александр Григорьевич Приклонский. Он предписал провести следствие и внушить жителям Парфентьева, «чтобы они отдавали детей своих для учения в находящееся там приходское училище, под опасением в противном случае согласно 66 параграфу взыскания 250 рублей с тех родителей, которые будут отдавать детей для обучения лицам, не имеющим на то установленных свидетельств»².

В ходе многолетнего следствия выяснилось, что не к Ивану Ясневу, а к той же мещанке Федоровой приводили своих детей даже лица духовного сословия: протоиерей Ризположенского собора Симеон Никифоров, староста собора Иван Андреев. Дьякон этого же собора Алексей Воскресенский заявил на следствии, что он отдал трех сыновей в науку Ирине Федоровой не случайно, а «по худому и нерачительному учению иерея Яснева». В доказательство он ссылался на неудачи сына дьякона Ризположенского собора Арсения Ардентова — Федора. Федор Ардентов два года учился у Ивана Яснева, но в Галичское духовное училище поступить не смог по слабости подготовки. Он выходил потом к Ясневу еще один, третий год, но все без толку. Некоторые парфентьевцы, по словам Воскресенского, убедились, что дети их, проучившись у Яснева с год и более, не одолевали даже «азбучных складов»³.

На допросах в 1840 году обыватели посада заявляли, что зимой 1839 года в приходском училище учеников будто бы вообще не было и занятия не проводились. Правда, об этом говорили те родители, которые отдавали детей в учение к парфентьевским дьячкам Ивану Иванову или Петру Красовскому. Последний на допросе 15 июня 1840 года привел следующие оправдания: «Петр Никаноров сын Красовский я, от роду себе имею 24 года, занимаюсь я в посаде Парфентьева учением детей чтению церковной печати, азбуки, ча-совнику и псалтыри по собственному желанию и прошению родителей их; первоначально поступил ко мне в учение прошлого 1839 года в марте месяце Галичского уезда, села Холму, Николаевской церкви священника сын Алексей, потом в разное время поступали ко мне для учения дети парфентьевского мещанина Петра Иванова Дубровина — Иван, мещанина же Михайла Иванова Самойлова — Алексей, Алексея Максимова Ковалева — Геннадий, Александра Иванова Мусина — Петр, Александра Васильева Панфилова — Андрей, крестьян слободы Лошковой Ивана Семенова — Родион и Никиты Семенова — Алексей... На право учения детей я от училищных начальств никакого позволения не имею, занимаюсь же учением единственно потому, что благочинный Троицкой церкви, что у Голов, протоиерей Дружинин объявлял указ Костромской духовной консистории, коим предоставлено обучать детей, но которого года, месяца и числа — не упомню, да и запрещения учить детей ни от кого не слышал, что и показал сущую правду, а будь что должно —

повергаю себя суждению по законам»⁴.

Дело это закончилось тем, что костромской директор училища П.И.Величковский направил в помощь Ивану Ясневу Петра Макаровича Любимова, происходившего из духовного звания, 26-ти лет. Родился от 17 декабря 1815 года, обучался в Ярославской губернской гимназии. Но в мае 1840 года был уволен из 6 класса по собственному прошению, а 22 июня допущен к исправлению должности учителя в Парфентьевском приходском училище»⁵.

Но в 1840 году Сергей Максимов уже прошел у отца Ивана «курс наук». Как это было, легко восстановить по рассказам самого писателя. Вот сидит отец Иван в переднем углу своей избы, косматый, борода широкая, очки на носу. Загрубелая в полевых работах, сильно загорелая рука его держит толстую линейку, которой он только что нахлопал по баловливой ладони десяток, а то и дюжину горячих палей. По обеим сторонам учителя, вдоль стола, уткнув головы в изорванные, до неопрятности засаленные книжки, сидят невольные жертвы. Они водят указками из лучины с острым концом и зазубренным верхом по строчкам букваря с примечательным названием «Первоначальное учение человеком» :

— «Во имя Отца и Сына и Святого Духа: аминь. Боже, в помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие!» Читайте за мной да перекреститесь: всякое дело с молитвой надо, вот так⁶!

И рябят у школяров в уме буквы, церковные и гражданские, за ними — «слози имен» : «аз — ангел, ангельский, архангел, архангельский». Вот и числа пришли на память от «аза» до і с елочкой». А вот и имена просодиям: «оксия, вария, камора, звательцо, титла, апостроф, кавыка, ерок...». Перешли потом к кратким нравоучениям: «в несчастьи не унывай, в счастье не расслабевай», «что терпеливый сносит, о том малодушный въздыхает». И особенно отцом Иваном любимое: «Будь к низшим приветлив, встречающих приветствуй, приветствующих восприветствуй взаимно, невежу наставь, говори всегда правду, никогда не лги. Сия храни и будещи благополучен».

— Так всегда и поступайте! А это все выучите на память, да потверже, чтобы слово в слово выходило, как дьячки «помилуй мя, Боже» читают.

Сидят школяры вдоль стола, но не все. Трое провинившихся поставлены на колени в углу подле печи. Один таскает из-под себя горох и украдкой бросает в рот. Другому, более виноватому, досталась горшая участь: он поставлен на дресву, больно впивающуюся в колени, и тоже украдкой разгребает ее по сторонам. Третьего поп Иван поставил лицом в угол и запретил оглядываться. Нарушишь запрет — будешь бить земные поклоны до тех пор, пока кровь носом не пойдет.

Отец Иван — человек добрый. Но семинарское воспитание с его суровым духом вселило в него глубокое убеждение, что «корень учения горек». А потому дисциплину он поддерживает строгую. Провинившегося школяра отправляет домой через весь посад честным людям на потеху в вывороченной наизнанку шубе и шапке. Или кладет его на голый пол у дверного косяка и заставляет лежать до тех пор, пока весь класс не перешагнет через него, устремляясь с уроков по домам. По субботам — повторение с непременно судом и расправой. Всю неделю записывал отец Иван в табличке против имен учащихся оценки их ответов. Система двухбальная: «знает» — «не знает». В субботу все стоят на коленях. Учитель берет в одну руку свой кондуит, в другую — линейку и по очереди обращается к ученикам: «Максимов Сергей! У этого кругом «знает». Садись на скамью!» А у кого «не знает», тому за каждую отметку — увесистая паля.

Ничего предосудительного в этом не видели. Отцы баловников говорили учителю: «Вот тебе еще три парня в науку: совсем одолели. Попугай их вволю, дери сколько знаешь и сколько хоть — перечить не стану: и веников навяжу, и дресвы наколочу, и гороху нагребу. Дери, знай, шибче, хоть три шкуры спускай, — совсем одолели: вечор лошковской корове ни за что отрубили хвост. Уйму на них нет!»

Другую же науку — толковать, объяснять урок — учитель считал не столь обязательной. Обучив кое-как чтению, по второму году он предпочитал отмечать ногтем в книге «от сих мест и до сих» — и учи наизусть, «слово в слово». На языке тогдашних школяров это называлось «зубрить». Зубрили вслух, так что в избе учителя поднимался страшный шум. Но и сам Яснев, и все домашние его к шуму давно привыкли.

Первого декабря, на пророка Наума, который по народным повериям «наставляет на ум», родители дарили учителю подарки: кто синий решемский армяк, кто полушубок из романовских ярков, рубашку из ивановского ситца, шапку меховую галицкой, шокшинской, выделки, валеные сапоги макарьевские...

Отец Максимова, Василий Никитич, был взыскательным, поблажки детям не давал, приучал к труду и строго наказывал за леность и нерадение. Вспоминая об отце, Максимов рассказывал П.В.Быкову, что Василий Никитич, «несмотря на свое плохое образование, был человек довольно развитой и просвещенный, много читавший, много выдавший на своем веку». Вероятно, он чувствовал ограниченность Ивана Яснева. Не случайно в 1839 году, когда Сергей пошел лишь во второй класс приходского училища, отец, прослышав об открытии при Костромской гимназии благородного пансиона, направил в Дворянское собрание прошение о приеме сына на пансионерское содержание.

Документы, посланные Василием Никитичем, были рассмотрены дворянскими депутатами: ходатайство его сочли возможным удовлетворить. Но Костромская губерния, как известно, была перенаселена с избытком мелкопоместными и служилыми дворянами. Число мест в пансионе всех желающих удовлетворить никак не могло. Поэтому после отбора документов совершалась так называемая баллотировка, подробно описанная в рукописи хранящихся в областном архиве «Материалов для истории Костромской губернской гимназии с 1786 по 1849 годы, собранных бывшим преподавателем гимназии Н.И.Коробицыным»⁷.

В апреле 1839 года в Костромской гимназии, в присутствии почетного попечителя, директора училищ, родителей и родственников претендентов, проводилась следующая процедура. Зачитывались вслух имена всех соискателей, документы которых признаны уважительными. Написанные на одинаковых бумажках и единообразно сложенные, эти имена ссыпались в стеклянный сосуд (урну), перемешивались, а затем извлекались одним из присутствующих детей по назначению губернского предводителя. Извлеченные по жребию фамилии зачитывались секретарем дворянства и заносились в протокол. Число избираемых назначалось предварительно и объявлялось заранее. Поскольку здание пансиона в 1838 году только начало строиться и конца этой стройке, как водится на Руси, не предвиделось, попечитель гимназии А.А.Лопухин отдал для этих нужд свой дом на Ивановской улице, недалеко от гимназии. Пристроить в небольшой особняк в 1839 году смогли только 26 воспитанников. В число счастливых Сергей Максимов не попал. Сохранялся лишь очень неопределенный шанс. По утвержденному положению, имена абитуриентов, оставшиеся в урне сверх 26-ти удачливых, вынимались и далее. Их ставили на очередь для замещения убыли в конце каждого учебного года. Старшинство между ними определялось порядком извлечения жребиев и заносилось в протокол. В случае убыли пансионера, старший из стоящих на очереди тотчас зачислялся на его место, и директор училищ уведомлял родителя о представлении его сына в пансион. А до той поры соискатель считался кандидатом и... ждал.

Номер, выпавший Сергею Максиму, не порадовал: ясно было, что ждать придется долго, не менее двух лет. И тогда Василий Никитич принял решение определить сына в Кологривское трехклассное уездное училище, разумно полагая, что знания, полученные сыном у Ивана Петровича Яснева, слишком скудны для будущего гимназиста. Е.В.Сапрыгина дала обстоятельную характеристику учителей Кологривского училища, которые служили там в это время⁸. Дополним ее наблюдения новыми фактами. Из них следует, например, что директор училища Арсений Яковлевич Сирин был сослуживцем Юрия Никитича Бартенева. В 1840 году ему исполнилось 35 лет. В свое время, по окончании Костромской духовной семинарии, он служил письмоводителем в канцелярии костромского директора училищ, в 1829 году стал бухгалтером этой канцелярии, а с 24 апреля 1835 года был утвержден штатным смотрителем Кологривских училищ⁹.

В октябре 1843 года Ю.Н.Бартенев прислал в библиотеку Кологривского уездного училища книгу «О молитве» (Одесса, 1843) с такой подписью: «Малое приношение в библиотеку Кологривского уездного училища, находящегося под ведением всегда любезного мне бывшего сослуживца моего Арсения Яковлевича Сирина; да и самый предмет книжки, сколько мне известно, всегда гармонировал с благородным и ищущим сердцем его. Действительный статский советник, бывший директор Костромских училищ Юрий Бартенев. 15-го октября 1843 года»¹⁰.

В сопроводительном письме, обращаясь к А.Я.Сирину, Ю.Н.Бартенев писал: «Посылаю при сем к вам книжку. Если надпись, на ней сделанная, не помешает оставить ее в вашей библиотеке, то пусть она останется и послужит гласным проявлением моего сердечного уважения к вам, которое тем беспристрастнее, что выговаривается после долгих лет разлуки и из отдаленного конца России»¹¹.

В Кологривском уездном училище Максимов проучился 1840-41 и 1841-42 учебный год. В Костромском государственном архиве я обнаружил «Список учеников Кологривских училищ,

удостоенных перевода в высшие классы после испытаний в 1842 году», а также «Описание торжественного акта», происходившего в них:

«В Кологривском уездном и приходском училищах 17-го числа июня месяца происходил торжественный Акт, в присутствии духовенства, чиновников и почетного купечества. Перед началом Акта воспитанники обоих училищ слушали в соборной церкви Божественную литургию и молебен о здравии Его Императорского величества и всей Августейшей фамилии. Акт начался в 12-м часу до полудня рассуждением о пользе, какую доставляет образуемому юношеству изучение предметов, преподающихся в уездных училищах, читанным учителем арифметики и географии С.Скворцовым. Потом предложены были детям, особенно 2-го и 3-го классов, более занимательные вопросы из учебных предметов, преимущественно же из закона Божия и истории всеобщей и отечественной. За сим провозглашены имена учеников, удостоенных наград, перевода в высшие классы и окончивших учение. В заключение ученик 3-го класса Невзоров произнес благодарственную речь к присутствующим»¹².

Судя по документам, из второго класса в 3-й перешли семь учеников: Гвоздев Петр, Зубков Дмитрий, Котиков Сергей, Пяткин Вячеслав, Руфин Антон, Тибанов Дмитрий и среди них — Максимов Сергей. Он же за успешную учебу и примерное поведение значится в числе трех учеников, награжденных книгами: Разживин Александр, Лодыженский Алексей, Максимов Сергей¹³.

Что же касается выпускника Невзорова, произнесшего благодарственную речь на торжественном акте, то это, к сожалению, не будущий художник Павел Иванович Невзоров, как предполагала Е.В.Сапрыгина, а его однофамилец или родственник Иван Невзоров, назначенный к выпуску из уездного училища с аттестатом и награжденный похвальным листом¹⁴.

Так подошел 1842 год. А к этому времени очередь к зачислению Сергея Максимова в благородный гимназический пансион подошла совсем близко. 23 сентября 1842 года Василий Никитич направил Костромскому губернскому директору училищ П.И.Величковскому «покорнейшее прошение», сохранившееся в Костромском архиве:

«Представляя при сем сына моего Сергея, имеющего от роду одиннадцать лет, обучавшегося во 2-м классе Кологривского уездного училища, покорнейше прошу Вашего Высокоблагородия принять его для дальнейшего обучения во вверенную Вам гимназию, а документы о его звании и свидетельство о рождении и оспе представлены в Костромское Дворянское Депутатское собрание вместе с прошением моим о принятии его на полное содержание в пансионе при гимназии еще в 1839-м году.

К сему прошению парфентьевский почтмейстер, коллежский асессор Василий Никитин сын Максимов руку приложил. Прошение подать и сына Сергея представить в гимназию доверяю коллежскому асессору и кавалеру Александру Яковлевичу Виноградову»¹⁵.

Прошение отца было удовлетворено, и Сергея Максимова приняли в первый класс гимназии своекоштным, вольноприходящим учеником. Судя по имеющимся в архиве документам, его взял на содержание за солидную по тем временам плату учитель арифметики и геометрии при Костромском уездном училище Иван Михайлович Богословский. Он происходил из духовного сословия. По окончании Костромской духовной семинарии, в сентябре 1824 года, был назначен учителем латинского языка в Макарьевское духовное училище, а в марте 1833 года переведен в Кострому. Он был способным учителем. В документах значится, что «по засвидетельствованию ординарного профессора и кавалера Перевощикова об особенных трудах и отличных успехах учеников, найденных в его классе, изъявлена ему благодарность от имени училищного комитета 29 января 1835 года»¹⁶.

Под присмотром такого наставника, обладая незаурядными природными задатками, Максимов успешно учится в первом классе гимназии, выдерживает переводные испытания и в 1843 году зачисляется во второй класс. А очередь к поступлению в пансион, по иронии судьбы, доходит до него, но перед ним и останавливается. Расстроенный отец обращается к директору гимназии с новым прошением:

«Сын мой Сергей Максимов, обучающийся в Костромской губернской гимназии, другой год уже зачислен в кандидаты гимназического пансиона на счет дворянских сумм; но очередь для поступления в оный до сих пор на него еще не вышла. Не имея по Костроме ни родных, ни коротко знакомых лиц, кои бы, взявши к себе на содержание моего сына, ближайшим непосредственным образом наблюдали за поведением его и занятиями вне классов, — я в необходимости нахожусь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие, по уважению означенных притчин, принять на полное содержание заположенную

плату, которую я и при бедности моей обязуюсь вносить в назначенные для того сроки, пока не заменится она дворянскою суммою. — Ежели настоящая просьба моя по чему либо не может быть нынеже уважена, не откажитесь по крайней мере сделать по ней мне надлежащее удовлетворение при первой возможности. — Поручительство, касательно принятия к себе на дом сына моего, в случае исключения его из пансиона, как скоро в этом документе будет настоять надобность, не откажется дать г. учитель Костромского уездного училища Иван Михайлович Богословский. — Документы о сыне моем: как-то метрическое свидетельство и свидетельство о воспе находятся при прошении в Костромском дворянском депутатском собрании о принятии его в число пансионеров. Июля 31-го дня 1843 года»⁷.

В ответ на это прошение П.И.Величковский не смог сообщить ничего утешительного. 16 августа 1843 года он писал:

«Милостивый государь, Василий Никитич!

От 31 прошедшего июля Вы просили меня о принятии сына Вашего Сергея воспитанником пансионером в благородный гимназический пансион. Но как нанимаемый для этого заведения дом не позволяет в настоящее время иметь воспитанников более того количества, какое в нем состоит, — то я к сожалению моему не могу дать удовлетворения Вашей просьбе»¹⁸.

Однако на сей раз судьба складывается в пользу Максимовых, по пословице: «не было бы счастья, да несчастье помогло». 24 сентября 1843 года умирает находившийся на полном дворянском содержании пансионер, сын поручика, Федор Дмитриев. П.И.Величковский докладывает об этом губернскому предводителю дворянства и просит «сделать распоряжение к замещению состоящей теперь вакансии»¹⁹. В.С.Карцаев отвечает Величковскому «о замещении вакансии сей кандидатом Сергеем Максимовым», «обучающимся во втором классе гимназии». А 8 октября 1843 года В.Н. Максимов присылает в гимназию прошение:

«Господин исправляющий должность Костромского губернского предводителя дворянства Василий Степанович Карцаев отношением от 24 минувшего сентября за № 751-м уведомил меня, что на место умершего воспитанника Дмитриева по старшинству балов должен поступить в учрежденный при Костромской гимназии благородный пансион сын мой Сергей Максимов, коего должен я немедленно представить во вверенную Вам дирекцию училищ.

Во исполнение чего я покорнейше прошу вашего высокоблагородия, дабы благоволили сына моего Сергея Максимова принять и на открывшуюся ваканцию в благородном пансионе в число пансионеров поместить. Что же касается до документов о его дворянстве, рождении и здоровье, — то соблаговолите истребовать все оные от Костромского дворянского депутатского собрания, куда я представил в 1838-м году при прошении о принятии сына моего в Благородный пансион. Прошение сие передать и сына моего к вашему высокоблагородию представить поручаю господину учителю Ивану Михайловичу Богословскому»²⁰.

Так с октября 1843 года Максимов был зачислен в пансион на полное дворянское содержание.

Судя по сохранившимся в Костромском областном архиве гимназическим документам, Сергей Максимов учился весьма успешно и был на протяжении всего периода обучения неизменно в числе первых учеников. Почему же он, поступивший в первый класс гимназии в 1842 году, окончил ее не в 1849-м, а на год позднее, в 1850-м? Где произошла задержка? Каковы ее причины?

Е.В. Сапрыгина высказала предположение, что Максимов учился в 1842 году в подготовительном классе²¹. Однако все просмотренные мною документы подтверждают обратное: он успешно учился в первом классе, столь же успешно прошел испытания и был переведен в 1843 году во второй класс, а затем в третий, четвертый, пятый, шестой. Задержка произошла именно в этом классе. И в 1847-48, и в 1848-49-м учебных годах Сергей Максимов значится хорошо успевающим гимназистом шестого класса.

Ответ на эту загадку дает первый по времени творческий труд Максимова, выполненный им в Костроме. Это была речь, произнесенная на торжественном акте в гимназии. По словам П.В.Быкова, «речь вышла дельная, красивая, написана была на тему о Ломоносове, как сыне народа, и своей искренностью и теплотой произвела, между прочим, «сильное впечатление на местного архиерея»²².

В каком же году Максимов произнес эту речь? По сохранившемуся в отделе рукописей ИРЛИ автографу «Ломоносов, как первый русский ученый» можно установить точную дату торжественного акта. Максимов начал свою речь так: «Тяжкая година испытаний для нашего города кончилась, души и

сердца ваши, благосклонные посетители, вероятно успокоились от всех злоключений; и Вы, следуя влечению благородного сердца, снова, по-прежнему, посетили наше мирное жилище, а мы, чувствуя цену Вашего к нам внимания и исполняя старинный обычай, осмеливаемся побеседовать с Вами, так уже давно не имея к тому случая»²³.

О какой тяжкой године идет речь? Почему Максимов замечает, что «благосклонные посетители гимназии» «уже давно не имели к тому случая»? Очевидно, в традиционных торжественных актах гимназии, проводившихся ежегодно в начале учебного года, возник какой-то вынужденный перерыв?

Действительно, 1847-48 учебный год в Костромской гимназии и открыли, и завершили два страшных стихийных бедствия, память о которых долго хранилась в сознании костромичей²⁴. В начале сентября 1847 года Кострому постиг ряд опустошительных пожаров, истребивших большую часть домов, общественных и частных, в том числе Богоявленский монастырь, приходское училище, два дома частей Костромской полиции, гауптвахту, церковь св. Троицы, губернскую типографию... К счастью, новое здание гимназии и пансион всякий раз оказывалось за ветром и осталось невредимым, хотя пожары были в недалеком от него расстоянии. В городе началась паника, поползли слухи о злоумышленных поджигателях-поляках. Большая часть обывателей вывезла из города свое имущество, бросила дома, разъехавшись по окрестным селам и деревням. Уроки в гимназии были прекращены, а гимназисты распущены по домам. И хотя на исходе сентября учеба возобновилась, около 25-ти учащихся были задержаны испуганными родителями.

В мае 1848 года город постигла другая беда: началась эпидемия холеры. 24 мая в пансионе заболел ученик 6-го класса, однокашник Максимова Орлеанский. Инспектор врачебной управы Альбицкий поставил диагноз — холера! Несмотря на все старания врача, мальчика спасти не удалось: 25 мая он скончался. 3-го июня попечитель Московского учебного округа приказал немедленно распустить по домам всех учеников гимназий и училищ. Поэтому в конце 1847-48 учебного года сорвались экзамены, а в начале следующего года, по всей вероятности, не было и торжественного акта. По той же причине Максимов и следующий, 1848-49 учебный год, вынужден был учиться в шестом классе.

О том, что речь свою он читал в 1849 году, свидетельствует и такой элементарный подсчет. «Сто тридцать восемь лет прошло с того времени, когда у Холмогорского рыбака Василья Дорофеева, человека простосовестного, к сиротам податливого, к соседям обходительного, родился сын Михайло»²⁵, — говорил в своей речи Максимов. Приплюсуем к 1711, году рождения Ломоносова, 138 лет — и получим год 1849-й. Костромские губернские ведомости тогда сообщали: «На основании параграфа 155 Устава учебных заведений, по окончании годичных испытаний учеников Костромской гимназии в преподаваемых науках, 4-го числа сего сентября, после божественной литургии в Костромском Успенском соборе, назначается торжественный акт, на который начальство гимназии почтеннейше приглашает любителей и любительниц общественного образования в отечественных учебных заведениях»²⁶.

Таковы некоторые новые факты и соображения, кое-что проясняющие в детских и юношеских годах жизни замечательного русского писателя Сергея Васильевича Максимова, к творчеству которого все упорнее и настойчивее в последнее время обращается наша общественная мысль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Быков П.В. Сергей Васильевич Максимов. Биографический очерк. //Максимов С.В. Собр.соч.— Т.1. — СПб., 1904. — С.IX.

² ГАКО, ф.67, оп. 1, ед.хр.65-а, л.6.

³ Там же, л.26 — об.л.26.

⁴ Там же, л.57 — об.л.57.

⁵ ГАКО, ф.429 Костромской гимназии, оп.1, д.98, к.42. — Листы не пронумерованы.

⁶ См. главу «Учитель» в повести Максимова «Питерщик» в кн: Максимов С.В. Избранные произведения. В 2-х т. — Т.2. — М., 1987. — С.366-369.

- ⁷ См.: ГАКО, фонд Селифонтова, оп.2, ед.хр.79, ч.IV, л.99-105
- ⁸ См.: Сапрыгина Е.В. В Кологривском уездном училище.//Литературная Кострома. — Окт. 1990. — № 10(17). — С.5.
- ⁹ Послужной список А.Я.Сирина см.: ГАКО, ф.429, оп.1, д.112. — Листы не пронумерованы.
- ¹⁰ ГАКО, ф.429, оп.1, д.103, к.115. — Листы не пронумерованы.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ГАКО, ф.429, оп.1, д.101, в.к.56, л.44.
- ¹³ Там же, л.43.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ ГАКО, ф.439, оп.1, д.101, в.к.56, л.467 — об.л.467.
- ¹⁶ Послужной список И.М.Богословского см.: ГАКО, ф.439, оп.1, д.98, к.42. — Листы не пронумерованы.
- ¹⁷ ГАКО, ф.429, оп.1, д.103, к.115. — Листы не пронумерованы. Публикуется с сохранением орфографии подлинника.
- ¹⁸ Там же. — Листы не пронумерованы.
- ¹⁹ ГАКО, ф.429, оп.1, д.116, п.в.к.116. — Листы не пронумерованы.
- ²⁰ Там же. — Листы не пронумерованы. Публикуется с сохранением орфографии подлинника.
- ²¹ Сапрыгина Е. Гимназист Максимов.//Сев. правда. — 1989. — 6 окт.
- ²² Быков П.В. Цит. соч. — С.Х.
- ²³ Отд. рук. ИРЛИ, ф.565, оп.1, д.1, л.1.
- ²⁴ См. об этом в «Материалах для истории Костромской гимназии, собранных Н.И.Коробицыным». — ГАКО, фонд Селифонтова, оп.2, ед.хр.79, ч.IV.
- ²⁵ Отд. рук. ИРЛИ, ф.565, оп.1, д.1, л.1.
- ²⁶ Костромские губернские ведомости. — 1849. — 3 сент.

ПИСАТЕЛЬ ИЗ СЕЛА ТУРЛИЕВО

Костромская земля дала отчизне много необходимых ей людей. Одни из них подвигами или трудами своими вошли в историю, результат усилий других, тоже давший добрые всходы, по сей день не вполне осмыслен и оценен. Были они выходцами из совершенно разных слоев населения. И если роль деятелей-дворян, деятелей-крестьян или рабочих относительно изучена, все еще ждут, требуют внимания к себе дела, образ жизни провинциалов-разночинцев.

Типичный представитель разночинской среды — уроженец села Турлиево Кологривского уезда Костромской губернии Василий Арсентьевич Дементьев (1825?-1871). В биографическом словаре «Русские писатели» о нем есть общая статья¹. Можно определенно говорить о том, что в середине XIX века он был достаточно известен в кругах демократической интеллигенции, преимущественно московской и провинциальной: сначала в качестве литератора (художественная проза и стихи, «Очерк из жизни И.Т.Кокорева», составление трехтомника Кокорева «Очерки и рассказы», статьи по этнографии и фольклору Костромской губернии и т.д.), затем — автора выступлений по вопросам воспитания и образования.

Воспитанник Галичского духовного училища и Костромской духовной семинарии (ее не закончил), в начале сороковых годов он познакомился через письма (первые из них датированы 1842-м годом) с известным общественным деятелем, книгоиздателем, профессором Московского университета Михаилом Петровичем Погодиным. После прихода в Москву (именно прихода: пешком, в 1848 году) он не один год помогал Погодину в книгоиздательских начинаниях и по журналу, иногда вместе с разночинцами-ивановцами — Ф.Д.Нефедовым и даже С.Г.Нечаевым. В тех редких случаях, когда отмечалось это сотрудничество, Дементьева называли то корректором, то секретарем, то техническим служащим. И ни разу нам не встретилось упоминания о том, что в середине пятидесятых годов, когда Погодин почему-либо отсутствовал, Дементьев фактически вел журнал: собирал материал, налаживал отношения с возможными сотрудниками, определял расположение статей, рецензий, художественных текстов в составе отдельных номеров. Эти серьезные и ответственные обязанности по журналу отражены в его двух, практически недатированных письмах, в первом из которых сообщалось о недавней кончине И.Т.Кокорева², а в обоих характеризовались намерения и материалы участников журнала «Москвитянин», составивших так называемую «молодую» его редакцию. Указанные письма, как и следующие, которые будут цитироваться и рассматриваться ниже, хранятся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде М.П.Погодина.

Сейчас трудно сказать, как и почему Дементьев оказался в селе Иваново и посаде Вознесенском. Письмо Погодину от 7 августа 1857 года³ отправлено отсюда. Здесь он то служит домашним учителем, то преподает гуманитарные предметы в только что возникшем училище для девочек, то увлекается идеями образования и воспитания, вызывающими к жизни его педагогические сочинения. Однако отношения с Москвой не прерываются. Сохранилось немало писем, где Дементьев обращается к Погодину как к доброму наставнику, советуется с ним, сообщает о ходе своих дел. И маститый историк, редактор журнала не чуждался намерения вернуть своего разностороннего помощника в Москву, хотя инициатива переезда, отметим это ради справедливости, чаще исходила от Дементьева. Письма бедствующего провинциального интеллигента так откровенны, искренни, богаты достоверной информацией, что на их основании можно бы, думается, написать историю смятенной души «литературного пролетария» (определение Н.Ф.Бельчикова)...

Не исчезала, не угасала и благодарная память о родных местах. Это отразилось в нескольких письмах. Фрагменты из них и хотелось бы привести. Но бедность и зависимость разночинца-провинциала от работодателей были таковы, что к поездке в Костромскую губернию приходилось готовиться загодя, собирая для предстоящей дороги буквально гроши и крохи. Подтверждение (а их ряд весьма плотен) — в письме В.А. Дементьева М.П. Погодину от 25 января 1860 года: «Еду, добрый Михаил Петрович, и жажду возможной деятельности, но никак не раньше весны. В мае побываю на родине, а в начале июня к Вам. До весны я никак не рассчитывал к Вам, позадолжал здесь, и надо кой-что покончить с учениками». Желание встречи с малой родиной представлялось неудержимым.

Примерно через месяц, 22 февраля 1860 года, отвечая все на то же приглашение вернуться в Москву, он делился сокровенным: «...я приехал бы к Вам еще по зиме, но очень хочется побывать на родине. Не знаю, что будет со мной, но, кажется, силы еще есть. Ради бога, не оставьте, приищите мне как можно больше деятельности, да денежной.»

Когда поездка в Костромскую губернию уже состоялась, в Москву движимый жаждой деятельности, он опять пошел пешком, по дороге заболел. 1 июня 1860 года он сообщал своему адресату: «Торопясь к Вам, я отправился на родину в апреле, и начале мая — в Москву, дорогой простудился и пролежал в лихорадке в Переславле, в монастыре, больше полутора месяца». Продолжались и лишения. Уже будучи в Москве, он обратился к своему патрону с такой просьбой: «Прошу покорнейше одолжить меня 5-ю руб[лями] сер[ебром] на разные мелочи. Из Иванова вещей мне не высылают, и я без белья. (...) Нельзя ли пожаловать теперь же: нужно сходить в почтамт за получением посылки — кстати и белья куплю. Не злоупотреблю.»

Чем занимался Дементьев на долгом пути в Кологривский уезд? Что его притягивало к родному Турлиеву? Прямой ответ содержится в группе более поздних писем. 5 июня 1865 года, делясь с Погодиным намерением очередной поездки, он писал среди прочего:

«4) Не пожалуете ли мне к кому писем по дороге? За Кострому по дороге мне Судиславль, Галич, Макарьев на Унже. Не знакомы ли с Костромским архиереем?

5) Не найдется ли у Вас каких народных брошюр и книжек для продажи по дороге? Я хочу даже купить копеечных в синод[альной] лавке.

6) Денег на дорогу я надеялся было крепко занять от одного богатого знакомого и приятеля, ивановского купца Полушина, живущего в Москве, но он за 20 верст на даче, и неизвестно, где именно. Остается просить у Вас же рублей десять. Собственно на дорогу взад и вперед (1150 верст) мне стало бы и пяти, но надо купить сапоги, сюртук и еще кой-что. По возвращении с обновленными силами, надеюсь заслужить и заработать Вам долг. (...)

План путешествия я составил: буду записывать песни, заметки о быте и нуждах крестьян, о народных училищах, о хозяйстве, промыслах, о древности и святыне, доискиваться рукописей и проч.»

Нельзя спокойно отнестись к письму от 14 июля 1865 года. Приводим полностью:

«Добрый Михаил Петрович!

Живу уже неделю в Костроме, у бывшего товарища, приводя в порядок свои дорожные заметки. Они вышли недостаточны и похожи еще на канву. На обратном пути по той же дороге дополню их. Дорогою прогостил я в Переславле трое суток, а перед Ростовым, промокнув от дождя до костей, захворал было. К счастью, попался купец, дядя моей бывшей ученицы в Иванове, который помог мне Лекарством и приютил на 3 дня.

О родных точных сведений не имею. По справке в консистории оказалось, что отец мой еще жив, а мать — не знаю. Тяжко будет, если не застану ее в живых. Остался теперь, разумеется, почти без копейки; и на обратный путь прошу Вас, добрый мой отец, прислать мне малую толику. Надеюсь, что, как я говорил, так господь и поможет сбыться: с осени я — Ваш покорнейший слуга и работник. Духом успокаиваюсь все более и более. Во сне даже не раз видел то родное село, в к[отором] я родился, из которого потом переведен мой отец, когда мне было 9 лет, — и плачу от умиления и очищается душа. Но если материальная нужда уж слишком будет велика при этих чувствах, они зачерствеют и пропадут. Помогите же, мой добрый!

Выслать всего лучше по след[ующему] адресу:

Домашнему учителю такому-то, в Макарьев на Унже Костромской губ[ернии]. Пожалуй, на всякий случай, с подписью: оставить на почте до востребования, — или как там пишется. Но, вероятно к высылке я как раз буду там.

Отправляюсь из Костромы завтра пешком, как путешествовал и всю дорогу, а до Макарьева остается верст около 170. Иду верст 25 в день, не изнуряю таки себя, а как раз только, сколько нужно для укрепления здоровья. Зато как же теперь я здоров, в добрый час молвить. Благоволите выслать не менее 25 рублей, а меньше — только по губам размарается, на мелочь истратится.

Язык народный дивит меня. О, если бы я был художник и непосредственно сроднялся с этим

языком, — но нет! А все записывать — где же успеть. Что за пословицы, обороты, сравнения, склад, глубина и ширина мысли! О как огромна заслуга Даля⁴! Но исчерпать все сокровища такого языка, на это нужны столетия и тысячи ученых, поэтов.

Прошу покорнейше засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Софье Ивановне, к которой благодарность глубока во мне, и всем Вашим.

Ваш

Вас. Дементьев».

В следующем письме — от 15 августа 1865 года — продолжают раскрываться отношения Дементьева и Погодина. Однако главный его интерес — в характеристике занятий, духовных устремлений, быта семьи деревенского священнослужителя, каким был отец писателя Арсений (такую форму употреблял В.А.Дементьев) Яковлевич. Немаловажной оказывается и информация о собирательской деятельности автора письма. Последнее приводим полностью:

«Не знаю, как благодарить Вас, добрейший Михаил Петрович, за высылку мне помощи. В Вас только я всегда и находил спасение. — Что за утрата у Вас! И Марья Федоровна дорога мне стала по смерти как сама по себе, так и в отношении к Вам: привычка — великое дело, и притом покойница, по крайнему разумению, как нельзя более усердна была для Вас. Что делать!? Всему, знать свой черед. Софье Ивановне пока сделать бы теперь экономкой кухарку Филипповну; она женщина хорошая, честная; но уже все будет не то.

Теперь я на родине. Долготерпелив и милосерд ко мне господь: и отец и мать живы, хоть уж слишком стары и дряхлы, и работать не в силах. Младший брат поступает на отцово место в диаконы, чтоб было кому закрыть глаза родителям. Знакомиться с народом средств мне множество: один брат мой около Кинешмы волостным писарем, другой, поступающий на отцово место, основывает народную школу; певцов народных былин, песен и проч. находится много. У братьев было уже кой-что прежде записано. Судите сами, могу ли я не прожить здесь еще хоть месяц, чтоб поглубже окунуться в народную жизнь. Работаю усердно, с увлечением. Да дело еще вот в чем, мой добрый отец Батюшка выстроил новый дом, надо брату жениться, посвящаться, надо держать работницу. Трат множество. Сбирать былины, легенды, песни без денег нельзя. Выручите. А я еще повторю: я — Ваш усерднейший безусловный слуга с октября, хоть все-таки буду неоплатным Вашим должником. Одному мне немного надо при правильной жизни: я могу и буду у Вас жить, получая не более 5 р[ублей] с[еребром] в месяц, и работать всякую работу, помогите лишь мне сделать мое собственное дело и совершенно успокоиться с этой стороны. Со страхом и надеждой (впрочем, в любви несть страха) суммы буду просить у Вас немаловажной до 50 р[ублей] с[еребром]. Просил, просил отца, чтоб написал к Вам от себя благодарность за меня и просьбу. «Нет, — говорит, — где мне писать к таким людям, я стар, и глуп, и неучен, делайте, как знаете». Так и отступился от старика, который точно уже очень стар и умственно.

Адрес для высылки: Костромс[кая] губ[ерния], в посад Парфеньев, на Михайловский завод, доверенному г[оспо]жи Пущиной Веденею Степановичу Любимову, для передачи диакону села Турлиево Арсению Яковлеву.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение добрейшей Софье Ивановне, Аграфене Михайловне, Ивану Михайловичу.

У Вас ли еще Н.П.Астров? Если у Вас, тоже низко кланяюсь ему.

Весь Ваш

Вас. Дементьев.

Как-то Ваше здоровье, обстоятельства, занятия, состояние духа?»

Свою ценность имеет и написанное на следующий день, то есть 16 августа 1865 года, тому же Погодину послание Николая Арсентьевича (брата Василия). В нем приводятся еще сведения о жизни, делах, настроениях провинциальных интеллигентов:

«Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Николай Петрович!

Осмеливаюсь свидетельствовать Вам мое глубочайшее почтение как благодетелю моего брата. Скоро год, как я поступил на место престарелого родителя, и пока исправляю должность причетника — этому условию подвергаются ныне все воспитанники Семинарии — а отец находится уже за штатом.

Слава Богу, что ныне и наше воспитание может приносить гораздо более пользы обществу, нежели прежде, когда не сочувствовали образованию простого народа. Я так дорожу этим, что среди хозяйственных забот и работ, которые по новости очень тяжелы и между тем необходимы, поспешил основать училище. Одно только тяжело: наша сторона так глуха, что нельзя надеяться на сочувствие народа. Большого труда стоило убедить родителей отдавать детей в школу даром. Когда же увидели мои труды, тогда все подумали, что это делается не даром и стали смотреть на меня как на умника, который хочет отличиться, и хитреца, который хочет выжать из них последнюю копейку.

Сельская жизнь полна преданий русской старины. По совету брата, и этим я хочу приносить пользу науке. До сих пор я бегло смотрел на окружающую жизнь, подчас смеялся над различными преданиями и суевериями, которыми живет русский человек. Но брат раскрыл мне глаза, и я хочу изучить русскую жизнь.

Дела бы и много, но боюсь, чтобы эти стремления не погасли в предстоящих нуждах. Неудивительно, пожалуй, не я, а меня станут изучать, пожалуй, в 50 лет все делается земля и пепел. Нет, сохрани Бог этого! Буду трудиться и переносить все нужды, только чтобы не оставить своих стремлений. Трудно перенести этот год борьбы и искушений, а там, надеюсь, что будет легче. Вы много поддержите наше семейство, если исполните просьбу брата. Высылка такой суммы составит предмет разговоров всего нашего околотка, и это также значит много для человека в моем положении.

С глубочайшим уважением и преданностью имею:

честь быть Вашего Превосходительства покорнейший
слуга Николай Дементьев».

К письму есть приписка — свидетельство бедности автора: «Простите за белые чернила: такие случились». Однако более интересна вторая, сделанная старшим братом. Из нее ясно, что бедность не останавливала верности избранному делу, чистоты помыслов: «Деньги, высланные Вами, я употребил почти все на себя: осеннее пальто, сапоги, панталоны, белье — вот уже и более 15 р[ублей]. Остальное тратил в дороге, на былины — об Илье Муромце (хорош вариант о его рождении и причине сидения 30 лет), об Алексее, божьем человеке, чудная умнейшая легенда о Соломонии и Давиде и еще кой-что. Водки вовсе не пью⁵.

Ваш В. Дементьев».

В последние годы жизни, перебиваясь случайными заработками и проживая то «угловым жильцом» в подсобных помещениях к дому Погодина, то где-либо поблизости, Василий Арсентьевич Дементьев бедствовал так, что иногда вынужден был просить гроши и копейки на бумагу и перья, на обед и необходимую одежду. Однако при всем осознании ненормальности такого положения, он не терял представлений о нравственном долге перед окружающими и в какой-то степени чувства собственного достоинства. Так, отправляя в декабре 1864 года своему постоянному адресату письмо-раскаяние, он размышлял и просил: «...забудьте все прошлое и дайте средства начать вдруг новую жизнь. Я чувствую, вполне сознаю и благодарю Бога, что стремление к добру во мне не только не пропало, а каким-то чудом сильнее даже теперь, при моей незаконной жизни, чем было тогда, когда я был чище. Мне следовало бы, по требованию справедливости, вынести продолжительную кару за мою жизнь, но как же? Пока я буду выносить ее, время ждать не будет, а вынося ее, я ничего не могу хорошо и успешно делать ни для себя, ни для Вас. Каторжники (сравниваю с ними теперешние мои муки) едва ли что могут делать, кроме назначенных им каторжных работ. Описывать мое наружное, материальное, и внутреннее состояние нет надобности: первое Вы видите, а чего не видите, можете дополнить воображением; второе тоже можете представить себе.

Мне нужно зараз и безотлагательно сделать:

- 1) Выкупить летнее и купить теплое одеяние, чтоб было в чем ходить в церковь; к тому же, скоро праздники.
- 2) Сходить в баню: для этого нужно белье.
- 3) Выкупить все заложенные вещи, которые могут остаться у Вас до времени».

Недатированные записки Дементьева, относящиеся, судя по содержанию, к последней поре жизни, буквально трагичны. Приведем одну из них:

«Теперь, в настоящую минуту, мое положение у Вас гораздо более, чем неудобство. Кроме моих бессониц и страхов, происшедших от моей вины, у меня есть, хоть узенькие и маленькие свои идейки и стремленьица, которые я тоже даже считаю долгом высказать: всякому дорого свое, и богачу и бедняку. А в нравст[венном] отношении это непременно даже и быть должно так: кому четверть таланта, кому сто — но пускай и осьмушку в оборот, если уцелела от страшной жизни.

В.Дем[ентьев].

Нельзя ли табачку с гильзами нам прислать?»

Резюмируя приведенное, скажем, что таких увлекательных и нетронутых материалов — множество и что пока обойденный исторической памятью земляк — Василий Арсентьевич Дементьев, — его труд, планы, надежды должны занять надлежащее им место в сокровищнице больших и малых духовных ценностей костромской земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Овчинников Г.Д., Шлычков Л.А. Дементьев Василий Арсентьевич.//Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. — Т.2. — М., 1992. — С.104.

² И.Т.Кокорев умер 14 (26) июня 1853 года.

³ Не столько дата, сколько содержание этого письма вызывают сомнение в точности информации Н.Ф.Бельчикова, поверившего утверждению краеведа А.В.Смирнова о том, что Дементьев прибыл сюда около 1859-1860 года. — См.: Бельчиков Н. Народничество в литературе и критике. — М., 1933 [1934]. — С.220.

⁴ В это время (1863-1866) выходил первым изданием составленный В.И.Далем четырехтомный «Словарь живого великорусского языка».

⁵ Страдая алкоголизмом как социальной болезнью многих бедняков, Дементьев умрет через несколько лет от вызванной этим недугом белой горячки.

К РОДОСЛОВНОЙ В.В. РОЗАНОВА

Прадед В.В.Розанова — капитан Федор Афанасьевич Шишкин — был мелкопоместным дворянином. По Костромской губернии числилось за ним небольшое сельцо Высоково Бувевского уезда, которое в 1823 году унаследовал его сын Иван Федорович. К нему же перешло и другое имение — в сельце Афанасове Шуйского уезда Владимирской губернии.

Иван Федорович родился около 1800 года. В 1814 году поступил в военную службу. К тому времени война с Наполеоном уже кончалась, и молодому прапорщику не представилось случая отличиться на полях сражений. В выписке из аттестата, выданного по окончании службы, указано:

«Иван Федоров сын Шишкин, который, как известно из формулярного списка, значится от роду 18 лет, из дворян... а в оную службу вступил для научения порядку в оной в 1814 году марта 7 в Дворянский полк прапорщиком; в 1816 году апреля 30 определен в 26 Егерский полк и в оном подпоручиком с 1817 года мая 23 дня.

В продолжении службы в походах и делах против неприятеля, тоже в штрафах, под судом и основных отпусках не бывал, холост и по выслуге чином аттестован достойным.

В 1818 году февраля 16 дня по Высочайшему указу уволен по прошению с оной службы по домашним обстоятельствам, выслужив 5 лет...»¹.

Указ об увольнении был подписан при Главной квартире в городе Могилеве на Днепре «по приказанию и по болезни Главнокомандующего 1 армии фельдмаршала Барклая Де Толли» генерал-лейтенантом начальником штаба 1 армии бароном Дибичем.

Очень скоро по возвращении со службы Иван Федорович женился, взяв за себя девицу «из рода дворян Ачкасовых» Авдотью Андреевну. По справке, выданной Ярославской духовной консисторией, значится, что в 1821 году в селе Успенском Ярославской губернии родился у них старший сын Федор. Восприемником был брат Авдотьи Андреевны — Виктор Андреевич Ачкасов, живший в селе Толстикове. В Ярославской губернии родился и следующий сын — Аполлон. Остальные дети — Надежда, Александра, Ардалион, Александр — рождены в усадьбе Высоково Буйской округи и крещены в Дмитриевской церкви села Исаева.

Как сложилась штатская жизнь отставного подпоручика Ивана Федоровича Шишкина — полностью выстроить сложно, но то, что ровной и спокойной она не была, можно сказать с уверенностью. Не находил ли он на гражданском поприще применения силам своим, свойства ли натуры его были таковы, но только долгое время по увольнении от службы приводил он в смущение Бувескую округу «предосудительными поступками».

Известно, что трижды Иван Федорович был под судом. Сначала в качестве жалобщика, затем — обвиняемого и, наконец, — должника, кредиторы которого, отчаявшись возратить ссуженные ему капиталы, обратились за помощь в казенные учреждения.

По первому делу вышел у него конфликт с буйским земским исправником Куломзиным и уездным стряпчим Волоцким. Сути конфликта мы не знаем, но была Иваном Федоровичем написана бумага на сих господ, по рассмотрению вопроса признанная «несправедливою». Тут же обнаружилось и «разные буйствующие поступки», к которым, якобы, склонен был сам жалобщик. Впрочем, опрос местных жителей (так называемый «повальный обыск», учиненный полицией) не показал чего-либо против г. Шишкина, благодаря чему от суда и следствия был он освобожден².

В 1837 году Иван Федорович вновь предстает перед судом — на этот раз обвиняемый в

причинении «насильственного блудодеяния» губернской секретарше вдове Фекле Кондаковой. Неизвестно, по чьему заявлению делу был дан ход, но если написала его сама г-жа Кондакова, то сделала это совершенно напрасно: ей не удалось доказать неуязвимость своей репутации, и по приговору суда последовала она в тюрьму «на трои сутки», а сверх того была подвергнута «церковному покаянию по распоряжению Костромской Духовной Консистории».

Подпоручика же Шишкина, «хотя и избобличенного, однако ж и со своей стороны не сделавшего решительного чем-либо противу улик опровержения, на основании 109 ст. Уголовных законов, т. 15 решили «оставить в подозрении, и с тем поручить земской полиции за образом жизни надзор»³.

Так и жил И.Ф.Шишкин с 1837 и до конца своих дней под надзором сначала буйской, а потом и костромской полиции.

К середине сороковых годов дети его подросли и старшие стали определяться на службу. Федор Иванович — писцом второго разряда в канцелярию Костромского предводителя дворянства, Аполлон Иванович — чиновником в Гражданскую палату. В 1843 году родитель их направляет прошение в Дворянское депутатское собрание о внесении его семейства в Костромскую дворянскую родословную книгу. Дело о решении этого вопроса погибло во время пожара Костромского архива, а вместе с ним и родословная дворян Шишкиных. О том, что прошение Ивана Федоровича было удовлетворено, свидетельствуют другие сохранившиеся источники — в журнале заседаний Дворянского собрания читаем:

«1846 года Генваря 17 день, четверток, в присутствии Костромского

Дворянского депутатского собрания... слушали:

...Указ из оной же Герольдии минувшего декабря от 21 числа за

№ 224560 об утверждении в дворянском достоинстве подпоручика

Ивана Шишкина и детей его: Федора, Аполлона, Ардалиона,

Александра, Надежды, Александры.

...Фамилию сию включить в список имеющий быть послан в

Герольдию за текущий год о дворянских фамилиях, кои полу-

чили о дворянстве своем законную достоверность, и сделать в

родословной книге заметку»⁴.*

«Заметка» была сделана во второй части указанной книги, куда вносились «роды дворянства, приобретенного чинами в военной службе».

В середине сороковых же годов сын Федор Иванович изъявил желание вступить в брак с воспитанницей губернского секретаря Василия Матвеевича Аристова, девицей Анной Николаевой, что благополучно и свершилось. Приблизительно в то же время покинула дом старшая дочь Надежда Ивановна, став супругой чиновника Костромской Палаты Госимуществ Василия Федоровича Розанова. Супруги Розановы поселились в уездном городке Ветлуге, куда был направлен по службе Василий Федорович.

Отставной же подпоручик И.Ф.Шишкин вел жизнь помещика, на службе нигде не состоял (по крайней мере, в документах об этом упоминаний нет) и делил свой досуг между Костромой и Высоковской усадьбой. Доходу его имение давало немного, и семейство стало впадать в бедность, обрастая долгами, чему немало способствовал и сам Иван Федорович.

На запрос шуйского предводителя дворянства относительно «образа жизни» г-на Шишкина от буйского предводителя дворянства был получен ответ, что означенный господин «ведет себя не соответственно званию дворянина. Частовременно занимается пьянством и в этом положении производит разные предосудительные поступки. С крестьянами и дворовыми людьми жесток, т[ак] ч[то] у него один только и остался человек, остальные же все разбежались...»⁵.

В 1848 году Буйский уездный суд начинает дело о долгах И.Ф.Шишкина. Всего должно было взыскать с него по заемным и закладным письмам — 1517 рублей серебром.

Среди кредиторов оказались Надежда Ивановна и Василий Федорович Розановы.

«Тысяча восемьсот сорок седьмого года июля 23 дня я, нижеподписавшаяся, из дворян Надежда Иванова дочь, урожденная Шишкина, а по мужу Розанова, по... заемному письму сумму триста рублей серебром с указанными процентами получила вместо заемщика от мужа моего Коллежского регистратора В.Ф. Розанова, в чем сию передаточную надпись и учинила, с тем, чтобы г. Розанов означенные деньги ... взыскивал уже с родителя моего..., для чего и передаю г. Розанову сие заемное письмо...»⁶.

Для молодой семьи, живущей на скромный заработок чиновника-письмоводителя, утрата столь значительной суммы была весьма ощутима, и В.Ф.Розанов, обращаясь в уездный суд, требует:

«...Дабы повелено было о взыскании 300 рублей с указанными процентами с заемщика тестя моего... учинить должное распоряжение... — в случае же несостоятельности присту-

** Дело обнаружено ст. н. сотрудником ГАКО Натальей Львовной Кряжевой.*

пить, соразмерно иску, к описи имения Г.Шишкина, заключающегося по сельцу Высокову в усадебных строениях с принадлежностями какие окажутся, и землю усадебною, пахотную землю, пустошах... и лесных дачах, и продаже оногo на законном основании, а вырученными деньгами — удовлетворить меня...»⁷.

Столь же решительно приступали и другие кредиторы; некоторые из них, отдав последние деньги и не получив их обратно в положенный срок, сами оказались в отчаянном положении.

Дело было тяжелое, разорительное и тянулось четыре года. Вышел из него Иван Федорович свободным от долгов, но практически нищим. Было продано все: и земли, и лес, и луга... Правда, оставался дом, но в нем уже никто из хозяев не жил.

Шишкины перебрались на постоянное жительство в Кострому, где сняли квартиру во 2-ой, Константиновской, части — в доме мещанина П.А.Белянкина (позднее переехали в 3-ий квартал той же части — в дом мещанки Колоткиной)⁸. Надо было как-то жить, и вот в 1854 году, окончательно и бесповоротно разуверившись в своей пригодности к штатской жизни, уже стареющий — почти 55-ти лет — Иван Федорович подает прошение о принятии его вновь в военную службу.

В это время в России шла Крымская война. Была объявлена мобилизация. Возможно, это напомнило отставному подпоручику дни ранней юности, пробудило боевой дух; а, может, им двигала надежда уйти наконец-то от всех проблем, так упорно и долго преследующих его (которые, впрочем, и сам он умел так мастерски порождать). И пока костромская «градская полиция» проводила «секретное дознание» о поведении пожелавшего вступить в военную службу поднадзорного подпоручика⁹, Иван Федорович занимался не менее серьезным делом:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я, раб Божий, из дворян подпоручик Иван Федоров сын Шишкин, отправляясь из места жительства моего из города Костромы в Санкт-Петербург для поступления в Военную Его Императорского Величества службу, в которой по настоящим военным действиям может и постигнет меня смертный час, заблагорассудил... оставить после меня движимому и недвижимому моему имению... следующее распоряжение...»¹⁰.

...Иван Федорович составлял завещание. И, вопреки положенным правилам, за неимением гербовой, запечатлел он последнюю волю свою на простом листе бумаги, отписав все «имущество» — несколько крепостных, которые давно находились в бегах и неизвестно, были ли вообще живы, — жене своей Авдотье Андреевне «в полное ея распоряжение, с предоставлением ей (права. — И.Т.) заложить или продать, как ей угодно будет». В случае же смерти ее — детям: Александре, Ардалиону и Александру. Надежда Ивановна Розанова в завещании упомянута не была.

Тем временем выяснилось, что со стороны «градской полиции» нет никаких возражений к поступлению на военную службу г. Шишкина: секретное дознание отрекомендовало его как человека в последнее время «не подавшего... повода сказать о нем что-либо предосудительное». Но судьба распорядилась иначе...

В прошении, написанном Иваном Федоровичем в 1855 году о выдаче копии с протокола Дворянского депутатского собрания, подтверждающей дворянское происхождение сына Александра, есть приписка: «... сие прошение по болезни моей верю подать и получить просимую копию жене моей Авдотье Андреевне»¹¹.

А еще через год Авдотья Андреевна, обращаясь в Буйский уездный суд, сообщает: «...Муж мой из дворян подпоручик Иван Федоров Шишкин ...3 числа февраля 1856 года Волею Божией скончался...»¹².

Супруга пережила его ненадолго. В метрических книгах Алексеевской церкви г. Костромы записано так: «Вдовая поручица Евдокия Андреевна Шишкина февраля 1857 года в 23 день от водяной болезни помре...»¹³.

* * *

Спустя 2 месяца после смерти подпоручика И.Ф.Шишкина 20 апреля 1856 года в городе Ветлуге Костромской губернии родился его внук — Василий Васильевич Розанов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАКО, ф.122, оп.1, д.1570.

² ГАКО, ф.122, оп.1, д.2636.

³ Там же.

⁴ ГАКО, ф.121, оп.1, д.3629.

⁵ ГАКО, ф.122, оп.1, д.1960.

⁶ ГАКО, ф.84, оп.1, д.880.

⁷ Там же.

⁸ ГАКО, ф.121, оп. 3, д.108.

⁹ ГАКО, ф.122, оп.1, л.2636.

¹⁰ ГАКО, ф.84, оп.11, д.1200.

¹¹ ГАКО, ф.121, оп.3, д.108.

¹² ГАКО, ф.84, оп.11, д.1200.

¹³ Там же.

А.БЛОК И В.РОЗАНОВ

Период конца XIX — начала XX века в истории русской культуры необычайно богат творческими индивидуальностями. При их изучении настоятельно требуются широкий контекст привлекаемых материалов и сопоставительные исследования. По отношению к А.Блоку эта задача так или иначе решается в многочисленных работах, ему посвященных, хотя и здесь немало непроясненных вопросов и «белых пятен». Научная же разработка наследия В.Розанова находится лишь в самой начальной стадии, и его личные и творческие контакты почти не изучались. Между тем творчество Розанова интересовало и вызывало отклик многих крупных философов, писателей, поэтов конца XIX — начала XX века. Не был исключением и А.Блок.

В рамках предлагаемой статьи нам хотелось бы приблизиться к реконструкции взаимоотношений Блока и Розанова, которых, по свидетельству А.Белого, во многом объединяла способность чувствовать «апокалипсический ритм времени»¹.

Первое упоминание о Розанове находим в блоковских записных книжках от 30 октября 1902 года². Судя по указанной записи, в это время Блок относится к творчеству Розанова настороженно и даже враждебно, находя в нем ярко выраженные черты «декадентства».

Начало личных контактов Блока и Розанова связано с сотрудничеством в журнале «Новый путь», посещением кружка Мережковских³. Так, соредактор З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского по «Новому пути» П.П.Перцов вспоминает: «В не лишенных остроумия пародийных фельетонах Буренина того времени появлялся, во всяком случае, в нашей «новопутейской» компании поэт Блок вместе с философом Мистизмом Мистизмовичем Миквой (Вас. Вас. Розанов)»⁴. Несмотря на то, что Буренин парадоксально соединил Розанова и Блока в своих ядовитых фельетонах, в этот период между ними активнее действовали силы отталкивания, а не притяжения.

Хотя близкий друг Блока Е.П.Иванов «вполне и безраздельно пылал Розановым», поэт не разделял этого увлечения, о чем прямо заявил в письме к С.М.Соловьеву от 8 марта 1904 года⁵. А несколько ранее, 23 февраля 1904 года, Блок писал А.В.Гиппиусу: «Новый путь» читаю, В.В.Розанова перевариваю с трудом» (VIII, 92).

(В это время Розанов печатает в «Новом пути» в особой рубрике «В своем углу» такие работы, как «Психика и быт студенчества», «Среди обманутых и обманувшихся», «Американизм и американцы» и др.).

Более того, Блок чувствует мистическую опасность, исходящую от Розанова. Он пишет А.Белому 7 апреля 1904 года: «Иногда я вдруг сознаю в твоём существовании большую поддержку. Письмами, подобными Твоему последнему, Ты схватываешь меня за локоть и кричишь: «Не попади под извозчика!» А извозчик — В.В.Розанов — едет, едет — день и ночь — с трясущейся рыженькой бороденкой, с ямой на лбу (как у Розанова)» (VIII, 99). Как видим, в этом письме образ Розанова мифологизирован поэтом: философ принимает зловещий облик «извозчика», едущего, не разбирая дороги.

В 1905 году поэт и философ встречаются на «средах» у Вяч. Иванова, а также на «шумных собраниях» у самого Розанова⁶. Может быть, там Блок услышал суждения Розанова о давнем его оппоненте В. Соловьеве⁷, заставившие поэта вступить в заочную полемику с философом в письме к Г.Чулкову от 23 июня 1905 года. Стремясь защитить своего духовного наставника от нападок «лукавого мистика» (Г.Чулков), Блок замечает: «От Соловьева поднимался такой вихрь, что я не хочу согласиться с его пониманием в смысле черного разлада, аскетизма и смерти. (...) Еще в Соловьеве, и именно в нем, может открыться и Земля, и Орфей, и пляски, и песни!.. а не в Розанове, который тогда был именно противовесом Соловьева, не ведая лика Орфеева. Он Орфея не знает и поныне, и в этом пункте огромный, пышный Розанов весь в тени одного Соловьевского сюртука» (VIII, 128, 129).

1907-1909 гг. отмечены для Блока и Розанова напряженным интересом к личности и творчеству друг друга. В это время оба они активно участвуют в заседаниях Религиозно-философского общества. Некоторые понравившиеся замечания, высказанные Розановым на заседаниях общества или в печати,

Блок заносит в записную книжку (см.: ЗК, 100, 109). Определенным итогом наблюдений за заседаниями в Религиозно-философском обществе становится запись от 29 октября 1908 года: «Интеллигенция (о церкви я опять-таки не говорю) перестала друг другу верить, перестала слушать друг друга, понимать друг друга, и нечего радоваться тому, что 2-3 человека, как В.В.Розанов и В.А.Тернавцев, интересуются друг другом и слушают друг друга. Их спор — замечательный спор, но его можно слушать только в более благополучное время. Теперь все слишком неблагоприятно» (ЗК, 119).

Подчеркивая, что в России «все обстоит необыкновенно, страшно неблагоприятно», поэт настойчиво говорит о трагическом разрыве, пропасти, разделяющей народ и интеллигенцию, предчувствует приближение катастрофических событий в русской истории (см.: ЗК, 119).

Эти же мысли и настроения Блок развивает в статье «Литературные итоги 1907 года», где отрицательно оценивает деятельность Религиозно-философского общества. Поэт пишет: «Образованные и ехидные интеллигенты, поседевшие в спорах о Христе и антихристе, дамы, супруги, дочери, свояченицы в приличных кофточках, многодумные философы, попы, лоснящиеся от самодовольного жира, — вся эта невообразимая и безобразная каша, идиотское мелькание слов. (...) А на улице — ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, людей вешают, а в стране — реакция, а в России — жить трудно, холодно, мерзко. Первый опыт показал, что болтовня была ни к селу ни к городу. Чего они достигли? Ничего.» Переходя на персоналии, Блок, в частности, противопоставляет литературную и религиозно-философскую деятельность Мережковского и Розанова: «Не этим достигнута всесветная известность Мережковского (...) И не нововременством своим и не «религиозно-философской» деятельностью дорог нам Розанов, а тайной своей, однодумьем своим, темными и страстными песнями о любви. Между романами Мережковского, книгой Розанова и их же докладами в религиозных собраниях целая пропасть» (V, 210-212).

Поэт приходит к выводу о бессмысленности, безнравственности интеллигентских религиозных исканий, превращающихся в «словесный кафешантан» на тему о Боге, в силу оторванности их от народной почвы (см.: У, 212-216). Блок замечает: «Но ведь они говорят о Боге, о том, о чем можно только плакать одному, шептать вдвоем, а они занимаются этим при обилии электрического света; и это — тоже потеря стыда, потеря реальности. (...) Ведите, ведите интеллигентскую жизнь, просвещайтесь. Только не клоните носом, не перемалывайте из года в год одну и ту же чепуху и, главное, не думайте, что простой человек придет говорить с вами о Боге» (V, 216).

Бесплодности интеллигентских религиозных исканий поэт противопоставляет религиозные чаяния народа, которые, по его мнению, воплощаются в сектанстве, «грозном» явлении, «которое растет в России». Для подтверждения своих мыслей Блок цитирует письмо к нему крестьянского поэта Н.Клюева, вышедшего из старообрядческой среды, который в это время персонифицировал для поэта ту самую сектантскую, то есть религиозно-патриархальную Россию «сжигающего Христа», к которой художник настойчиво стремился.

На статью Блока Розанов отвечает фельетоном «Автор «Балаганчика» о петербургских религиозно-философских собраниях», напечатанным в «Русском слове» (от 25 января 1908 года). Скрываясь за псевдонимом Варварин, Розанов пишет: «(...) явно — Блок не имеет никакого понятия, кроме внешнего и театрального, о религии, а, может быть, и о поэзии»⁸. Достается от Розанова и Клюеву, который в фельетоне назван «мужиком, взятым откуда-нибудь из ресторана, где он имел достаточно поводов завидовать кутящим господам»⁹. В результате Розанов отрицает раскол между народом и интеллигенцией, который так тревожит Блока. Иначе он смотрит и на деятельность Религиозно-философского общества. Так, Розанов резюмирует: «Религиозно-философские собрания в Петербурге я считаю одним из лучших явлений петербургской умственной жизни и даже нашей русской умственной жизни за все начало нашего века»¹⁰.

Реакция Блока на едкие уколы Розанова выразилась в письме к Е.П.Иванову от 31 января 1908 года. Поэт возмущенно пишет своему другу: «Вчера Чулков принес фельетон Розанова. Я машу рукой, и без того дела много. Это литературно неприлично. Всю ругань я, конечно, принимаю к сердцу и думаю, что ругаться можно и должно. Хочется выворачивать наизнанку свою душу, чтобы разругались все до конца, наконец. Но когда при этом сочиняются легенды, очень стыдно за авторов и не хочется быть с ними знакомыми. Потому за Розанова я действительно покраснел: ничего он не понимает здесь, полагая, что мне «так» весело. Не теряя к нему уважения вообще, не хотел бы подавать ему руки» (VIII, 228). С цитированным письмом перекликаются воспоминания В.П.Веригиной. В частности, мемуаристка

отмечает: «В одно из посещений Галерной мы нашли Блока взволнованным и рассерженным. Он нам сейчас же показал номер «Русского слова» с ругательной статьей Розанова по его адресу (...). (...) Александр Александрович, сердясь, говорил: «Это свинство, я не подам ему руки», и действительно, так и сделал, высказав при этом свое негодование Розанову. Однако тот, как ни в чем не бывало, держал свою руку протянутой и говорил: «Ну вот еще, стоит сердиться, Александр Александрович. Вы задели мою свояченицу, я отомстил вам»¹¹.

Воспоминания Веригиной опровергает сам Розанов, которому, думается, есть больше оснований доверять. Он с удивлением замечает в «Опавших листьях»: «(...) после оскорбительной статьи о нем — он издали поклонился, потом подошел и протянул руку. Что это такое — совершенно для меня непостижимо»¹². Об этом же пишут в своих воспоминаниях В.А.Зоргенфрей¹³ и Э.Голлербах¹⁴. Отсутствие озлобления у Блока было очень важно для Розанова, декларировавшего в качестве первоосновы бытия общечеловеческое: «Может быть, я расхожусь не с человеком, а только с литературой. Разойтись с человеком страшно. С литературой — ничего особенного»¹⁵.

Примечательно, что именно 1908 год, несмотря на полемику в печати, становится для Блока и Розанова временем наибольшего личного сближения. Любопытно, что Блок признается в письме к матери от 6 ноября 1908 года: «Мне было очень долго страшно тяжело и скучно, как, вероятно, тебе бывает. Последние дни полегчало. Одна из причин этого Розанов, который страшно просто и интимно рассказал мне свою жизнь и как-то показался мне близким (хотя и непонятным) человеком» (VIII, 259). В свою очередь, Розанов также притягивает личность Блока. Как вспоминает А.Белый, при случайной встрече с ним в 1908 году Розанов «(...) выразил немотивированный интерес к А.А.Блоку, к жене его, к матери, к отчиму (...)»¹⁶.

Однако, взаимный интерес к личности друг друга растет прямо пропорционально идейным разногласиям, возникающим между Блоком и Розановым. Так, блоковский доклад «Стихия и культура», прочитанный в Религиозно-философском обществе 30 декабря 1908 года, затем переработанный в статью, рождает новый «критический залп»: полемические заметки Розанова в «Новом времени». В докладе Блок опять затрагивает проблему сектанства, цитируя письмо Н.Клюева и письмо одного сектанта Д.С.Мережковскому. Поэт видит две силы в русском народе: первая воплощена, по его мнению, в «народе православном, убаюканном казенкой, с водкой в церковных подвалах, с пьяными попами», вторая — это «сжатая огненная сила» сектанства. В обычное время эти силы противостоят друг другу. Но «в дни приближения грозы», считает поэт, эти силы «не продадут друг друга, потому что — стихия с ними, они — дети одной грозы...» (V, 359). Блок поэтизирует стихию народного гнева, подчиняя ей культуру: «Перед лицом разбушевавшейся стихии приспущен надменный флаг культуры» (V, 359).

Откликаясь на доклад Блока, в заметке «Литературные симулянты» насмешливый Розанов пишет: «С лицом мертвеца, — соглашаюсь, красивого мертвеца, — и загробным голосом поэт Блок читает о землетрясении в Мессине и связи этого землетрясения с русской интеллигенцией»¹⁷. В заметке «Трагическое остроумие» Розанов обвиняет Блока в «глубокой безжалостности поэтического сердца», стремящегося «приукрасить факт мессинского землетрясения, сделать его апокалиптичнее»¹⁸. Наконец, в заметке «Попы, жандармы и Блок», споря с поэтом, философ заявляет, что для русского народа «ненасытимо необходима» бытовая церковная обрядность: «храм с горящими свечами, и канун, и сорокоуст»¹⁹.

Желание Блока объясниться с Розановым вызывает к жизни переписку, которая выходит за рамки личных отношений, но справедливо воспринимается исследователями как значительное явление культурной жизни начала XX века. В письме от 17 февраля 1909 года Блок пишет: «Я очень рад именно тому, что я имею право возразить Вам как представитель группы лиц; и потому возражать я буду меньше всего глубокому мистика и замечательному писателю Розанову, — больше всего — «нововременцу» В.В.Розанову. Великая тайна, и для меня очень страшная, — то, что во многих русских писателях (и в Вас теперь) сплетаются такие непримиримые противоречия, как дух глубины и пытливости и дух... «Нового времени»²⁰ (VII, 274). Поэт отказывается принять обращенные к нему Розановым упреки в «жестокости»: «Ведь я, Василий Васильевич, с молоком матери впитал в себя дух русского «гуманизма». Дед мой — А.Н.Бекетов, ректор СПб. университета, и я по происхождению и по крови «гуманист», т.е., как говорят теперь, — «интеллигент». (...) Так вот не мальчишество, не ребячество, не декадентский демонизм, но моя кровь говорит мне, что смертная казнь и всякое уничтожение и унижение личности — дело страшное, и потому я (...) не желаю встречаться с Пуришкевичем или Меньшиковым, мне неловко

говорить со сколько-нибудь важным чиновником или военным, я не пойду к пасхальной заутрене к Исакию, потому что не могу различить, что блестит: солдатская каска или икона, что болтается — жандармская епитрахиль или поповская нагайка» (VIII, 274, 275).

Получив письмо Блока, Розанов на отдельном листе делает помету: «Александр Блок. Прелестный, «истинно русский»²¹. Думается, что за этой фразой нет никакой двусмысленности. Эта запись лишний раз свидетельствует, что для Розанова — поверх всех идейных разногласий и литературных раздоров — всегда было важнее человеческое лицо Блока, поражающее своим благородством.

Розанов тут же отвечает Блоку. Свое письмо (от 18 февраля 1909 года) он начинает словами: «Дорогой и конечно — по-прежнему милый А.А.!»²² Тайновидец Розанов, видя «софизм в душе» поэта, указывает: «(...) тут не «кровь» в Вас говорит «не убий», а разум — всегда плутыга — разум — подсказывающий — «перевешать надо правительство, и за то, что оно вешает». Но ведь это — предлог («что оно вешает»), а в сущности, просто хочется повесить»²³. Философ говорит о глубинной склонности к оправданию насилия, которая живет в душе человека: «И вот тут зарыт в нас древний Каин, это древнее — «дай полизать крови», от которого (по-моему) люди только и отделялись древними жертвоприношениями»²⁴. Не принимая насилия как такового, Розанов пишет: «Все это противно, и для меня революция так же противна, как «сабли наголо» и жандармы, а «пропагандист» с книжками ничуть не милее дьячка с Господи помилуй»²⁵. Неожиданно Розанов солидаризируется с Блоком в отрицательной оценке современного направления деятельности Религиозно-философского общества. Он, в частности, отмечает: «Мне враждебен не столько идейный поворот религиозно-философских собраний, (хотя и он враждебен), сколько измена Мережковских тому духу товарищества, какой был с 1902-1903 гг. и с каким все было начато»²⁶.

Письмо Розанова, полученное 19 февраля 1909 года, было скопировано Блоком. Очевидно, вначале поэт хотел опубликовать его вместе со своим ответом. В письме к Розанову (от 20 февраля 1909 года) Блок выходит на самые болезненные вопросы современности, причем определяется позиция, совершенно отличная от розановской: «А я хочу сейчас только сказать Вам в ответ свои соображения по важнейшему для меня пункту Вашего письма: о терроре. Страшно глубоко то, что Вы пишете о древнем «дай полизать крови». Но вот: сам я не «террорист» уже по тому одному, что «литератор». Как человек, я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных, будь то Плеве, Трепов или Игнатъев. И, однако, так сильно озлобление (коллективное) и так чудовищно неравенство положений — что я действительно не осужу террора сейчас» (VIII, 277). Споря с Розановым, Блок неожиданно призывает себе в союзники самого Розанова. Он пишет: «Ведь правда всегда на стороне «юности», что красноречиво подтверждали и Вы своими сочинениями всегда». Из сказанного в письме поэт делает категорический вывод: «Современная русская государственная машина есть, конечно, гнусная, вонючая старость, семидесятилетний сифилитик, который пожатием руки заражает здоровую юношескую руку. Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица» (VIII, 277).

Суть разногласий, возникших в ходе переписки с Розановым, Блок продолжает осмыслять и в записных книжках (запись от 15 июля 1909 года): «Я (мы) не с теми, кто за старую Россию (Союз русского народа, сюда и Розанов!), не с теми, кто за европеизм (социалисты, к.-д., Венгеров, например), но — за новую Россию, какую-то, или — за «никакую» (ЗК, 154). В письме к А.Белому от 19 декабря 1910 года поэт стремится поставить точки над «и» в идейном размежевании с Розановым: «Больше не буду делать попыток к сближению: для меня неприемлем Мережковский, как его сверстники — Розанов и Минский» (VIII, 323).

Но важно, что параллельно отталкиванию у Блока существует и притяжение к творчеству Розанова. Так, книга последнего «Итальянские впечатления» (СПб., 1909) становится для поэта одним из импульсов к созданию цикла «Итальянские стихи» и лирической прозы, вошедшей в книгу «Молнии искусства. Итальянские впечатления» (см.: ЗК, 152). (Степень влияния книги Розанова на Блока еще предстоит исследовать литературоведам). О том, что магия личности Розанова действует на Блока и в пору идейных разногласий, косвенно свидетельствуют письма Блока к Л.Д.Блок от 9 декабря 1909 года и к С.К.Маковскому от 29 декабря того же года (см.: VIII, 278; 300).

В последующие годы (1910-1916) духовный облик Розанова продолжает для Блока двоиться. В дневниковой записи от 14 ноября 1911 года появляется образ Розанова, олицетворяющего кошмары «Нового времени», черносотенной толпы (см.: VII, 87-89). А в записях от 16 ноября и 24 декабря 1911

года Блок сочувствует Розанову, которого изгоняют из газеты «Русское слово» за беспринципность, за сотрудничество в «Новом времени». Поэт с горечью замечает: «У меня при таких событиях все-таки сжимается сердце: пропасть между личным и общественным. Человека, которого бог наградила талантом, маленьким или большим, непременно, без исключений, на известном этапе его жизни начинают поносить и преследовать — все или некоторые. Сначала вытаскают, потом преследуют — сами же. Для таланта это драма, для гения — трагедия. Так должно, ничего не поделаешь, талант — обязанность, а не право. И «нововременство» даром не проходит» (VII, 107). К этой же записи примыкает запись от 27 декабря 1911 года, которая свидетельствует о том, что «болезненными рассказами о Розанове» тревожил Блока Е.П.Иванов. «Все, что о нем слышишь в последнее время («Русское слово», Мережковские, Философов, Руманов), — тягостно», — заключает поэт (VII, 113).

Но не потому ли Блока так интересуется личность Розанова, что поэт чувствует с ним глубинное родство в склонности к «музыкальному», лирическому восприятию мира, в стремлении к беспредельной искренности, исповедальности²⁷. «(...) Великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений «исповеднического» характера. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжег себя дотла (...) — только оно может стать великим», — под этими словами Блока, наверное, мог подписаться и Розанов (V, 278). Для обоих: Блока и Розанова — также характерно умение понять другого человека, терпеливо выслушать его исповедь, заинтересованно и бережно отнестись к тайнам его душевной жизни. Не случайно героиня блоковского эссе «Дневник женщины, которую никто не любил» (1912), ««приносит поэту свой дневник, «пугающий по временам (...) искренностью», со словами: — «Меня направил к вам один студент. Он сказал, что такой дневник, как мой, можно показать Розанову и Блоку. Но Розанов пишет в «Новом времени», потому я пришла к вам» (VI, 32).

Мощным фактором притяжения Блока к Розанову явилось знакомство поэта с «Опавшими листьями». Блок записывает в дневнике 20 апреля 1913 года: «Взял у мамы «Опавшие листья» Розанова, экземпляр с надписью. Читаю и на ночь и утром» (VII, 239). Книга Розанова стала для поэта откровением, чудом, которым он хотел поделиться с другими. «(...) Прочтите замечательную книгу Розанова «Опавшие листья». Сколько там глубокого о печати, о литературе, о писательстве, а главное — о жизни», — отмечает Блок в письме к В.М.Отроковскому от 23 апреля 1913 года (VIII 417). А в письме к С.А.Богомолу от 1 мая 1913 года он называет «Опавшие листья» «удивительной книгой» (VIII, 421).

Дневниковая запись от 26 апреля 1913 года свидетельствует о том, что Блок не преминул высказать свое восхищение книгой самому автору, встретя его на концерте Шаляпина. Мы читаем в блоковском дневнике: «Встретил В.В.Розанова и сказал ему, как мне нравятся «Опавшие листья». Он бормочет, стесняется, отнекивается, кажется, ему немного все-таки приятно» (VII, 240).

В ноябре 1913 года встает вопрос об исключении Розанова из Религиозно-философского общества за «общественно-вредительные» статьи²⁸, касающиеся дела Бейлиса. Как свидетельствуют записи в записных книжках от 19 и 26 января 1914 года, Блок участвует в обоих заседаниях, посвященных исключению Розанова. После первого собрания, на котором не было кворума, поэт записывает: «Полная раздавленность после религиозно-философского собрания» (ЗК, 202).

В воспоминаниях Е.М.Тагер воспроизведена атмосфера собрания, на котором Розанова исключили из Религиозно-философского общества. В защиту Розанова, как отмечает мемуаристка, выступил литературовед Е.В.Аничков, заявивший о том, что «нельзя судить мыслителя за его мысли»²⁹. Аничкова поддержал Е.П.Иванов. В воспоминаниях Тагер читаем: «Как «рыцарь бедный» стоит перед толпой худощавый, рыжеватый Е.П.Иванов; мольбой и рыданием звенит его тихий голос, отчаяние на его бледном, страдальческом лице: «Богом молю вас, — не изгоняйте Розанова! Да, он виновен, он низко пал, — и все-таки не отрекайтесь от него! Пусть Розанов болото, — но ведь на этом болоте ландыши растут!»³⁰. Какова же была позиция Блока? Мемуаристка так описывает его поведение: «Он непроницаем. Чем больше шумят и волнуются в зале, тем крепче замыкается он в себя. Неподвижны тонкие правильные черты. Он весь застыл. Это уже не лицо, а строгая античная маска. С кем он? За кого он? Ведь Аничковы его личные друзья. Е.П.Иванову он стихи посвящал... Убедили его эти люди? Согласен он с ними? Не понять»³¹. По словам Тагер, поэт все-таки голосовал за исключение. Думается, это утверждение еще нуждается в перепроверке.

Как бы то ни было, и впоследствии Блок не перестает интересоваться творчеством Розанова. Он с радостью встречает выход из печати «Второго короба» «Опавших листьев» Розанова (см.: ЗК, 267).

Новое упоминание о Розанове встречаем в статье Блока «Судьба Аполлона Григорьева» (1915). Там поэт делает вывод, что Розанов — духовный наследник А.Григорьева. Это сопоставление в устах Блока звучало высочайшей похвалой. Блок призывает сравнить высказывания из писем А.Григорьева с отрывками из замечательных книг Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья». Наслаждаясь глубиной мысли, которую он нашел в письмах А.Григорьева, Блок заключает: «И какая близость с самой яркой современностью, с «Опавшими листьями» Розанова. Ведь эти отрывки из писем — те же «опавшие листья» (V, 518). «Вечным возвращением «кажется поэту происходящее в настоящем: «Вот уже пятьдесят лет, как Григорьев не сотрудничает ни в каких журналах, ни в «прогрессивных», ни в «ретроградных», — по той простой причине, что он умер. Розанов не умер, и ему не могут простить того, что он сотрудничает в каком-то «Новом времени». Надо, чтобы человек умер, чтобы прошло после этого пятьдесят лет. Тогда только «Опавшие листья» увидят свет божий. Так всегда. А пока — читайте хоть эти листья, полвека тому назад опавшие, пусть хоть в них прочтете о том же, о чем вам и сейчас говорят живые. Живых не слышите, может быть, хоть мертвого послушаете» (V, 518).

Октябрьскую революцию Блок и Розанов воспринимают, как известно, совершенно по-разному, оставаясь при этом верными себе, тем мыслям, которые высказали друг другу в 1909 году. Блок восторженно встретил революцию, написав «Двенадцать», Розанов же воспринял ее как национальную катастрофу и оплакал «конец России».

Однако, несмотря на это, судьба Розанова не перестает волновать Блока. 11 ноября 1918 года поэт фиксирует ложный слух о том, что «расстрелян В.В.Розанов (за брошюру о Николае II)» (ЗК, 435). Эта запись парадоксально монтируется с упоминанием о «полной революции в Германии» и «делах с «Двенадцатью». В таком сочетании — трагический отзвук времени. 21 января 1919 года Блок отмечает: «Розанов жив, Горький послал ему 2000 рублей» (ЗК, 446). И, наконец, запись от 21 февраля 1919 года: «Известие о смерти Розанова» (ЗК, 446).

27 июня 1919 года к Блоку обращается с письмом Н.В.Розанова, которая сообщает, что приступает к изданию сочинений Розанова. Она просит Блока предоставить ей возможность снять копии с письма Розанова к Блоку, а также написать воспоминания об ее отце. Поэт наполовину выполняет просьбу дочери Розанова. Он отмечает в письме к ней от 9 июля 1919 года: «Письмо (Розанова. — Н.К.) очень драгоценно; я очень хотел бы написать вокруг него несколько воспоминаний, но сейчас не могу сделать этого. Если удастся, я проведу через журнал и пришлю Вам отпечаток или корректурный лист»³². Со своей стороны Блок тоже обращается к Надежде Васильевне Розановой с просьбой прислать ему последнюю работу философа «Апокалипсис нашего времени». Поэт подчеркивает в письме: «(...) очень бы надо мне было эту книгу»³³. Получив из Сергиева Посада «Апокалипсис нашего времени», Блок читает его с карандашом в руках. (Пометы и подчеркивания, сделанные поэтом на страницах розановского «Апокалипсиса», нуждаются в расшифровке и специальном изучении).

15 сентября 1920 года с письмом к Блоку обращается Э.Ф.Голлербах, близко знавший Розанова, предлагая редакции журнала «Записки мечтателей» неизданные письма философа»³⁴. Блок 17 сентября 1920 года отвечает адресату: «2 номер «Записок мечтателей» уже набирается, а 3 будет неизвестно когда. Если Вас это не смущает, пришлите мне посмотреть копии писем Розанова» (VIII 530). В письме от 7 октября 1920 года поэт называет присланное ему письмо Розанова к Голлербаху «значительным»³⁵. Сам Голлербах указывает в воспоминаниях о Блоке: «Блок интересовался Розановым, писал о нем несколько раз, просил меня прислать несколько писем Розанова в копиях»³⁶. Однако, письма Розанова в «Записках мечтателей» так и не были опубликованы (вышли в Берлине в 1922 году), не реализовался и блоковский замысел воспоминаний о Розанове. 18 июня 1921 года в список «архивных» материалов, которые были «преданы огню», поэт включил и материалы 1913 года: «Бейлис и поход на Розанова в «Религиозно-философском обществе» (VII, 422).

Ненадолго пережив Розанова, Блок в одном из своих последних писем к Чуковскому (от 26 мая 1921 года) совершенно «по-розановски» прощается с Россией: поэт переосмысливает розановский образ «России — Свиньи Матушки», в свое время так поразивший Д.С.Мережковского³⁷. Поэт пишет: «(...) слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка» (VIII, 537).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белый Андрей. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке.//Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. — М., 1980. — Т.1. — С.207-208.

² Блок А. Записные книжки. — М., 1965. — С.23. Дальнейшее цитирование по этому изданию будет проводиться в тексте в форме: ЗК, № страницы.

³ См.: Гиппиус Зинаида. Задумчивый странник: О Розанове.//Гиппиус Зинаида. Живые лица: Воспоминания. — Тбилиси, 1991. — С.106; Чулков Георгий. Александр Блок и его время.//Александр Блок в воспоминаниях современников. — Т.1. — С.351-352.

⁴ Перцов Петр. Ранний Блок.//Александр Блок в воспоминаниях современников. — Т.1.-С.203.

⁵ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. — М.-Л., 1963. — Т. VIII. — С.94. В дальнейшем цитаты по этому изданию даются в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

⁶ Белый Андрей. Начало века. — М., 1990. — С.348; Белый Андрей. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — С.303.

⁷ О полемическом характере взаимоотношений Розанова и Соловьева см.: Голлербах Э.Ф. В.В. Розанов: Жизнь и творчество. — Пг., 1922. — С.30-47.

⁸ Русское слово. — 1908. — 25 января.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Веригина В.П. Воспоминания об Александре Блоке.//Александр Блок в воспоминаниях современников. — Т.1. — С.445-446.

¹² Розанов В.В. Опавшие листья: Короб первый.//Розанов В.В. Уединенное. — М., 1990. — Т.2. — С.352.

¹³ Зиргенфрей В.А. Александр Александрович Блок.//Александр Блок в воспоминаниях современников. — Т.2. — С.35.

¹⁴ Голлербах Э. Образ Блока: Воспоминания и впечатления.//Звезда. — 1990. — № 11. — С.159.

¹⁵ Отмечено: Николукин А.Н. В.В.Розанов: Писатель нетрадиционного мышления. М., 1990. — С.21-22.

¹⁶ Белый Андрей. Начало века. — С.481.

¹⁷ Новое время. — 1909. — 11 января.

¹⁸ Новое время. — 1909. — 9 февраля.

¹⁹ Новое время. — 1909. — 16 февраля.

²⁰ Вл. Пяст в своих «Воспоминаниях о Блоке» говорит о том, что «Новое время» поэт «очень не любил (за исключением Розанова да Буренина, в чьих выходках по адресу себя Блок видел объективное мерило литературной собственной ценности(...)).» (Александр Блок в воспоминаниях современников. — Т.1. — С.381).

²¹ Блок. А.А. Переписка: Аннотированный каталог. — М., 1975. — Вып. 1. — С.357.

²² Цит. по: Беляев С.А., Флейшман Л.С. Из блоковской переписки.//Блоковский сборник. II. — Тарту, 1972. — С.402.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См.: Синявский А. Преодоление литературы.//Наше наследие. — 1989. — № 1.— С.84; Николюкин А.Н. Указ. соч. — С. 12-15.
- ²⁸ См.: Гиппиус Зинаида. Указ. соч. — С.119.
- ²⁹ Тагер Е.М. Блок в 1915 году.//Александр Блок в воспоминаниях современников.-Т.2.—С. 103.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Цит. по: Блоковский сборник II.— С.402.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См.: Блок А.А. Переписка: Аннотированный каталог. — М., 1979. — Вып.2. — С.191.
- ³⁵ Ученые записки ТГУ. — Тарту, 1962. — Вып. 119. — С.396-397.
- ³⁶ Голлербах Э. Образ Блока: Воспоминания и впечатления. — С.157.
- ³⁷ См.: Мережковский Дмитрий. Свинья Матушка.//Мережковский Дмитрий. Больная Россия.—Л., 1991. — С.169-170.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ КОСТРОМЫ В 1930-Е ГОДЫ

Сегодня мы знаем о деформации литературной жизни 1930-х годов под прессом бюрократического абсолютизма так много, что правильнее было бы говорить о ее несчастном существовании в условиях тоталитарной идеологизации искусства. Одной из задач современного литературного краеведения является воссоздание картины литературного процесса этой самой страшной эпохи в жизни страны, ее регионов и областей.

Что происходило в эти годы в Костроме?

То же, что и везде. Город и область были охвачены ужасом.

1930-й год начался очередной кампанией под лозунгом: «В штыки встретим рождественскую шарлатанскую атаку попов!» («Сев. правда», 1930, 4 янв.). Днем раньше газета объявила: «Фабкомы должны сегодня и завтра усилить работу по сбору икон для сожжения... Сожжение икон состоится 5 января в 10 час. на площади около горсовета...». Сообщалось, что за год в Костроме закрылось 14 церквей, государству было сдано 114 колоколов весом более 114 тонн. В январе и феврале, на которые пришелся первый пик сплошной коллективизации, газета выходила с угрожающими заголовками: «Прекратить хищническое истребление скота!», «Раздавить, уничтожить кулака!» и т.п.

Все крупные политические процессы в Москве резонировали в провинции. В конце 1930 г., во время процесса Промпартии, в Костроме и районах были спровоцированы митинги рабочих и крестьян под лозунгами: «Расстрелять контрреволюционеров и вредителей!», «Требуем к изменникам делу социализма применения высшей меры!» Все это позже практиковалось в течение всего кровавого десятилетия, особенно после убийства Кирова в 1934 г., во время судов над «левой» и «правой» оппозицией в партии, над маршалом Тухачевским. Привычной стала практика перекалывания неудач, просчетов и трагедий на обвиняемых или уже казненных и приговоренных к заключению. Например, 27 июня 1937 г. «Северная правда» напечатала выступление Н.Камневой, подруги нашей землячки Наты Бабушкиной, трагически погибшей во время показательных прыжков с парашютом. Камнева обвинила в этом Эйдемана, недавно расстрелянного вместе с Тухачевским. Следуя указанию Сталина «выискивать классового врага», опричники из НКВД «нашли» виновников сбоев в работе предприятий Костромы — «Искры Октября», «Рабочего металлиста», льнокомбината им. Ленина, Горкомхоза, ряда колхозов... Страшно сейчас (да и тогда!) читать передовую статью «Северной правды» от 11 июля 1937 года: «Гады, пробравшиеся в недавнем прошлом к областному руководству, разоблаченные как враги народа..., пакостили в сельском хозяйстве... В Костроме длительное время орудовали троцкистско-бухаринские последыши... Несомненно, что они оставили после себя агентуру... На заводе «Рабочий металлист» орудовала банда германо-фашистских лазутчиков...». Видимо, грубая брань казалась организаторам расправ эффективным способом «воспитания классового сознания» народа. Осенью 1937 года было сфабриковано еще одно «нерехтское дело», по которому перед судом предстали десять районных руководителей — от секретаря РК ВКП(б) В.С.Шибанова до заведующих «райзо», «роно», «райфо». Все они обвинялись в «организации троцкистско-бухаринской контрреволюционной группы» и были осуждены Специальной коллегией Ярославского областного суда по 58 статье УК РСФСР. 1937-й год стал, как видим, самым кошмарным для костромичей: так было «отмечено» 20-летие ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Среди жертв террора оказались и писатели-костромичи. В Саратове был арестован Владимир Арсеньевич Никифоровский. В 1936 г. арестовали Александра Павловича Алешина, руководившего Ивановской областной организацией Союза писателей. Правда, через несколько месяцев он был освобожден по состоянию здоровья, но происшедшее отвратило его от писательской работы. В письме к автору этой статьи хорошо знавший А.П.Алешина поэт Н.А.Орлов, тоже арестованный в 1944 г. в Костроме, вспоминает: «...Устроиться на прежнюю работу он уже не мог, вынужден был поступить грузчиком, ездил на ломовой телеге... Я много раз встречался с ним на ивановских улицах. Пытался узнать о причинах ареста. Но он, махнув рукой, уклонялся от этого разговора...». (Кроме Алешина, во время приезда в Иваново Кагановича — напомним, что с 1929 по 1936 г. Костромская область была одним из «округов» Ивановской промышленной области — были арестованы почти все члены редакции газеты «Рабочий край»). Несмотря на надругательство над его личностью, А.П.Алешин, как русский

патриот и участник первой мировой войны, в 1941—42 гг. дважды просился на фронт, но получил отказ. Ему было разрешено отправиться лишь на оборонные работы под Москву, где он умер в 1943 году. Так участь одного из самых известных костромских писателей 1920-30-х годов отразила в себе судьбу литературного поколения, к которому он принадлежал.

Узнавая все больше об обстановке 30-х годов, с трудом находишь ответ на вопрос: как в таких условиях могли жить и работать миллионы наших людей, тысячи писателей? Ведь даже Булгаков, Платонов, Ахматова, Пастернак, Мандельштам и другие, сохранившие «внутреннюю свободу» от «социального заказа», не могли избегать искушения хоть как-то «договориться» с режимом. Что же оставалось делать «рядовым» литературной армии? На наш взгляд, очень точно ответил на эти вопросы писатель Юрий Нагибин в статье «Рассказы 30-х годов»: «...Люди, не заставшие те огнепальные Семена, не прочь поговорить о совести, против которой грешили «поющие в терновнике»... Но тогда этим вопросом никто не задавался. Большинство пребывало в ладу со своей совестью. И этого не понять, если судить людей той поры из нашего прекрасного далека. Лишь те, кто пережил времена апокалипсические, могут судить о них. И эти знают, что совесть тут ни при чем. Дело в том, что всякие события обладают определенной системой координат, вырваться из которых практически и душевно невозможно... Нашу бодрость кормили: вера — несмотря ни на что, плохая информированность..., и главное — комплекс отца, всевидящего, всезнающего мудрого и заботливого, который снимает моральные обязательства со своих послушных детей...» («Кн. обозр.», 1992, 14 авг.). Все дело и было в этой «самозащитной силе жизни», хотя она не снимала ответственности с людей, делавших выбор.

История костромской писательской организации наглядно показывает, как живая река литературы постепенно загонялась в бетонные русла идеологии, утвердившейся в правах господствующей и не подлежащей критике. Здесь четко различаются два этапа; «границей» между ними стали постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932) и создание Союза советских писателей (1934).

На первой стадии идеологизации литературы ударной силой этого процесса выступила Российская Ассоциация Пролетарских Писателей (РАПП), имевшая отделение и в Костроме. В предыдущей статье* мы подробно говорили о деятельности Костромской АПП в 1925-32 гг., т.е. в годы «переломные» — в сторону, к сожалению, худшую. Рапповские лозунги «большевизации творчества», «борьбы с чуждыми рабочему классу тенденциями», «призыва ударников в литературу» и т.п. были первыми «плотинами», которыми пытались перегородить и без того (а в какой-то степени и в силу внедрения этих лозунгов в «творческую» практику) «обмелевшую» реку костромской литературы: по разным причинам Кострому покинули В. Никифоровский, А.Высоцкий, В.Лебедев, Г.Ясин, А.Алешин. Правда, он, как руководитель организации, объединившей литераторов Иваново-Вознесенска, Костромы, Ярославля и Владимира, часто приезжал в Кострому, был в курсе дел местной организации, по-прежнему публиковал новые произведения в костромской печати.

Постановлением 1932 года РАПП была «ликвидирована», но до этого немало «наломала дров». Чего стоил только «призыв ударников в литературу»! В конце 1930 г. «Сев. правда» подвела итоги этой кампании: «Призыв ударников в литературу дал по Костроме 120 человек. Цифру можно было удвоить», но «культработники фабзавкомов очень мало помогли рапповцам по вербовке ударников», а отдельные члены РАПП проявили «образцы полнейшей безответственности... Поэт Матвеев отказался от работы по призыву потому, что он уезжает из Костромы и что ему «вообще надоело писать». Этот бесхребетный интеллигент попал в РАПП по ошибке и, разумеется, должен быть исключен из рапповских рядов...» (К. Призыв закрепим. — «СП», 1930, 31 дек.). Как и пролеткультовцы

* Козлов Б.М. *Литературная жизнь Костромы. (Первое послеоктябрьское десятилетие).* // *Литературная Кострома.* — 1991. — № № 3-5; *Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры.* — Кострома, 1992. — Вып. 2.

в период «военного коммунизма», рапповцы не смогли создать «пролетарского искусства» на рубеже 1920-30-х гг. Напротив, они способствовали понижению «уровня» писательского дела: в число «призванных» в литературу попало много случайных людей. Не помогали организованные при редакциях литконсультации и призывы «учиться у классиков». Одним из проявлений администрирования со стороны рапповцев Костромы явилось, в частности, создание «троек рабочих рецензентов», которым вменялась в обязанность просмотр всех спектаклей в Городском драматическом театре и их оценка «с классовых позиций» в местной печати. Особенно часто «бригады рабочих рецензентов» выступали в «Сев. правде» в течение театрального сезона 1931-32 гг. Какими критериями

руководствовались «рабочие рецензенты», видно, например, из их отзыва на постановку пьесы В.Киршона «Хлеб»: «Чрезвычайно ценная, нужная нам пьеса... Пьеса учит, как нужно работать, проводить в жизнь директивы партии и правительства» («СП», 1931, 6 окт.). Естественно, что подобная практика, как искусственно организованная кампания, была обречена на недолговечность. Она унижала профессиональных работников театра.

К чести тех, кто работал с начинающими литераторами из пролетарской или крестьянской среды, следует сказать: они не поощряли бездарных авторов, нарушая установки рапповских идеологов, запрещавшие серьезно критиковать произведения молодых «рабочих авторов». Часто эту рискованную работу брал на себя сам А.П.Алешин. Отмечая поистинне талантливых местных поэтов, он писал об остальных: «...Много трескучести и мало чувств... Какой надоедливостью пахнут все стихи о «рычащих тракторах», где, в сущности, трактора не видать и не слышать... Общая стихотрескотня о коллективизации...» (А. А-н. О стихах. — «СП», 1930, 31 дек.).

Наибольшим грехом рапповского руководства являлась организация «проработок», которые или сразу, или через несколько лет, особенно в конце 1930-х гг., завершались драматически или трагически для их жертв. Костромских литераторов вынудили принять участие в общесоюзной травле Бориса Пильняка (Без подписи: «Кулак в литературе. — Непримирымый отпор Пильняку и пильняковщине. — Долой внутренних эмигрантов!» — «СП», 1929, 15 окт.), в разгроме литературной группы «Перевал» и шельмовании ее куратора А.К.Воронского: сообщая о состоявшемся в Иванове областном съезде пролетарских писателей, автор статьи «За большевизацию творчества», подписавшийся криптонимом Д., подчеркивал «необходимость решительного удара по «перевальцам» («СП», 1930, 17 мая). Следующей акцией рапповцев стало «разоблачение «тейковщины», а в действительности — глумление над уже мертвым Есениным. Воспользовавшись информацией о драматических событиях в литературном юношеском кружке в Тейковском районе ИПО, ивановские рапповцы раздули ее до серьезной политической кампании; ссора юношей и найденные у них стихи стали поводом для «оргвыводов». Областное бюро АПП ИПО в июне 1930 г. принимает, под давлением партийных органов, постановление «О тейковском кружке», обвинив его руководителя и участников в «культе упаднических писателей (Есенина)», создании «нездоровой обстановки». 24 июня «Рабочий край» публикует это постановление сопровождая его статьями К.Д. «Литературная беспризорность и есенищина» и В.Залесского «Огонь по «тейковщине» в литкружках». «Ивановская организация писателей совсем не руководит ребятами, — говорилось в первой статье. — Руководил ими Есенин. Есенинская «Исповедь хулигана» была евангелием кружковцев. «Письмо к матери» — любимой песней». «Тейковщину» начинают выискивать прежде всего в учебных заведениях, например в Анфимовском культурно-техническом техникуме под Чухломой (Злотников И. «Тейковщину вырвать с корнем!» — «Раб. край», 1930, 4 окт.). Резолюцию о борьбе с «тейковщиной» и «микробами есенищины» принимает собрание костромских пролетарских писателей.

Писательская организация ИПО в 1930 году издавала собственный региональный художественный альманах «Атака», главным редактором которого был неистовый рапповец В.Залесский, постаравшийся превратить это издание в источник клеветы на «попутчиков». Уже в первом номере «Атаки» в статье «Творческие пути советской литературы» он называл Б.Пильняка «врагом», перебежавшим «в окопы буржуазной литературы»; «Избу и поле» Н.Клюева охарактеризовал как плод «мракобесия», в романах и стихах С. Клычкова нашел «звериную ненависть к городу, неприязнь к науке и нерушимость от «Бога данных» порядков на земле»; «Обреченных на гибель» и «Павлина» С.Сергеева-Ценского счел «пасквилями на революцию и социализм» («Атака», 1930, № 1, с.154). Порой Залесский действовал по принципу: «Бей своих, чтоб чужие боялись!» Кичась своей рапповской прямолинейностью, он позволял себе бестактно поучать руководителя писательской организации: «...В лице Алешина мы имеем зрелого или почти зрелого художника. Но беда автора заключается в том, что его творчеству часто не хватает большевистской зарядки, что отношение автора к героям не всегда бывает по-большевистски непримирым» («Атака», 1930, № 2, с.150). Но особенно беспощаден был Залесский по отношению к литераторам-ивановцам, связанным в разной степени с «Перевалом» — «литературному соратнику Воронского» М.З. Мануильскому, бывшему главному редактору газеты «Рабочий край», а также к Дм. Семеновскому, Е. Вихреву, Н. Колоколову, Л. Нитобургу. Свои обвинения в их адрес он сформулировал так: они, «перевальцы», «против классовой борьбы, против жестокости, против Плеханова, за «гуманизм», «чистую» правду, «чистое» искусство, за вечные истины любви и человеколюбия, за всю реакционно-мистическо-идеалистическую чушь» (В.Залесский. Под знаменем идеализма. — «Атака», 1930, № 2, с.162).

В 1932 г. после ликвидации РАПП и роспуска литературных группировок наступил второй этап идеологизации и организации литературного дела — под руководством государства. Активизация литературной жизни в Костроме между 1932 и 1934 гг. была связана с подготовкой к Первому Всесоюзному съезду советских писателей. 23 сентября 1932 г. «Северная правда» публикует заявление Временного Оргбюро под названием «В Горьковские дни создадим в Костроме союз советских писателей». В нем говорилось: «Костромская АПП ...перестала существовать. Многие бывшие члены РАПП по разным причинам (учеба, работа) из Костромы выбыли, но основной актив бывшей РАПП остался на месте... Этот актив работает в местной печати, а также на различных участках культурфронта... Собрание 19/IX предварительное совещание по организации союза писателей показало, что к этому делу охотно примыкает та часть литературоведов-общественников..., которые принимали участие в работе бывшей РАПП..., часть товарищей, обладающих значительными творческими навыками (Вяч. Лебедев и др.). В работу союза может быть втянуто многочисленное студенчество ВУЗов и техникумов. Мы объявляем вторичный призыв ударников в литературу, посвященный юбилею Горького...» Союз» не был создан, но литературная работа оживилась: была организована литературная группа при редакции «Северной правды», увеличилось число литкружков и их членов, чаще стали проводиться их собрания; 23/IX-1932 г. в театре им. Островского костромские писатели провели большой литературный вечер с приглашением ярославских товарищей. Осенью 1933 г. костромичи отметили литературным вечером 50-летие Александра Благова, приехавшего в Кострому вместе с другими поэтами-ивановцами.

Для подготовки съезда писателей в нашем регионе был создан Оргкомитет ССП ИПО, который получил право на издание в Иванове ежемесячного литературно-художественного журнала «Звено» (1933-1935). Его главным редактором стал А.П.Алешин. Этот журнал сделал много хорошего: он знакомил читателей с произведениями уже авторитетных ивановских, ярославских, владимирских и костромских писателей, а также начинающих «пробовать перо» литкружковцев; задуманный как «лаборатория художественного слова» («Звено», 1933, № 1), он стал и школой литературной учебы молодых авторов; он способствовал общению писателей друг с другом, был информатором о литературной жизни страны и региона. Конечно, редакция вынуждена была руководствоваться директивными указаниями центральных и местных органов партийной и государственной власти, публиковать «заказные» произведения, в частности, авторскими неудачами оказались «именная» поэма А.Благова «Вера Мялова» и многие очерки разных писателей, публиковавшиеся под рубрикой «Знатные люди нашей области» пьеса, а точнее, по определению самого автора А.Алешина, «драматическое повествование» о коллективе Ярсредневогостроя «Волга Глубокая»: все они были ответом на призыв «включиться в производственно-творческий поход имени XVII партсъезда», «создать Магнитострой социалистической литературы», были написаны поспешно. Это дало повод для более серьезных обвинений в адрес редакции журнала. 22 марта 1935 г. зам редактора «Рабочего края» Н. Сибиряков в статье «Заржавевшее оружие» обвинил «Звено» в «профанации хорошей идеи — показать знатных людей нашей области», в том, что оно «усердно замалчивает факты троцкистско-зиновьевской деятельности на литературном фронте, не разоблачает контрреволюционных «литераторов», захвативших руководство многими литературными кружками, дипломатически умалчивает о фактах антисоветской работы в Ярославле...». Осенью 1935 г. был раскритикован 8-й номер «Звена» (И.Мартынов. Серенькая литература. — «Раб. край», 1935, 15 окт.). На 11-м номере журнал прекратил существование.

В 1936 г. произошло разделение ИПО на Ивановскую и Ярославскую области, и костромские литераторы организационно объединились с ярославскими. Основным периодическим изданием для костромских авторов осталась «Северная правда»; иногда их стихи, рассказы и очерки, а также информацию о состоянии дел в писательской организации Костромы публиковала ярославская газета «Северный рабочий» — вплоть до 1944 г., когда Костромская область была восстановлена как самостоятельная. Поскольку местные литературные журналы перестали выходить, их заменили альманахи. В 1938, 1940 и 1944 гг. были изданы три «Ярославских альманаха», где были опубликованы и произведения костромичей.

Такова была организационная и журнально-газетная «база» костромских писателей в 1930-е годы. Некоторые из них (А.Алешин, Н.Орлов, В.Лебедев, М.Комиссарова, Г.Ясин) публиковались в центральной печати или выпустили книги в Москве и других городах.

В 1930-е годы стали более редкими непосредственные контакты костромских писателей и читателей с известными всей стране литераторами. В феврале 1934 г. выступал, как сообщалось в афишах, «московский артист-автор» Н.П.Смирнов-Сокольский, в июне с костромичами встречались

московские писатели Панов, Мещеряков, Шведов. Но самым частым гостем Костромы в 1934-36 гг. стал А.С.Новиков-Прибой, приезжавший для встреч с оставшимися в живых участниками Цусимского боя, моряками с броненосца «Адмирал Ушаков», крейсеров «Аврора» и «Дмитрий Донской». Эти встречи помогли автору «Цусимы» написать новые главы, опубликованные в «Северной правде». Иногда с Н.-Прибоем в Кострому приезжал его друг писатель А.Перегулов, читавший свои новые рассказы.

И все же чаще общение костромских писателей и читателей происходило с соседями — ивановцами и ярославцами, о чем мы говорили выше. В связи с этим иногда возникает проблема отнесения тех или иных писателей к «нашим» или «не нашим» по территориальному признаку, но вряд ли стоит серьезно ее ставить. Например, уроженцы костромской земли А.Н.Благов и М.Д.Артамонов стали «ивановцами»: так распорядилась жизнь. Она круто обошлась с Николаем Александровичем Орловым, который родился в 1903 г. и учился в Костромском реальном училище (сейчас там располагается 29-я школа), начал писать стихи, получившие одобрение Горького, находясь в Севастополе на службе в военно-морской авиации; перешел на литературную работу в редакциях молодежных газет Иванова и Воронежа после аварии самолета, потом вернулся в родную Кострому, став руководителем литературной группы при «Северной правде» вплоть до ареста, после которого последовали долгие годы заточения в Ярославской, Рыбинско-Кировской и, наконец, Воркутинской тюрьмах, который после освобождения выбрал для жительства г. Камышин (в Кострому вернуться не разрешили: еще был жив Сталин), где и живет в настоящее время. Попробуйте ответить на вопрос: чей он? И последний пример. Многие знают имя хорошего поэта Алексея Лебедева, поэта и моряка-подводника, не вернувшегося из похода в 1941 году. Считать его своим имеют право и Суздаль, где он родился в 1912 г., и Кострома, где он провел детские и отроческие годы, целыми днями пропадая на Волге и Костромке (без чего, возможно, он бы и не стал моряком), и Иваново, куда его семья переехала в 1928 г. и где он закончил десятилетку, учился в вечернем строительном техникуме и напечатал в журнале «Звено» свои первые стихи (1933 г.), и Кронштадт, где он стал после окончания Высшего военно-морского училища им. Фрунзе служить штурманом подводной лодки и выпустил сборники стихов «Кронштадт» (1939) и «Лирика моря» (1940). И не случайно, что в Суздале, Иваново и Кронштадте есть улицы, носящие его имя.

Все названные и не названные здесь поэты — «наши», «общие».

1930-е годы характеризуются не только оттоком лучших писательских сил из Костромы; сюда на время приезжали люди, оставившие добрую о себе память, внесшие свою лепту в культурную жизнь города. Одним из них был Алексей Владимирович Чичерин, который сыграл примерно такую же роль, как семья Бонди в 1920-е годы и Д.Е.Тамарченко после войны. В Кострому Чичерина привела характерная для многих интеллигентов 1930-х гг. судьба: в 1933 г. он был арестован, когда работал в московской 4-й опытной школе эстетического воспитания, где его коллегой был С.М.Бонди после четырехлетнего пребывания в сибирских лагерях он приехал в Кострому, где и прожил около десяти лет, возглавляя в учительском институте кафедру русского языка и литературы, выступая в печати со статьями и рецензиями на спектакли театра им.Островского, читая лекции и подготавливая к защите кандидатскую диссертацию (См. подробнее: П.Бухаркин. Об А.В.Чичерине и его трудах. — «Русская литература», 1990, № 4). В 1940 г. в Кострому приехал А.М.Часовников.

Как жили и работали в эти годы костромские писатели, оставшиеся в городе или начавшие свой путь? О чем они писали и как?

Надо сразу заметить, что можно говорить лишь о наружной и, так сказать, видимой стороне их жизни, отраженной в их произведениях и местной газетной хронике.

Как и прежде, в Костроме 1930-х гг. центрами, объединявшими писателей, были редакция «Северной правды», кружок при Центральной библиотеке, кружок красноармейцев при Доме Красной Армии, литгруппы при клубе «Коминтерн», на крупных предприятиях. Их работа оживилась в канун 1 съезда писателей, которому предшествовала Областная конференция в Иваново. 17 марта 1934 г. на совещание при редакции «Северной правды» собралось более 30 писателей и литкружковцев. В апреле 1934 г. газета утверждала: «Литгруппы располагают уже достаточно сильным для нашего города активом, среди которого можно отметить ряд товарищей с уже вполне оформившимся творческим лицом: Милова Г., Панков, М.Березин, Е. Книжный, Крылов, Д.Пискарев, С.Шушлин и др.» (24 апр.). В этом заявлении было некоторое преувеличение, а с другой стороны, недоставало имен А.Ф.Румянцева, Н.Соколова, Ф.Шипова. В конце десятилетия часто публиковали в газете свои стихи и другие вещи молодые писатели Вас. Пасутхов, В.Хрящев, А. Флягин, А.Чистяков, А.Рыкалин, Н.Карпенко, Н.Колча,

Е.Осетров. Много работал с молодежью и активно печатался вернувшийся в Кострому Н.А.Орлов. В самые последние месяцы перед войной энергичным участником «литературных страниц» газеты стал и А.Часовников.

Названные литераторы — основные представители писательских сил Костромы тридцатых годов.

Еще раз напомним, что эти годы были более чем неблагоприятными для развития и нормальной жизнедеятельности литературы в условиях, когда, по точному выражению П.Я.Чаадаева, в стране снова наступило время «покорного энтузиазма толпы». Литература не могла не заразиться «энтузиазмом» этого рода, «выразив» его в бесчисленном количестве стихов на тему «жизнь становится веселей» и о том, кто ввел эти слова в обиход. Култ Сталина в газетных стихах 30-х годов сейчас воспринимается как «миф», но тогда он был реальностью, и этого нельзя забывать, чтобы «из нашего прекрасного далека» (Ю.Нагибин) не осуждать писателей тех лет. Реальностью был и социалистический трудовой энтузиазм, и советский патриотизм, подпитываемый с помощью пропаганды введением в строй индустриальных гигантов, рекордными полетами летчиков и т.д. Следует отметить: очень квалифицированно в этом направлении вел работу в нашем регионе издававшийся газетой «Рабочий край» литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал «Пламя» (1936-37; в 1933-35 гг. выходил под названием «Рабочий край»). Он был как бы «ивановским «Огоньком», одновременно придерживавшимся линии горьковского журнала «Наши достижения» (Москва, 1929-36).

Костромские писатели были подключены к реализации горьковского замысла создания коллективных трудов «История фабрик и заводов» и «История гражданской войны». В начале 1932 г. А.П.Алешин призвал к этому костромичей: «Напишем историю фабрики им. Ленина» (СП, 10 янв.) и «За «Историю гражданской войны» (СП, 8 февр.). «Исторически верной и содержательно глубокой будет... «История» лишь тогда, когда в составлении ее будут участвовать тысячи рабочих», — писал он. Отдел культуры и пропаганды при ГК РКП(б) устроил по этому поводу расширенное совещание при редакции «Северной правды». Для создания второй «Истории» была создана комиссия, которой вменялось в обязанность руководить «группами содействия», созданными на всех предприятиях с целью отбора на вечерах встреч участников войны лучших воспоминаний. К сожалению, мы не имеем точных сведений, насколько далеко продвинулась работа над этими коллективными книгами. Возможно, что дело органичилось в лучшем случае отправкой собранных материалов в Москву, в Архив Центрального музея Красной Армии.

Показателен сам факт закрепления исторического материала в документальной форме, чаще всего в очерковом жанре. В статье «Очерк — литература!» А.Алешин, обращаясь к молодым очеркистам при редакциях «Рабочего края», «Ленинца» и «Смычки», указывал на большие возможности этого «быстрого и живого» жанра, успевающего за «убегающей» от других форм действительностью; одновременно он предостерегал их от соблазна «легкостью и скороспелостью» в работе («Раб. край», 1930, 16 янв.). Как бы подавая пример молодым коллегам, Алешин публикует вслед за статьей цикл очерков «По Шунгенскому району коллективизации», написанных в традициях Г.Успенского, позже — «портретные» очерки об ивановских текстильщицах и колхозной жизни.

«Школа очерка» была создана и в литгруппе «Северной правды»: «В целях создания первомайского номера газеты, отображающего в художественных формах все яркие стороны в работе костромских фабрик и заводов, а также и колхозов..., организованы творческие бригады из местных поэтов и писателей. На фабрику им. Ленина идут работать тт. Пискарев, Соколов, Шипов. На... «Рабочий металлист» идут тт. Балашов и Вахрамеев. На строительство льнокомбината Зворыкина идут тт. Шушлин, Кротков, Горев... В колхоз «Знамя труда» Обломихинского с/с — тт. Рубинский, Милова и Слезин» (СП, 1934, 6 апр.). Писательские командировки, вошедшие в практику еще во второй половине 20-х гг., в 30-е стали нормой. Написанные «по заданию редакции» очерки, к сожалению, редко были оригинальными: «лица» их авторов чаще становились неразличимыми в потоке «общих слов». Не спасало и декорирование стиля, например, цитатами из массовых песен 30-х гг.: «Если в край наш свободный хлынут новые войны», ткачихи-стахановки перезаправят свои станки основой, на которой вырабатываются ткани, необходимые для обороны нашей родины... Это к нему, как к миллионам других, относится песня: «И никто на свете не умеет Лучше нас смеяться и любить...» (Н.Капралов. Поммастера Борис Герасимов. — «СП», 1937, 18 июля). Интересные по замыслу и содержанию очерки-репортажи из Гороховецких военных лагерей Льва Казакевича также испорчены шаблонностью сюжета и стиля: «Сегодня я оглядываюсь назад. Я смотрю на пройденный путь, и мне кажется, что дни зимних битв, лагерей, тактических переходов, напоенные буревой силой красноармейского коллектива, живыми

теньями проплывают передо мною, обжигая сердце горячей волной знакомых воспоминаний...» (Л. Казакевич. Дни, рождающие победу. — «СП», 1931, 29 окт.). В другом очерке, посвященном теме перевоспитания деревенского парня в «красной казарме», цель автора разрешается не столько средствами сюжета, сколько авторитетного стиля, заимствованного из официального языка: «...И Старцев, как много других, таких же, как он, характерен этой удивительной переплавкой человеческого сырья, этим чудесным процессом неудержимого роста, заставляющего человека рождаться во второй раз. И человек действительно рождается во второй раз» (Лев Казакевич. Шаг в будущее. — «СП» 1931, 1 авг.). В поэзии 30-х желание превратить личность в «винтик» было более откровенным и наглядным: «Хочу позабыть свое имя и званье. На номер, на литер, на кличку сменять...» (В. Луговской. Утро республик). Но, как видим, и проза восторгалась «переплавкой человеческого сырья» (не вся: протестовали против этого Платонов, Булгаков, Макаренко, Горький и др.). Наш автор словно не замечал проблемы: как мог «неудержимо расти» «переплавляющийся» человек, да еще «сырье»? Но в официальной литературе несоединяемое «совмещалось».

Кроме очерков, «Северная правда» публиковала и рассказы. И в них, к сожалению, живая жизнь загонялась в прокрустово ложе идеологического штампа. В рассказе Ф. Слизина «Досада» («СП» 1934, 24 апр.) токарь, чтобы выполнить досрочно план по расточке коленчатых валов, работает с серьезно травмированной рукой. Хорошо это или плохо? Сейчас, когда провозглашается иной, чем тогда, принцип: «Не человек для государства, а государство для человека», — мы говорим: плохо, если так бывает в жизни, и плохо, если такое придумал автор. Тогда, как видим, существовала и утверждалась иная точка зрения: происходила эксплуатация человеческого энтузиазма. В рассказе Б. Пискарева «Уважаемый человек» («СП», 1934, 15 авг.) проблема любовного треугольника тоже разрешается в духе того времени: героиня предпочитает инженеру грузчика, который на ее глазах спасает упавшую с парохода женщину (он делает это во время свидания с любимой). Узнав, что герой скрыл от нее профессию, она при всем честном народе целует его, говоря: «Всякий труд в нашей стране в почете».

На фоне такой «газетной» прозы выгодно выделялись рассказы А. П. Алешина. Не случайно в 1932 г. «Московское товарищество писателей» выпустило сборник его рассказов «Квартира номер последний». Большинство из них написаны были еще в 1920-е гг., некоторые — в начале тридцатых. Всякий, кто прочитал или только прочитает эту небольшую книгу (она переиздана в Ярославле в 1969 г.), не может отрицать, что они написаны мастером слова. И все же мы попытаемся доказать это на одном примере — рассказе «Лошадиная эпоха». Во-первых, он «выпадает» из «праздничного хора» того времени, потому что повествует о несчастной жизни рабочей семьи: ее «глава», возчик мануфактуры Егор Кашанин, похожий на горьковского Михаила Власова, — пьяница и скандалист. Во-вторых, Алешин заставляет своего читателя задуматься над вопросами, традиционными для русской литературы: почему мучается и мучает прежде всего близких людей русский человек? кто в этом виноват? что нужно делать, чтобы жизнь стала иной? «Издавна тянутся в подвале Кашаниных две жизни. Одна — в заботах о куске хлеба, в борьбе за здоровье, которому угрожает дыхание подвала и взрывы дикой души Егора», — читаем мы и думаем: а ведь прошло уже десять лет после окончания гражданской войны, а Кашаниным не стало «жить легче и веселей». Разве лишь чуть-чуть лучше. Поэтому живет рядом с героями и надежда: «на лучшее завтра», т.е. существует и «другая — смягченная» жизнь. Что сделало Егора «диким человеком»? «Среда заела?» Да: однообразный труд превратил Егора в равнодушного ко всему, кроме водки, человека, в «деревянную куклу». Но в том, что загубил и кормилицу-лошадь, и самого себя, виноват Егор сам: не нашлось у него ни сил, ни желания жить по-другому. Нет однозначного ответа на вопрос «кто виноват?» А на другой — «что делать?» — автору естественно, без всяких агитпотуг, помогает ответить сама меняющаяся действительность: кончилась «лошадиная эпоха», лошадей сменили машины, и за рулем одной и них — сын Егора Андрей, знающий ответ на этот вопрос, выбравший, как и горьковский Павел Власов, пусть не такую же, но другую дорогу в жизни. Да и «жизнь матери целиком перевалила на сторону Андрея». В этом рассказе вектор писательского взгляда направлен «по вертикали», на исследование причинно-следственной связи между психологией и поступками героев. Этот замечательный рассказ был не только включен в сборник, но и получил несколько публикаций: в ивановском альманахе «Атака» (1930, кн.2), в журнале «Октябрь» (1930, № 8); отрывок из него под названием «Мать» напечатала «Сев. правда» (1930, 8 марта).

Костромская поэзия 1930-х гг. значительнее прозы, поэтому ей мы уделим больше места и внимания. Дело в том, что она оказывается достойной внимания, если отвести в сторону массу рифмованного сора: мы исключаем из разбора то, что так удачно Алешин называл тогда

«стихотрескотней» ; к ней тогда он не мог публично отнести стихи о Сталине, которые печатала «Северная правда» ; например:

...И ведет к победам твердо и спокойно
Сталин — вождь народов — родину мою.
Если над страной грянут снова войны,
Мы со словом: Сталин! победим в бою.

(А.Чистяков. Над простором Волги. — «СП», 1939, 27 авг.)

Быстро развивалась «гиперинфляция» слова в стихах о «советской отчизне», «родине богатой», «счастливой жизни», «отпоре врагу», т.е. стихах, обслуживавших идеологию, работавших на «агитпроп», о котором откровенно сказал Маяковский в начале 1930 г.: «И мне агитпроп в зубах навяз...». Качество стиха до какого-то предела ни зависит от темы, оно зависит от мастерства поэта (никто не может отрицать силы политических стихов того же Маяковского), но в этой «сфере обращения» слова и девальвируются, и ветшают, как бумажные деньги, очень быстро.

Будем говорить о хороших, на наш взгляд, стихах костромских поэтов, впитавших в себя динамизм времени, которое, по свидетельству Г.К.Жукова, «отличалось неповторимым, своеобразным подъемом настроения, оптимизма, какой-то одухотворенностью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой общения людей».

Конечно, в Костроме 1930-х гг. не было такой сильной группы литераторов, как в Иванове, являвшемся тогда одним из литературных центров страны (это прекрасно доказывает изданный в серии «Библиотека поэта» сборник «Дм.Семеновский и поэты его круга», 1989). Но общение с ними костромских, ярославских и владимирских писателей в «рамках» единой организации плодотворно сказывалось на всех.

И все жили одними заботами и проблемами. Одной из них, общей для всей страны, стала необходимость реабилитации лирики. Она обсуждалась и на страницах журнала «Звено». Речь шла прежде всего о любовной лирике. Точку зрения редакции и большинства писателей выразила статья В.Полторацкого «Разговор по душам», где он подводил «итог» дискуссии: «...Пусть поет соловей и светит луна мне, молодому поэту, пусть у открытого окна комнаты секретаря РКП, только что вернувшегося с заседания, пахнет сиренью, пусть девушки из ударной бригады Клавдии Быковой приколют к кофточкам цветы ландыша. Пусть это будет в стихах, ибо это есть в нашей жизни!» («Звено», 1934, № 3). Так происходило соединение ранее намеренно и искусственно разделенных «работы» и «любви», которую еще в 1919 г. пролеткультовцы объявили «сданной в архив» вместе с другими «проявлениями буржуазной психологии». В 1923 г. получило известность стихотворение костромского поэта Анатолия Дьяконова «Не ...», лирический герой которого демонстративно отказывался от любви к женщине, «... в соболя одетой и мещанским ядом напоенной» ; в «ударницу труда» он тоже не влюбился. Во что же? — В новую родину:

Соболя ее — луга под клевером,
А глаза ее — бунтарски молоды.
В ней огонь живуч, рожденный севером
Под эмблему серпа и молота.

(«Красный понедельник», 1923, № 1)

Эти тенденции оказались живучими и в тридцатые годы; поэты, по удачному выражению Горького, продолжали «стыдиться лирики». Например, герой стихотворения В.Крылова «Дорога» прощается с любимой, так как его ждет дело:

..Вьется змейкой вдали дорога,
Уползая в горизонта синь.
Влажностью ресниц меня не трогай
И о встрече больше не проси.

(«СП», 1933, 12 марта)

Вот еще одно стихотворение, в котором приоритет общественного долга перед «личной» жизнью несомненен: воинский долг юноши, ставшего красноармейцем, возведен в абсолют. Почему «учащенно сердце бьется» в его «взволнованной груди»? Вот ответ:

Не потому, что в небе зори
Пленили взор мой красотой,
Что по ромашковым просторам
Хожу я утвенней порой.

Не потому, что на свиданье
Иду к любимой в первый раз,
Чтоб наслаждаться мне сияньем
Ее больших! и добрых глаз.

Сбылось, о чем в краю богатом
Мне снились ласковые сны:
Я стал бойцом великой рати
Бесстрашных воинов страны!

И если даль войной повеет,
То силой стали и свинца,
Клянусь, я доказать сумею,
Что я не попросту имею
Название красного бойца.

(Вас. Пастухов. Мечты. — «СП», 1941, 11 мая)

Предчувствовал ли автор, что война начнется через месяц?..

В этом стихотворении «он» с его «долгом» — и «она» с ее любовью разлучены и огромным пространством — как в «Катюше» Исаковского.

Тема счастья — одна из вечных в поэзии. В 30-е годы она находила и вечные источники человеческого счастья: молодость, труд, любовь, дружбу, патриотизм, жизнь с чистой совестью и т.п., но находила и новые: казавшиеся «лучезарными» перспективы ожидаемой «замечательной жизни», приближаемой общенародными коллективными усилиями, трудовым порывом. Эта тема была опасной для «сочинителей» газетных агиток, вроде: «Большевицкие колхозы Жизнь наладили свою, Выполняя пятилетку, Они крепнут в соцстрою» (Горев С. Край колхозный. — «СП», 1934, 6 апр.), или: «...И теперь под руководством Партии стальной Сами правим производством, Труд облегчив свой... И гудок густой октавой Шлет привет зиме. Так родился экскаватор Первый в Костроме» («СП», 1934, 12 марта). Опытные поэты находили все же, как и должно быть, свежие образы для передачи ощущения счастья:

...И хочется, улыбкой
Согрев идущих мимо,
Знакомую калитку
Открыть во двор любимой
И петь в зеленой чаше,
Цветением объятий,

О полном нашем счастье,
О родине богатой

(Ник. Соколов. О счастье. — «СП», 1938, 6 авг.)

Штамп в конце второй строфы — дань времени.

Хорошие стихи о любви, счастье, «простых» радостях жизни в конце 30-х — начале 40-х гг. писал Н.А.Орлов, вернувшийся в Кострому:

Я люблю, когда над Волгой
Разыграется гроза.
Я люблю смотреть подолгу
В твои синие глаза.
Дай мне руку, сядем ближе,
Волжский ветер, бей в лицо!
Я хочу сейчас услышать
Звон далеких бубенцов.
Поиграем с сердцем в прятки,
Погрустив на берегу,
Из лирической тетрадки
Я стихи прочесть могу.
Впрочем, тихо не сидится,
Рано выпала роса,
Волги светлая вода.
Руки вскинь кольцом на шею
И щекой к щеке прижмись!
Что за странные затеи
Навыдумывала жизнь!
Все равно, целуй проворней,
Улыбнись тихонько мне,
Жить все краше, все привольней
В нашей радостной стране.

(Н.Орлов. Из лирической тетради. — «СП», 1941, 12 янв.)

Немного испортил стихотворение стилистический штамп, оказавшийся в качестве «вывода» в его конце и потому заметный, но оно завораживает естественным, с чуть ироничным подтекстом, развитием лирического «сюжета» с помощью точно выбранных и использованных слов.

Естественно и прекрасно лицо лирической героини стихов талантливой Галины Миловой «Письмо красноармейцу», «Дни горят», «Современная баллада», «Голубая птица», «Рождение», «Поэма», «Мать», трагической «Тишины». Г.П.Милова была в какой-то степени «пленницей» своего времени, отчего на лице ее героини иногда запечатлевалась «идеологическая гримаса». Например, в стихотворении «У колыбели», построенном в форме разговора с сыном-младенцем, которого мать желает видеть в будущем «сталинским соколом», готовым, если придется, пожертвовать собою:

Хорошо лететь, рукою гибкой
Самолет сквозь грозы повести,

Если Сталин с мягкой улыбкой
Пожелает доброго пути...

Может быть, в боях нахмутив брови,
Охранять придется мавзолей.
Для страны ни юности, ни крови,
Ни любви, ни жизни не жалей...

(«СП», 1936, 7 ноября)

Наверное, это написанное к Октябрьской годовщине стихотворение более других, подобных ему (но их очень немного), пронизано покорной жертвенностью, отталкивающей сегодняшнего читателя. Здесь поэтесса принудила себя говорить неестественным, не своим голосом. А вот ее собственный, материнский голос:

Было так: в порыве лютом
Сердце рвется прочь.
В этот миг родилась Нюта,
Маленькая дочь.

Жажда жизни в первом крике,
В первом взмахе рук.
Мы рождаемся на стыке
Радости и мук.
Встретил мир открыто, чутко
Нового жильца
Будет каждая минутка
Яркой до конца.
Всю любовь свою, все силы
Отдала страна,
Чтоб для маленьких, для милых
Жизнь была полна.
...В тишине молочно-белой
Сладко отдыхать.
Дочка тонко прозвенела,
Призывая мать.

(Г.Милова. Рождение. — «СП», 1938, 6 окт.)

Хорошее стихотворение! Не портит его предпоследняя строфа: ведь здесь идет речь о заботе государства о новом поколении, о «жертве» естественной, в отличие от той, из предыдущего стихотворения. И насколько удачно сравнение крика младенца с призывным ржаньем только что рожденного «лошадиной мамой» жеребенка! Это «ударная» образная деталь произведения, написанного поэтом-мастером.

Интересной была и пейзажная лирика. Как и любовная, она несла на себе печать времени, т.е. картины природы становились «зеркалом» душевного состояния советского человека 30-х годов. Как и

любовной лирике, ей приходилось выходить из кризиса, связанного с засильем «агитки». Поэт И.Сельвинский призывал еще в 1928 г.: «Необходимо вернуть лирике темы любви, смерти, пейзажа». Но было трудно сразу освободиться от чрезмерной примеси «идеологии», вытеснявшей из лирики природы философское начало, психологическую достоверность переживания. Оно лишь «проглядывало» с листа сквозь поставленный на нем густой идеологический штамп:

...Осень прежде была печалью.
Но ликует советский край.
Все колхозы сейчас встречают
Новый сталинский урожай.
Все в избытке — и хлеб, и сласти
С неба светит нам россыпь звезд,
Подымается наше счастье
В небывало огромный рост!

(Из стихотворения в «Сев. правде» от 6 окт. 1938 г.)

Иногда картины родной природы, восстановленные памятью автора, словно обугливались от неистового чувства «классовой ненависти», и читатель имел дело с сомнительным в этическом и эстетическом планах текстом:

...Ну, а я часто спал под березой
И по лесу ходил без креста,
И кнутом за матери слезы
Всех кулацких овец хлестал.
Детство, детство!
Ты помнишься ярко,
Точно летний рассвет на заре.
По зеленым кустам и по ярам
И с бляньем овец на горе.

(В.Крылов. Детство. — «Сев. правда», 1934, 24 апр.)

А вот пример иного, удачного, на наш взгляд, сопряжения жизни человека «эры революции» и жизни природы в миниатюре А.Чистякова «Береза» :

На перепутье двух дорог
Растет могучая береза,
Ее ласкает ветерок
И обнимают летом грозы.
В тени ее любил я сам
Послушать тихий шепот листьев
И наблюдать, как облака
Бегут над нею в небе чистом.
И наша молодость прошла
Через ветра, бои и грозы.
И так же крепко в жизнь вросла,
Как корни в землю у березы.

(«СП», 1940, 17 ноября)

Сопряжение природного и исторического может ведь дать и прекрасный результат, например в песне «Журавли», где Гамзатов вселил в «белых журавлей» души не вернувшихся с войны солдат. Это сделано оправданно и тактично. И в 30-е годы поэты писали о журавлях, и по-разному. Например, в стихотворении костромского поэта А.Флягина «пейзаж с журавлями» вовсе лишен временных примет, есть только пространственный образ: Россия, Волга и временный «дом» за теплыми, но чужими морями:

Эти дни прошумели дождями,
А сегодня рассвет голубой.
Журавли, журавли над полями,
Над осеннею желтой землей.
И протяжен их голос, и звучен,
Путь широк их, дорога пряма.
Журавли! Вас надолго разлучит
С облюбованным краем зима.
За моря вам, за теплые мчатся,
И не раз в той чужой стороне
Вам родные озера приснятся
И березовый звон на заре.
Чу! Трубят наравне с облаками,
Над широкою Волгой-рекой.
Провожают их люди глазами
И напутственно машут рукой.
Крылья крепки. Не сломят их бури,
Хоть далеко пути полегли.
До свиданья, до первой лазури,
До бурливой весны, журавли!

(А.Флягин. Журавли. — «СП», 1940, 17 ноября)

Когда Флягин погиб на фронте (1944), в некрологе о нем был отмечен «лирический, светлый» характер восприятия жизни в его поэзии (Ярославский альманах, вып.3, 1944 г.), что подтверждается не только этим простым, «прозрачным» произведением, но и стихами, посвященными теме приближающейся войны. Как и известные сейчас поэты, предсказавшие свою гибель и сами себя назвавшие «лобастыми мальчиками революции» (Павел Коган), А.Флягин и другие костромские поэты-романтики, говорившие от имени своего поколения, готовились к спокойно-мужественному исполнению своего «предназначения». Эта тема — одна из самых популярных в костромской поэзии 30-х: каждый ежегодный осенний призыв в армию выплескивал на «литстраницы» областной газеты поток стихов о долге красноармейца и допризывника, о вероятной войне. Получили отражение в местной печати события на Востоке и война с Финляндией. Стихи были разные, многие грешили ложным пафосом, бахвальством и самоуспокоенностью. Не обошло все это и стихи Флягина, особенно первые: «...Поползут громады-танки грозною стеной. Полетят сквозь дым тачанки на победный бой. Светят летчикам высоко звезды на Кремле. Разгромим врага жестоко на его земле» («СП», 1939, 23 февр.). Но постепенно поэт отказывался от вариаций на тему «всех врагов развеем в дым». Более естественно звучит голос автора и его «лирического героя» в «Прощании» :

...Буду я боевым командиром
На защите страны молодой,
Отслужу, возвращусь, и на диво

Заживем, дорогая, с тобой.
На полях поднимались туманы,
Ветер кудри берез целовал,
У калитки «прощальную» Тане
Молодой гармонист заиграл.

(«СП», 1939, 18 сент.)

Важно, что герой его стихов, став солдатом, не превратился плакатный «образ», а остался человеком, восприимчивым к красоте в жизни, а значит и поэтом, о чем свидетельствует стихотворение «Письмо с юга», где он мечтает о возвращении в «зеленокрышную» Кострому, исповедуясь в письме к другу в неизбывной любви к ней, но клянется «минутной грусти в добычу сердце не отдать» и встать в «час суровый навстречу буре и свинцу»; замечательно и стихотворение «Весенний день»: несмотря на то, что Флягин не удержался от соблазна использовать в нем образ «зеленого знамени» из «Весны» Э.Багрицкого, он показал свою способность поставить рядом с чужим не менее яркий, собственный: «Но голос поэта У сердца в плену, Оно меня петь Научило. И я потянулся К бумаге, К перу, И к синим, как небо. Чернилам» («СП», 1941, 16 марта).

«Оборонные стихи» часто публиковали также костромские молодые поэты, начавшие печататься в канун войны: А.Рыкалин, назвавший себя представителем «поколения радостных людей» («Походная красноармейская», «Песня о Котовском», «Песня о Чапаеве», «Песня о Тимошенко»; некоторые из них вошли в репертуар Ансамбля красноармейской песни и пляски МВО, кстати, выступавшего в Костроме в марте 1941 г.); Н.Карпенко («Простой рассказ» и др.). Их предшественниками, обратившимися к этой теме еще в середине 1930-х гг., были М.Березин и В.Крылов, сформировавшиеся как поэты в литгруппе при костромском Доме Красной Армии. Вместе и рядом с костромскими авторами над стихами с «оборонной» тематикой работали ивановец А.Киселев (его стихи часто публиковались и в «Северной правде») и ярославец Вс.Не-мцевич. В 1933 г. вышла их совместная книга стихов «На линии огня», получившая хорошие отзывы.

Постоянное внимание к этой теме в нашей региональной литературе свидетельствовало о многом. Любопытно, что ивановский критик А.Орлов в статье «У пограничной полосы», говоря о стихах А.Киселева и сославшись на слова Сталина «Дело явно идет к войне», отмечал, что «оборонная тема до сих пор не раскрыта с желаемой полнотой» («Звено», 1935, № 2, с.65). На наш взгляд, во второй половине 1930 — начале 1940-х этот «недостаток» был устранен.

На этом мы закончим очерк костромской поэзии предвоенного десятилетия. Так как мы начали рассказ о литературной жизни Костромы этого периода событиями января 1930 г., резонно завершить его напоминанием о том, как Кострома и ее писатели жили в последние дни перед войной. 1 июня вышла последняя «мирная» литстраниц «Северной правды» со стихами Н.Соколова, Н. Орлова, В.Пастухова, В.Пилюги, Е.Осетрова и рассказом А. Часовникова «Голубая косынка». За несколько дней до войны «Северная правда» публиковала репортажи из школ под шапкой «На пороге новой жизни, новых дерзаний»: как и по всей стране, десятиклассники праздновали окончание школы. 22 июня газета, вышедшая в ночь нападения фашистов на нашу страну, напоминала, что в 8 часов вечера в Учительском институте состоится литературный Лермонтовский вечер, на котором с лекцией выступит А.В.Чичерин и будет дан литературный концерт ленинградского артиста...

Наверное, этого вечера не было. 23 июня «Северная правда» напечатала речь Молотова и Указ о введении военного положения и мобилизации. Мобилизованы были и многие костромские поэты, журналисты, участники литгрупп и литкружков. Оставшиеся в городе писатели (начали работать на пока еще далекую победу. Но это уже тема следующего обзора.

VI. ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ

Т.К.Фомичева, Т.М.Колесова (Кострома)

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГАЛИЧСКОГО ОЗЕРА

Общая характеристика озера

Озеро Галичское является крупнейшим рыбохозяйственным водоемом не только Костромской области, но и России, Озеро находится в северо-западной части Галичского района на высоте 101,2 м над уровнем моря. Оно расположено в низменной равнине, окаймленной двумя рядами холмов, и вытянулось с востока на запад в длину около 17 км, ширина озера — примерно 6 км, общая площадь — 77,6 кв.км.

Озеро питается в основном поверхностными и грунтовыми водами. С восточной стороны в него впадают две крупные реки — Едомша и Средняя. С южной стороны озеро принимает реки Кешму, Челсму, Святичку. С запада из озера вытекает река Векса. Кроме того, имеется ряд мелких притоков. Все притоки характеризуются заболоченными берегами, слабым течением воды. Помимо поверхностных вод, питание озера осуществляется за счет грунтовых вод, выход которых в виде отдельных ключей наблюдается по берегам и на дне озера и рек его бассейна. Особенно много ключей имеется в средней части озера, где вода не замерзает даже зимой.

Современное Галичское озеро мелководно. Область, занятая глубинами до 2 м., составляет 70% его площади. Рельеф озера достаточно ровный. Только в двух местах имеются сильно вытянутые по длине озера и довольно глубокие борозды, являющиеся как бы продолжением старинного русла рек: это «Марфинская глубь» (северо-восточная часть озера, глубина до 4,8 м) и «Святицкая глубь» (южная часть озера, глубина до 4,0 м).

Из-за мелководности большая часть озера поросла зарослями высшей водной растительности (примерно 70% площади озера), в озере имеются мощные иловые отложения. Малая проточность озера привела к образованию мощных осадков из отмирающих животных и растительных организмов (биогеогенных осадков). Глубина этих отложений составляет в среднем 4-7 м, а местами 9 м; запасы сапропеля (общий запас иловых отложений) доходят до 364 млн.куб.м.

Из-за слабого перемешивания воды в зимнее время в озере возникает резкий дефицит кислорода, что отрицательно сказывается на жизнедеятельности животных и растений, его населяющих.

Галичское озеро является в настоящее время рыболовным хозяйством, кормовую основу которого составляют животные организмы, населяющие толщу воды и переносимые течениями воды (зоопланктон), и организмы, обитающие на грунте и в толще грунта водоемов (бентосные организмы). Численность и биомасса этих организмов зависят от химического состава воды — среды их обитания.

Последние данные о состоянии флоры, фауны, химическом составе воды озера Галичского относятся к 1985 г.

Данная статья включает материалы по химическому анализу воды, а также по обследованию бентоса и планктона озера Галичского и рек его бассейна за период с 1988 по 1991 гг. Пробы воды, бентоса и зоопланктона отбирали и обрабатывали по общепринятым в гидрохимии и гидробиологии методикам, описанным в литературе.

Работа выполнена на кафедрах химии и зоологии Костромского государственного педагогического института им. Н.А.Некрасова. Авторы благодарят студентов, принимавших участие в выполнении этой работы.

Химический состав воды озера

Активная реакция среды (рН). Данный показатель позволяет оценить концентрацию ионов водорода в воде. При величине рН меньше 7, вода считается кислой, при рН больше 7 — щелочной. Согласно литературным данным, пресные водоемы должны иметь величину рН равную 6,5-8,5. Этот показатель оказывает большое влияние на биологические процессы в водоемах, так как и растительные, и животные организмы могут существовать в воде только при определенных значениях рН. Например, при рН меньше 7 погибают моллюски с известковыми раковинами, при рН меньше 6,5 нарушаются процессы дыхания и обмена веществ у рыб.

В летний период величина рН воды Галичского озера находится в допустимых пределах, а в осенний период она достигает значения 9-9,5, что является результатом общего загрязнения озера.

Общая жесткость. В рыбоводческих хозяйствах очень часто качество воды оценивают по величине общей жесткости (суммарное содержание ионов кальция и магния). Слишком мягкая вода, содержащая мало кальция и магния, нежелательна для рыбоводных целей, так как кальций и магний, растворенные в воде, необходимы для нормального развития водных организмов. Отсутствие кальция и магния неблагоприятно сказывается на формировании скелета у рыб, раковин у моллюсков, скорлупы яиц у птиц. Вместе с тем, избыток кальция и магния приводит к отравлению обитателей водоемов. Считается, что общая жесткость воды в рыбоводческих водоемах должна составлять величину от 4 до 14.

В воде Галичского озера величина общей жесткости составляет от 1,9 до 3,2 в различных зонах водоема. Иначе говоря, вода является мягкой, а содержание ионов кальция и магния явно недостаточно для нормального развития гидробионтов.

Соединения азота. Азот является одним из жизненно необходимых (биогенных) элементов. Он входит в состав белков, нуклеиновых кислот и других молекул, из которых построены клетки животных и растительных организмов. После гибели живых организмов бактерии преобразуют азот белков, нуклеиновых кислот и других молекул в аммиак (NH_3), который существует в воде в аммонийной форме, т.е. в виде иона аммония (NH_4^+). Аммонийный азот при участии бактерий превращается в нитрит-ион (NO_2^-) — нитритная форма азота, который, в свою очередь, превращается в нитрат-ион (NO_3^-) — нитратная форма азота. Все перечисленные формы азота обязательно имеют место в природных водоемах, однако повышение их содержания отравляет живые организмы.

Содержание аммонийного азота (NH_4^+). Избыток данной формы азота приводит к возбуждению центральной нервной системы у рыб, поражению жабр, снижению способности гемоглобина рыб связывать кислород. Содержание аммонийного азота в природных водоемах не должно превышать 0,2 мг в 1 л воды.

Практически по всей акватории Галичское озеро загрязнено аммонийным азотом, содержание которого составляет от 0,8 до 10,4 мг в 1 л воды, т.е. превышает предельно допустимый показатель в 4-52 раза. Не в лучшем положении находятся и реки, впадающие в озеро. Так максимальное содержание аммонийного азота составило в реке Кешме 14,2 мг в 1 л воды (ноябрь 1988 г.), в реке Челсме — 7,8 мг в 1 литре воды (октябрь 1989 г.), в реке Шокшанге — 7,4 мг в 1 л воды (июнь 1989 г.), в реке Вексе — 7,6 мг в 1 л воды (июнь 1989 г.).

Содержание нитритного (NO_2^-) и нитратного (NO_3^-) азота. Эти две формы азота легко переходят друг в друга. А их отравляющее действие на живые организмы связано с тем, что нитрит-ионы (NO_2^-) окисляют гемоглобин (белок крови, переносящий кислород) до мет-гемоглобина (белок крови, который кислород переносить не может), что и ведет при избыточных концентрациях этих форм азота к гибели живых организмов. Так содержание нитритов 1 мг в 1 л воды вызывает гибель рыбы, при содержании нитратов 10 мг в 1 л воды рыба гибнет через 2 часа. Предельной концентрацией нитритного азота в рыбохозяйственных водоемах является величина 0,2 мг в 1 л воды; нитратного азота — 3 мг в 1 л воды.

Содержание нитритного азота в Галичском озере чаще не превышало норматива, но в озере зафиксированы зоны и с повышенным содержанием нитритов, это: устье рек Средней (до 0,99 мг в 1 л воды), Кешмы (до 1,0 мг в литре воды), зона стока из трубы очистных сооружений.

Содержание нитратов в озере велико, составляет в среднем в центре озера 5,5 мг в 1 л воды (в 1,8 раза выше нормы), в прибрежной части 5 мг в 1 л воды (в 1,7 раза выше нормы). Загрязнены нитратами реки Средняя (7,5 мг в 1 л воды) и Кешма (9,4 мг в 1 л воды).

Содержание фосфатов. Фосфаты — это растворенные в воде соли фосфорной кислоты (H_3PO_4). Фосфор, подобно азоту, является жизненно важным элементом. Вместе с другими биогенными элементами он оказывает влияние на развитие жизни водоемов. И недостаток и избыток фосфора неблагоприятно сказывается на развитии водных организмов. Установлено, что оптимальными величинами содержания фосфатов в рыбохозяйственных водоемах являются значения от 0,01 до 0,1 мг в 1 л воды. Увеличение этого показателя свидетельствует о загрязнении водоема.

Содержание фосфатов в разных зонах Галичского озера колеблется в широких пределах от 0,02 до 1,2 мг в 1 л воды, часто превышает оптимальные нормативы в 10-12 раз. Повышенное содержание фосфатов характерно для большинства рек бассейна Галичского озера: р.Челсма — 0,96 мг в 1 л воды (октябрь 1990 г.); р. Кешма — 0,72 мг в 1 л воды (ноябрь 1988 г.); р. Векса — 0,81 мг в 1 л воды (ноябрь 1988 г.).

Содержание сульфатов. Сульфаты — это растворенные в воде соли серной кислоты (H_2SO_4). Сульфаты сами по себе безвредны, не оказывают отрицательного влияния на водные растения и животных, даже если их концентрация в воде достигает 1 грамма в 1 литре. Более того, отмечено, что в малых концентрациях сульфаты стимулируют жизненные процессы гидробионтов. Однако большое содержание сульфатов при дефиците кислорода может привести к заражению водоема сероводородом (H_2S), в который в данных условиях сульфаты способны превращаться. В связи с этим допускается содержание в воде 25-30 мг в 1 л сульфатов.

В Галичском озере содержание сульфатов резко колеблется по сезонам: зимой, осенью, весной этот показатель не превышает норматива и составляет от 13 до 30 мг в 1 л воды; летом же резко возрастает до 140-180 мг в 1 л воды, что в 4,5-6 раз превышает норматив.

Общая и агрессивная окисляемость воды. Общая окисляемость воды характеризует содержание в воде веществ, способных окисляться. Такими веществами являются, главным образом, взвешенные и растворенные в воде органические вещества. Эти вещества, если их количество не слишком велико, благоприятствуют развитию жизни в воде, так как являются объектом питания огромного множества мелких животных, которые, в свою очередь, служат пищей более крупным. Однако избыток этих веществ свидетельствует о загрязнении водоема. В рыбохозяйственных водоемах величина общей окисляемости не должна превышать числа 15.

По всей акватории Галичского озера этот показатель превышает существующий норматив в 2-5 раз. Особенно высока окисляемость воды озера в черте г. Галича (до 80), неблагоприятны по этому показателю все реки бассейна Галичского озера.

Метод агрессивной окисляемости используется для прогнозирования заморных явлений в рыбоводческих хозяйствах. Этот показатель служит также критерием сбалансированности продукционно-деструкционных процессов в водоеме. Величина агрессивной окисляемости 40-50% указывает на чистоту воды и сбалансированность продукционно-деструкционных процессов; при значениях агрессивной окисляемости 70-100% возрастает вероятность замора в водоеме.

Агрессивная окисляемость воды Галичского озера и рек его бассейна составляет 18-25%, что свидетельствует о преобладании процессов деструкции (биохимический распад органического вещества) над продукцией в озере.

Содержание некоторых металлов. Результаты определения некоторых металлов в оз. Галичском и реках его бассейна представлены в табл. 1,2.

Таблица 1

Содержание металлов в оз. Галичском

	марганец	алюминий	хром	железо
Время отбора проб				
	мг в 1 литре воды			
Июнь 1989	0,1 – 0,3	0,1 – 0,4	0,0 – 0,1	0,2 – 1,9
Май – август 1990	0,3 – 0,4	-	0,1 – 0,2	0,2 – 0,6
Октябрь 1990	0,3 – 0,4	0,4 – 0,6	0,0 – 0,2	0,4 – 1,1

Таблица 2

Содержание металлов в реках бассейна оз. Галичского

	марганец	алюминий	хром	железо
Название реки и время отбора проб	мг в 1 литре воды			
р. Кешма, июнь 1989	0,2	0,1	0,05	0,8
р. Чёлсма, июнь 1989	0,1	0,2	0,05	0,6
октябрь 1990	0,3	0,5	0,16	1,0
р. Вёкса, июнь 1989	0,2	0,3	0,06	0,5
р. Шокшанга, июнь 1989	0,1	0,3	0,00	1,9
р. Средняя, июнь 1989	0,3	—	0,05	0,7

Марганец (Mn), металл, содержание которого в воде не должна превышать 0,1 мг в 1 л воды. Превышение этой концентрации ведет к расстройству центральной нервной системы, поражению легких, сердечно-сосудистой системы живых организмов.

Хром (Cr), металл, содержание которого в воде должно составлять не более 0,05 мг в 1 л воды, так как известно, что хром обладает канцерогенными свойствами, поражает центральную нервную систему живых организмов.

Содержание железа (Fe) в воде не должно превышать 0,3 мг в 1 л воды. Избыток этого элемента в воде при щелочных значениях pH, что наблюдается в воде Галичского озера в осенний период, приводит

к тому, что образуются гидроксиды железа $\text{Fe}(\text{OH})_2$ и $\text{Fe}(\text{OH})_3$, которые осаждаются на жабрах рыб, закупоривают их и разъедают. Вода, содержащая железо, непригодна для инкубации икры рыб, так как гидроксиды осаждаются на ней и жабрах мальков и вызывают их массовую гибель. Очень чувствительны к избытку железа в воде моллюски, прудовики, улитки. Водоросли менее чувствительны к железу, хорошо развиваются при его содержании до 1,4 мг в 1 л воды.

Предельно-допустимая концентрация алюминия (Al) в воде составляет 0,5 мг в 1 л воды. Отравляющее действие избытка алюминия проявляется во влиянии его на обмен веществ, в особенности минеральный, на функции нервной системы, в способности действовать непосредственно на клетки живых организмов — их размножение и рост.

Данные таблиц 1, 2 свидетельствуют о загрязнении воды озера и рек его бассейна токсичными металлами. Источниками этого загрязнения являются, в первую очередь, Галичский автокрановый и кожевенный заводы. Например, в июне 1989 г. вода озера вблизи автокранового завода содержала марганца 0,32 мг в 1 л воды, алюминия — 0,32 мг в 1 л воды, железа — 1,86 мг в 1 л воды. Вода реки Шокшанги, куда попадают стоки кожевенного завода, также содержит большое количество металлов (табл. 2).

Газовый режим озера Галичского и рек его бассейна

Для изучения газового режима озера и его рек определяли содержание растворенных в воде кислорода (O_2), углекислого газа (CO_2), сероводорода (H_2S). Результаты анализов представлены в табл.3, 4.

Таблица 3

Содержание некоторых газов в воде оз. Галичского

Время отбора проб	Кислород	Углекислый газ	Сероводород
	мг в литре воды		
Июнь 1988	7,7 – 10,4	11,8 – 27,8	0,3 – 0,5
Ноябрь 1988	5,7 – 13,4	0,0 – 10,0	0,0 – 0,2
Февраль 1989	0,3 – 0,7	23,1	0,2 – 2,5
Май 1989	12,5 – 14,3	-	0,5 – 2,0
Июнь 1989	6,4 – 11,2	0,0 – 7,2	1,4 – 1,6
Октябрь 1990	12,3 – 14,4	-	1,2 – 1,6

Содержание некоторых газов в воде рек бассейна оз. Галичского

Название реки и время отбора проб	кислород	углекислый газ	сероводород
	мг в литре воды		
р. Чёлсма			
июнь 1988	2,3	82,3	-
октябрь 1988	13,7	30,5	0,6
июнь 1989	-	11,0	1,2
р. Кешма			
июнь 1988	3,5	-	1,3
октябрь 1988	7,9	42,4	0,0
февраль 1989	0,0	48,5	-
июнь 1989	10,2	63,9	1,6
р. Средняя			
июнь 1988	8,0	-	-
июнь 1989	10,7	9,9	1,5
р. Шокшанга			
июнь 1988	-	49,7	1,1
октябрь 1988	7,9	33,4	0,0
июнь 1989	-	10,4	1,6
р. Вёкса			
июнь 1988	8,6	10,2	0,0
июнь 1989	8,7	8,3	1,5

Кислород (O_2). Наличие в воде растворенного кислорода является обязательным условием для существования большинства живых организмов, населяющих водоем. При недостатке кислорода в воде снижается устойчивость рыб ко многим неблагоприятным факторам внешней среды, в том числе к промышленным и бытовым загрязнениям. Вместе с тем высокие концентрации кислорода оказывают токсическое воздействие на живые организмы. В этих случаях активизируются процессы образования в тканях свободных радикалов, которые приводят в действие систему реакций, обуславливающих появление высокоядовитых перекисных соединений, а потому избыточные концентрации кислорода могут быть даже смертельными. Оптимальное содержание кислорода в рыбохозяйственных водоемах определяется значениями 5-9 мг в 1 л воды.

Данные табл. 3, 4 позволяют сделать вывод, что вода озера в летний период, весной и осенью достаточно хорошо насыщена кислородом, в зимний период содержание кислорода в озере

недостаточно.

Углекислый газ (CO_2). Этот газ играет важную роль в жизни гидробионтов. Биопродуктивность водоемов, в известной степени, определяется именно содержанием углекислого газа. Углеродное питание водорослей и высшей водной растительности является основой их существования и определяет возможность их интенсивного развития до цветения. Важную роль играет углекислый газ и в жизнедеятельности рыб: способствует поддержанию определенного уровня двигательной активности у зародышей, стимулирует мышечную моторику рыб, улучшает кислородный обмен в тканях. Однако, высокая концентрация углекислого газа отрицательно сказывается на жизнедеятельности рыб: рыба в этом случае находится в угнетенном состоянии, хуже использует кислород, растворенный в воде. В больших концентрациях углекислый газ ядовит для животных, водоемы, перенасыщенные им, лишены жизни. Оптимальным содержанием углекислого газа в рыбохозяйственных водоемах является величина 10-15 мг в 1 л воды.

Как следует из данных, представленных в табл. 3 и 4, в летний период в воде Галичского озера и реках его бассейна этот показатель в ряде случаев превышает оптимальные значения. В феврале 1989 г. в воде озера содержалось 23,1 мг углекислого газа в 1 л воды, что, с одной стороны, является закономерным (ледяной покров препятствует удалению углекислоты в атмосферу, углекислый газ меньше расходуется потребляющими его бактериями), но, с другой стороны, такой избыток углекислоты при недостатке кислорода и избытке сероводорода может привести к заморным явлениям.

Сероводород (H_2S) Сероводород образуется в водоемах исключительно биогенным путем, т.е. за счет деятельности различных бактерий. Газ этот вреден для обитателей водоемов, а потому в нормально функционирующем водоеме должен отсутствовать. Этого не наблюдается в воде оз. Галичского и реках его бассейна, где содержание сероводорода имеет место во все времена года и достигает величины 2,5 мг в 1 л воды (табл. 3, 4).

Таким образом, хотя в летний период в воде Галичского озера содержится достаточное количество кислорода, высокое содержание углекислого газа и сероводорода нарушают нормальный газовый режим озера. В зимний период ситуация еще более усугубляется из-за нехватки кислорода. Газовый режим рек бассейна озера более неблагоприятен для живых организмов, чем в озере, и характеризуется недостатком кислорода при избытке углекислого газа и сероводорода.

Химический состав воды оз. Галичского в районе сброса стоков очистными сооружениями г. Галича.

Очистные сооружения г. Галича являются основным источником загрязнения озера. Отбор проб воды в районе сброса стоков очистными сооружениями в 1988-1989 гг. показал, что вода здесь содержит много тяжелых металлов (марганца до 0,2 мг, алюминия до 2,3 мг, хрома до 0,1 мг, железа до 0,8 мг в 1 л воды, аммонийного азота в 80-140 раз выше нормы, нитритного и нитратного азота в 2-3 раза выше нормы, фосфатов в 4-10 раз выше нормы). По основным гидрохимическим показателям вода озера вблизи стока очистных сооружений является «мертвой водой», жизнь в такой воде невозможна: здесь практически нет кислорода (даже в летний период его содержится не более 0,2 мг в 1 л воды), но много сероводорода (3,55 мг в 1 л воды) и углекислого газа (84,5 мг в 1 л воды). Показатель общей окисляемости достигает здесь значения 250, что в 17 раз выше нормы, а значение агрессивной окисляемости, равное 100%, свидетельствует о заморе в данном регионе озера.

Рыбные ресурсы озера Галичского

Издавна Галичское озеро служило местом рыбного промысла. За счет рыбы существовала Рыбная слобода в г. Галиче. В 1913 г. в слободе жило около 10 тысяч человек, из которых 1055 кормились исключительно рыбным промыслом. Рыбу ловили по строгим правилам, воспрещалось загрязнять озеро. До революции рыбаки добывали около 300 тонн рыбы в год. В 1932 г. был основан рыбколхоз и рыба стала отлавливаться круглый год, количество ее увеличилось до 700 тонн в год, а в отдельные годы

до 860-915 тонн. В 1975 году улов составил 802 тонны, а в 1978 — 294 тонны.

Ихтиофауна озера представлена семью видами рыб. Все являются широкораспространенными, обычными для средней полосы. Основу ихтиофауны составляют малоценные виды — окунь, плотва и ерш, что характерно для высокоэвтрофных водоемов лесной зоны (эвтрофия — хорошее питание). Обычны в озере лещ и щука, единичны судак и серебрястый карась. В предыдущие годы встречались язь, линь, густера, уклея, налим.

Окунь создает в озере наиболее высокую численность, что связано с экологическими особенностями размножения, распределением молоди в водоеме у самого уреза воды, где очень мало хищников, широким спектром питания.

Весьма высока численность плотвы, а по ихтиомассе она занимает 1 место среди рыб озера. При благоприятных условиях плотва может дать «вспышку» численности, за которой обычно следует сокращение численности такой рыбы, как лещ. Экологические адаптации — ранний нерест, неприхотливость к нерестовым субстратам, широкий спектр питания, стайный образ жизни и т.д. — делают плотву одним из самых серьезных конкурентов ценным видам рыб.

Из малоценных видов рыб значительного внимания заслуживает и ерш, он довольно многочислен и создает относительно высокую ихтиомассу. Высокая численность ерша в озере усугубляет его отрицательное значение — как конкурента леща, с одной стороны, так и потребителя его икры, с другой.

Наиболее многочисленной ценной рыбой Галичского озера является лещ, составляющий около 50% промысловых уловов и около 40% ихтиомассы озера. Щука составляет около 10% от общей ихтиомассы озера. Интенсивность зарастания создает чрезвычайно благоприятные условия для обитания в нем щуки. Она же создает трудности при вылове рыбы активными орудиями лова.

Основным показателем, характеризующим условия обитания рыб в водоеме, является, помимо численности, темп роста обитателей, что в значительной степени определяет рыбопродукцию этого водоема. Темп роста плотвы, окуня и ерша в Галичском озере можно охарактеризовать как средний, а леща и щуки — хороший.

Промысел рыбы в оз. Галичском в настоящее время ведется преимущественно неводами. Ассортимент вылавливаемой рыбы следующий: мелочь 3 группы — 74-80%, плотва мелкая — 9-11%, плотва крупная — 3,5-6,0%, лещ средний — 2,2-4,3%, лещ крупный — 2,2-5,3%, щука — 1,2-2,0%. Видовой анализ мелочи 3 группы показал, что по весовым показателям видовой состав улова следующий: лещ — 48,1%, плотва — 27,4%, ерш — 14,4%, окунь — 9,2%, щука — 0,8%, судак — 0,1%.

С 1978 г. рыбколхоз вместо 7 неводов на озере применяет только 4 невода. Это уменьшило общий отлов рыбы (до 215-479 тонн). Невода мелкочейные (8 мм), отчего озеро продолжает истощаться. Освоение же промыслов рыбных запасов весьма слабое. По подсчетам специалистов, естественные рыбные ресурсы в озере при рациональном ведении промысла могут составлять в среднем 760 тонн в год. Сейчас оз. Галичское находится в критическом состоянии. Вопрос о повышении рыбопродуктивности озера неразрывно связан с вопросом о предотвращении зарастания его, о прекращении сброса в него сточных вод. Значительное падение уловов в зимний период связано с дефицитом кислорода. Распад высшей водной растительности в зимнее время влечет за собой выделение метана, что приводит к заморам. Летом кислородный режим в озере улучшается, но и в этот период есть отрицательно действующие факторы. Они связаны с загрязнением озера различными стоками: промышленными, бытовыми, сельскохозяйственными. Стоки эти содержат большое количество органических веществ, за счет чего интенсивно развивается фитопланктон. Кроме того, увеличивается зарастаемость побережий высшей водной растительностью, а в донных отложениях происходит добавочное накопление растительных органических веществ. Зимой эта растительность разлагается и ухудшается кислородный режим.

Состояние кормовой базы рыб в озере

При исследовании вод оз. Галичского в 1988-1989 гг. выявлены основные зоопланктонные формы: 9 видов коловраток (круглые черви), 14 видов ветвистоусых и 5 видов веслоногих рачков (низшие ракообразные). Для зоопланктона озера характерными формами являются прибрежные и зарослевые

виды беспозвоночных (фито-фильные группы ветвистоусых рачков). Значительно меньше стало видов, характерных для открытых пространств. Эти процессы связаны с зарастанием озера высшей водной растительностью, что ведет к значительному снижению продуктивности зоопланктонных организмов.

Многие рыбы (плотва, окунь, ерш, лещ) питаются донными организмами: личинками комаров семейства хирономид, малощетинковыми червями — олигохетами, моллюсками, личинками насекомых (мух, ручейников, жуков, клопов и др.), ракообразными.

Численность N (экз./м²) и биомасса B_i (г/м²) зообентоса

Группа зообентоса	1979 по данным ГОСНИОРХА		1989 по данным КГПИ	
	N	B_i	N	B_i
Хирономиды		2100		2608
		2,9		0,77
Олигохеты	700	0,6	262,2	0,12

Анализируя таблицу, можно заметить, что численность хирономид через 10 лет в оз. Галичском в среднем увеличилась, биомасса же уменьшилась в 3,7 раза. Это можно объяснить тем, что данные организмы не увеличивают биомассу в связи с неблагоприятными условиями обитания. Общая численность хирономид увеличилась. Озеро зарастает, заиляется, о чем свидетельствует 80% личинок хирономид красного цвета — типичных обитателей ила. Вместе с тем снижается численность хирономид, характерных для типичных илистых грунтов — Хирономус плюмозус (высокопродуктивный вид). Преимущественное большинство в бентофауне составили фитофильные организмы, характерные для фауны зарослей водоемов центральной зоны европейской части России, а именно личинки хирономид рода Полипидиум. Эти хирономиды встречались чаще других, их биомасса составила 3,89 г/м².

Численность и биомасса малощетинковых червей уменьшилась. Максимальная биомасса — 0,27 г/м² в центральной части озера. Это является свидетельством того, что процесс самоочищения озера идет недостаточно (олигохеты — индикаторы самоочищения водоемов).

В районе неработающих очистных сооружений в пробах были обнаружены личинки мух — зеленушек и цветочных, развивающихся в норме в выгребных ямах.

Основными потребителями кормовой базы рыб в озере являются плотва, окунь и ерш, которые съедают более 90 % пищи. На долю же более ценного леща в оз. Галичском приходится весьма незначительное количество корма.

ВЫВОДЫ

1. Вода оз. Галичского и рек его бассейна неудовлетворительна по основным гидрохимическим показателям, характеризуется избытком аммонийного, нитратного азота, фосфора, тяжелых металлов, большой величиной окисляемости.

2. Газовый режим озера неудовлетворителен, зимой он характеризуется недостатком кислорода при избытке углекислого газа и сероводорода, летом — избытком сероводорода и, в ряде случаев,

углекислого газа.

3. Газовый режим рек бассейна оз. Галичского более неблагоприятен для гидробионтов, чем в озере, и характеризуется недостатком кислорода при избытке углекислого газа и сероводорода во все времена года.

4. Основными источниками загрязнения озера являются впадающие него реки и очистные сооружения г. Галича.

5. Состав рыб оз. Галичского представлен 7 основными видами. С 1978 года наблюдается тенденция снижения улова. Это связано с дефицитом кислорода, загрязнением озера, зарастанием его высшей водной растительностью, особенностями промысла.

6. Состояние бентоса озера характеризуется снижением численности высокопродуктивных форм.

7. Зарастание озера высшей водной растительностью ведет к снижению продуктивности зоопланктонных организмов.

8. Необходимы мероприятия по сокращению численности местных видов рыб.

9. В настоящее время оз. Галичское находится в критическом состоянии. Повышение рыбопродуктивности невозможно без мелиоративных мероприятий, направленных на предотвращение зарастания озера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алекин О.А. Основы гидрохимии. — Л.: Гидрометиздат, 1970.
2. Баранов И.А., Терешин А.Б. Гидрохимический режим Галичского и Чухломского озер (Костромская область) по результатам исследований 1979 г.//Сб. науч. тр. ГосНИОРХ. — Л.: ГосНИОРХ, 1981.— Вып.164.
3. Боруцкий Е.В. К методике определения размерно-весовой характеристики беспозвоночных, служащих пищей рыб. — Л.: Наука, 1961.
4. Бессонов Н.М., Привезенцев Ю.А. Рыбохозяйственная гидрохимия. — М.: Агропромиздат, 1987.
5. Винберг Г.Г., Лаврентьева К.Н. Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях. — Л.: Наука, 1984.
6. Винберг Г.Г. Определитель пресноводных беспозвоночных Европейской части СССР. — Л.: Гидрометиздат, 1977.
7. Мордухай-Болтовский В.И. Методика изучения биогеоценозов внутренних водоемов. — М.: Наука, 1975.
8. Корде Н.В. О типах отложений озера Галичского и его историческом развитии. — М.: АН СССР, 1959.
9. Корде Н.В., Уломский С.Н. Краткая характеристика гидрологического режима и микроскопического водного населения озера Галичского. — М.: АН СССР, 1959.
10. Петров В.В. Интенсификация рыбоводства на озерах Галичском и Чухломском и уточнение рекомендации по подавлению численности рыб (отчет). — Л.: ГосНИОРХ, 1979.
11. Петров В.В. Кормовая база Галичского и Чухломского озер и использование ее рыбами.//Сб. науч. тр. ГосНИОРХ. — Л.: ГосНИОРХ, 1981. — Вып.164.
12. Петров В.В. Пути рыбохозяйственного освоения и интенсификации рыбоводства на озерах Галичском и Чухломском (отчет). — Л.: ГосНИОРХ, 1980.
13. Петров В.В. Рыбоводно-биологическое обоснование на строительство Галичского товарного хозяйства (отчет). — Л.: ГосНИОРХ, 1985.
14. Печников А.С. Пхтиомасса как показатель биопродукционных возможностей озер Галичского и Чухломского.//Сб. научн. тр. ГосНИОРХ — Л.: ГосНИОРХ, 1981. — Вып.164.
15. Резников А.А., Муликовская Е.П., Соколов И.Ю. Методы анализа природных вод. — М.: Недра,

1970.

16. Салазкин К.И. Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях на пресноводных водоемах. Зообентос и его продукция. — Л.: ГосНИОРХ, 1984.

17. Смирнов А.В. Озерные сапропели. — М.: Колос, 1965.

18. Томин Е.Д., Фомин А.И., Сапропель, его добыча и использование в сельском хозяйстве. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1964.

19. Унифицированные методы анализа вод. / Под ред. Лурье Ю.Ю. — М.: Химия, 1973.

20. Штерман Б.К. Планктон и бентос внутренних водоемов. — М.: Наука, 1972.

21. Вредные химические вещества. Неорганические соединения элементов I-IV групп.: Справ. изд. / Бандман А.Л., Гудзовский Г.А., Дубейковская Л.Л. и др. Под ред. Филова В.А. и др. — Л.: Химия, 1988.

22. Вредные химические вещества. Неорганические соединения элементов V-VIII групп.: Справ. изд. / Бандман А.Л., Волкова Н.В., Грехова Т.Д. и др. Под ред. Филова В.А. и др. — Л.: Химия, 1989.

VII. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Е.Ф. Дюбюк

ДНЕВНИК

Правнук флигель-адъютанта при Людовике XVI, внук московского композитора, автора известных романсов, Евгений Федорович Дюбюк родился в 1876 г. в Вильно, где квартировала дивизия отца, офицера Генерального штаба.

Ему была уготована карьера военного, который он изменил, поступив после окончания Владимирского кадетского корпуса в Киеве в Петербургский лесной институт. Уже имея диплом ученого лесоведа, он отказался от государственной службы со всеми ее привилегиями и устроился статистиком в Ярославскую земскую управу. Статистика стала делом всей его жизни.

Еще в Петербурге Е.Ф.Дюбюк попал под подозрение властей, являясь участником студенческих кружков и демонстраций. В Ярославле его избрали членом комитета РСДРП и одним из пяти членов ЦК «Северного рабочего союза».

Увлечение политикой закончилось недолгим пребыванием и московской Таганской тюрьме и ссылкой в Архангельскую губернию, а в дальнейшем вообще отходом от политики и всяких политических партий.

Вернувшись в 1904 г. из ссылки к семье во Владимир, Е.Ф.Дюбюк в 1905 г. переехал в Саратов, а весной 1907 г. переехал с семьей в Кострому по приглашению Н.И.Воробьева, заведующего статистическим бюро губернского земства, с которым был знаком еще по Владимиру. Е.Ф.Дюбюк возглавил секцию лесной статистики.

Двадцать лет жизни отдал Евгении Федорович Костроме. В эти годы он стал крупным статистиком, историком-экономистом, источниковедом.

В 1912 г. возникло Костромское научное общество по изучению местного края. Е.Ф.Дюбюк принимал активное участие в работе его экономической и географической секций, а в 1919-1920 гг. был его председателем.

Являясь первым губернским уполномоченным Главархива, организовал работу по созданию губархива, которым заведовал в 1921-1924 гг., и по упорядочению документов из разоренных помещичьих усадеб.

В 1922 г. Е.Ф.Дюбюк участвовал в работе над проектом железной дороги Москва-Ухта. С 1925 г. — заведующий губстатотделом.

Несмотря на занятость по своей основной службе, Е.Ф.Дюбюк читал лекции в Костромском университете, институте народного образования, наездами в Казанском институте сельского хозяйства, на лесных курсах при губземотделе, в промышленно-экономическом техникуме.

Е.Ф.Дюбюк — автор работ по истории и экономике Костромской губернии, один из первых советских историков рабочего движения: «Ветлужская вотчина Дурново», «Леса и лесное хозяйство Костромской губернии», «Материалы для оценки земель Костромской губернии» (1916), «Полотняная промышленность Костромского края», «Из материалов по начальной истории костромского рабочего движения» (1921), «Очерки по истории рабочего движения в Костромской губернии» (1926) и др.

За совокупность научных трудов Русское географическое общество присудило ему в 1926 г. малую серебряную медаль.

В 1927 г. Е.Ф.Дюбюка отзывают в Москву для работы в ЦСУ, где он проработал на различных ответственных должностях до выхода на пенсию*.

Умер Е.Ф.Дюбюк в 1942 г. в эвакуации в Горьком.

1/1. Новый год встретили скромно. Вместо красного вина распили Ланинской воды. Дети были довольны¹ ... 1 января вечером пришли Валя, Маня, Витя. Детвора веселилась.

2/1. Получил от директора гимназии письмо с извещением, что попечитель Московского округа не утвердил 31 декабря меня в должности [председателя] родительского комитета, а Н.А.Козлова — заместителем председателя. Это называется чуткой благожелательностью.

3/1. Поехал в Ярославль с А.А.Ширским² на заседание Ярославского научного общества в качестве представителя Костромского научного общества для обсуждения вопроса о съезде местных обществ родиноведения.

В вагоне ехали барышни и студент из Костромы на какой-то ярославский бал, неугомонно щебетали. От них веяло молодостью, беспечностью молодости. Смеялись, шутили, говорили о танцах, и тут же ехали солдаты, возвращающиеся с побывки на позиции.

Валил снег. По сугробам мы с А.А. бродили по Ярославлю.

Заседание было скучноватое. Были представители Вологды, Рыбинска, Владимира. Решено через год созвать съезд членов местных обществ родиноведения Северного района.

Познакомился с ярославским архивником Ельчаниновым³. Рассказывал он, что у него много подлинных купчих на крестьян XVIII-XIX вв. Между прочим, из одной, по Угличскому уезду, видно, что крепостная женщина была продана за три четверти⁴ гороху.

Ночевали с А.А. в номере. Говорили об этнографии, о живой старине. А.А. рассказывал, как он в Баках⁵ записывал народные поверья, между прочим, одно — о стриге, т.е. женщине-ведьме, которая, состригая полосу ржи, переводит урожай на свою землю. Говорил он о музыке, которая потрясает душу, о том, что высшее в жизни — искусство. Какой он золотой человек. В глуши Ветлужских лесов провел 20 лет и не спился, будучи казенным лесничим, и сохранил живую душу и мохом не оброс.

4/1. Из окна гостиницы видна была театральная площадь. В утренних сумерках ярко выделялись красные фонари замерших трамваев. Прямо перед окнами церковка, на красоту которой обратил внимание А.А.: один ее купол голубой, с золотыми волнистыми полосами. Красиво сочетание золота и голубого цвета, красива волнистость линий.

Потом ходили к букинистам.

* В «Материалах свода памятников истории и культуры РСФСР. Костромская область», М., 1976, с.48 ошибочно указан год отъезда — 1925.

5/1. Вечером поехал в Москву. Две барышни говорили с адвокатом, шустрым и брехливым. Одна барышня — брюнетка — говорила о том, что «консерватория — могила голосов, а не храм искусства», что профессора уродуют голоса и пр. Адвокат рассказывал случаи из своей судебной практики: шайка мошенников нашла простака, который за 100 руб. согласился изображать католического архиерея и должен был на все вопросы говорить лишь веце (хорошо). В карете приехали в лучший магазин, набрали церковной утвари, крестов, облачений — и все увезли, оставив в залог архиерея. Тот все молчал и говорил «веце». Потом позвали полицию, и архиерей оказался жуликом.

7/1. Мальчишки кричат на улицах о капитуляции черногорцев после взятия Ловчена⁶.

8/1. Газетчики кричат во всю глотку: «Измена короля Николая Черногорского»⁷.

Через площадь шли солдаты, направляемые на фронт — рыдал оркестр. Площадь мигом заполнилась народом.

Праздничный вид Москвы, тает, солнце блестит, снует толпа, живет улица, стрекочут трамваи, завывают сирены автомобилей — а через площадь идут в серых шинелях обреченные на смерть. Переворачивается сердце от боли.

Вечером поехал и Кострому. В вагоне торговцы говорили о том, что «черногорского короля либо подкупили, либо уговорили», что как пример его измена — нехороший поступок. «Все от момента

зависит, — говорил один ... — Подошел такой момент... Разве кто когда думал, что Галицию⁸ очистим, однако очистили... Тоже и на короля черногорского надеялись, как на каменную гору».

Один из торговцев заплатил носильщику 2 руб. <...> за посадку в вагон. Рассказывая что-то, другой торговец употребил такое выражение: «сроду не теривал». Не сказал ведь: «не терял», а подревнебылинному: «не теривал».

Управляющий именем Паниной Иванский говорил, что в Костромском уезде в прошлом году они платили рабочим за заготовку дров по 85 коп. с погонной сажени, а нынче платят 1 р.80.

9/1. Один знающий человек, служащий на фабрике, рассказывал, что на костромских фабриках дела идут блестяще. Товар (пряжу) рвут из рук, продается она по цене тройной против себестоимости.

10/1. Был на лекции Бочкарева «Для чего надо продолжать войну». Лекция была бледновата, не было анализа внутренних отношений. Меня больше всего поразило то, что Бочкарев слепой, что видит он лишь краешком глаза.

Наняли Петрусе учителя рисования — реалиста VII класса. 5 часов в неделю — за 15 руб. в месяц.

15/1. Иван Капитонович Коновалов⁹ рассказывал о случаях в связи с окопной повинностью. Кое-где сходы назначали в окопы фабричных конторщиков с нарочистой целью, чтобы те откупались деньгами.

Говорят, в Питере у Нарвских ворот была попытка начать погром: собралось человек 100 — полиция их разогнала. Говорят, в Питере аресты так называемых пораженцев, т.е. левых, стоящих за поражение России в войне — де, мол, поражение принесет внутреннее обновление.

18/1. Купили дров за 13 руб. сажень (12-вершковыя дрова, погонная сажень).

Говорят, на Стрые недавно наш полк попал на фугасы и потерял 1400 человек. Вообще, на войне творятся ужасы. Жизнь — копейка. Раненые сотнями замерзают без помощи, грязь, вши — все далеко не так хорошо, как пишут в газетах.

С сегодняшнего вечера начал работать в городской управе по <разборке?> переписи 1915 г.

После 8 часов был в земской статистической комиссии. Гласный <нрзб.> громил статистику, доказывая, что введение ее перенесет тяжесть обложения с лесов и пашен на луга, которые все запустят.

Говорят, в гостиницах сколько угодно можно получить вина и водки, которую в отдельные кабинеты проносят в саквояжах. В счетах так и пишут: ужин 50 р., саквояж 25 р.

Гласные много говорили о предстоящем обеде у губернатора с саквояжем. Проповедуют народу воду, а сами пьют вино.

Заболела дифтеритом Лидия Эдуардовна Паприц¹⁰ — Натюкина учительница. Их распустили.

В газетах слова министра иностранных дел Сазонова о том, что война кончится к 1916 г., примерно к ноябрю. Это, кажется, третий случай точного обозначения конца войны.

20/1. Среди низов толки: «Говорят, замирение скоро будет». Перефразировка слов Сазонова? Премьером вместо Горемыкина — министра в туфлях — назначен Штюмер, «наиправославнейший немец».

21/1. Положение Лидии Эдуардовны, которая лежит в городской больнице, тяжелое.

Вечером указывал Пете, как вычерчивать Пиренейский полуостров.

22/1. Вчера в 7 часов умерла Лидия Эдуардовна. 59 лет от роду. Я лично [ее] не знал, но и то, что слышал о ней, сплетает венки вечной памяти. Всю жизнь она отдала чужим детям — скромная, чистая, чуткая душа. Боясь заразить, уехала одна в больницу.

Утром сказал Наташе — Наташа разревелась, я сам был готов плакать. Клавоочка возбуждена, горячится, все бегаёт в связи с похоронами, идет суетня, дамы охают и ахают — и все это как-то не вяжется с жизнью Лидии Эдуардовны. Красива жизнь, красива смерть — на койке лазарета в одиночестве.

Решаю увековечить память Лидии Эдуардовны устройством библиотеки для детей. Собрали для этого в частном доме человек 15 родителей, больше дамы.

Будет переосвидетельствование белобилетников 1910-1916 гг.

23/1. У меня энфлюэнца. Часто думаю о маме, как бы помочь ей.

24/1. Один знакомый мальчик 2-3 лет, Андрюша Иванов, так молится Богу: «Помилуй, Господи, папу, маму, Лелю, няню, печку... душники... велосипед».

25/1. Умер страховой агент Алиодор Кириллович Готовцев¹² — бывший член Костромской губернской земской управы. Хорошей души человек. С ним я в 1909 г. ехал по Ветлуге.

28/1. Заседание родительского комитета. Созвал я, доложил о моем неутверждении попечителем. Комитет постановил передать председательство моему заместителю Гуссаковскому¹³ и решил обжаловать действия попечителя.

Гимназист гимназиста убил из револьвера. Стреляли, чтобы напрактиковаться перед военной службой. Револьвер был разряжен, один патрон остался. Приставил к виску и выстрелил; тот упал наповал.

Болею инфлюэнцэй.

30/1. Петруся увлекается чтением Шерлока Холмса, Пинкертон и пр. — им в гимназии читать это запрещается. Я не вижу худа — пусть читает: здоровая голова переварит, и увидит скоро, что это — дрянь.

Утром был на отпевании Александры Павловны Груздевой, матери покойной Ольги Аполлинарьевны. Слушал пение церковное. Потом от секретаря Научного общества притащил на руках 10 книг — рукописей старинных Д-ва¹⁴. Было тяжело нести, руки немели; подсел в розвальни и заплатил 20 к. — вернулся домой физически разбитый, но духом радостный, предвкушая разбор их.

Продукты дорожают. Вот некоторые цены. Мясо 1 сорт 38 к., свинина 40 к. фунт, четверть молока 50 к., русское масло 90 к. фунт, сметана 1 р. 20 к., яйца 70 к. десяток.

В Москве необычайный наплыв приезжих — нет номеров. Костромскому губернатору, говорят, пришлось вместо номера занять ванную.

31/1. Вечером заседало Научное общество, читал доклад «Ветлужская вотчина Дурново в 1838-39 г.» Начали подписку на музей-дом Научного общества¹⁵. Подписал 100 р., и, когда это сделал, на душе стало ясно, хорошо...

Нашего статистика Федора Александровича Богданова¹⁶ призвали на службу — он ратник II разряда 1909 или 1908 г.

Вернувшийся с войны прапорщик рассказывал, что в ноябре война кончится, да месяцев 6 будет идти перемирие, ибо вопросы <нрзб.> будут сложные, затем демобилизация. Снаряжение теперь лучше, пополнена убыль людей, начинаются бои, наши переходят в контратаки.

3/II. Эрзерум¹⁷ пал. Мы взяли его штурмом.

Открытие школы Барыковой — преемницы наследства Лидии Эдуардовны Паприц. Наташа в школе Барыковой.

4/II. За Ростовым-Ярославским крушение поезда — поэтому московские газеты не пришли.

5/II. Федор Александрович Богданов в сапогах, за которые заплатил 16 руб., пришел прощаться.

Вс.Ив.Барыков¹⁸ перевозит из Киева сапожную фабрику для земства. Говорит о том, как трудно в Киеве иметь дело с евреями. Нанятый им эксперт по оценке машин, инженер-еврей, надул его, т.е. взял гонорар, да сам лучшую высмотренную машину и купил для себя. Вообще, кто приезжает с фронта, все говорят о евреях отрицательно. Очевидно, антисемитские чувства и настроения в так называемом обществе растут.

6/II. Ездил в Ярославль на совещание с управой. Выехал утром в сумерках, и Кострома с ее каланчой пожарной показалась утром красивой. На Волге серо и <нрзб.>.

Ехал 2 классом. В вагоне 2 класса набивается третьеклассная безбилетная публика, стоят в проходах. Ехали бурмакинцы¹⁹ — говорят, что работа в связи с войной идет вовсю: и кузнецы, и

опиловщики (обдирщики) — женщины, зарабатывают хорошо. На ярославском трамвае более 0,5 кондукторов женщины.

8/II. Получил решение третейского суда по моему делу с Воробьевым. Я признан невиновным, и Воробьев²⁰ тоже. Вроде выеденного яйца.

Говорят, город в целях предупреждения спекуляции введет хлебные карточки.

11/II. Обновлен порядок переосвидетельствования белобилетников за годы 1916-1910 в течение февраля и марта. Понемногу доходит очередь и до меня. Осенью, вероятно, придется идти на войну.

12/II. Вечером в родительском комитете. Новый циркуляр Министерства народного просвещения о воспитательских комиссиях. Педагогический совет постановил образовать комиссию из священника, классных наставников, врача и 3 представителей от родительского комитета. Мы настояли, чтобы от родительского комитета в равном числе, т.е. 9 человек. С Рождественским²¹ все поцапались немного.

Мучной вопрос: говорят, что мукомолы Аристов²² и Чумаков²³ не смогут продавать в Костроме белую муку дороже 15 руб. мешок — иначе им грозит от губернатора Нарымский край. На каждом мешке терпят убыток 30 коп.; в Самаре мука 22 руб. Мука течет из Костромы в уезд, в Вологду, Иваново-Вознесенск. Говорят, целый обоз гужом²⁴ шел с мукой. Хотят установить одинаковые цены для города и уезда — 17,5 руб. мешок — и хлебные талоны в городе для горожан и в уезде через кооперативы крестьянам.

В пределах Костромской губернии казна заготавливает для общегосударственной потребности 15 тыс. кубометров дров в бассейне Унжн и на Северную железную дорогу 3870 кубометров березовых дров, 7330 слежалых и 1500 сухостойных; на Московско-Курскую железную дорогу 100 тыс. шпал; в бассейне Ветлуги — ружейные болванки для Тулы из березы.

14/II. В газетах [пишут] о крупном сражении германцев с французами в районе Вердена²⁵. Германцы ввели в бой 17 дивизий. Адский огонь и гекатомбы убитых с обеих сторон.

На днях открылась Государственная дума²⁶, выступление прогрессивного блока. Военная цензура запретила речь Чхеидзе²⁷, который, кажется, высказался за мир без аннексий, и Дзюбинского²⁸.

Вечером в дровяной комиссии: между прочим, выяснилось, что на одну Костромскую губернию назначены два уполномоченных по топливу — один Апушкин²⁹, другой губернатор³⁰. Апушкин — по заготовке для Москвы, губернатор — по обеспечению населения топливом. Создается такое впечатление, как будто нарочно создают условия, мешающие работе на местах.

15/II. Поссорился с Петей из-за тройки по латыни и тройке по французскому. Он их последнее время запустил. Я заставлял его заниматься. Он шипел, потом плакал, плача, говорил, что тоска заниматься по латыни, такая скука (грамматика), что неохота заниматься — особенно после того, как Филатов (математик) поставил ему 4 за верно решенную задачу.

16/II. Занимался с Петей по латыни.

Вечером в воспитательской комиссии. Директор предложил план занятий, в котором, между прочим, упоминал, что знаменитый физик Фарадей был церковным старостой. Упомянул об одном мальшке — ученике 2 класса, которого мать занимается шитьем, — ученик голодает, малокровный. Меня это очень поразило. <...>

17/II. Солнце, сосульки, море снегу.

Говорят, что на фронте в районе Молодечно — сыпной тиф, ежедневно заболевает по 100 человек в полку (есть такие полки).

Вечером пожар возле нас — горел сарай в доме Исакова. Я очень беспокоился. Но ветра не было. На пожар я примчался из городской управы.

Я верчусь в беличьем колесе — нахватал массу работ, насилу справляюсь. Не нахватал, навалили на меня, хотя я и отбрыкивался. С 9 утра до 4 часов в земстве, от 6 до 9 вечера в городе, затем разбираю ярославскую работу, архивы, по дровяной комиссии.

18/II. Приехал Ефим с фронта — он работает в городском союзе, устраивает там лавки для солдат; ассигновали ему на это 50 тыс. руб., подбирает служащих.

Вечером все мы: я, Клава, Петя и Наташа — были в гимназии на вечере в пользу гимназического лазарета для раненых. Петя читал басню «Любопытный», читал очень тихо. Рождественский скрипел, что раньше вечера лучше удавались. При мне назвал ученика на «ты», и тотчас заметил, что он <нрзб.> говорит на «ты» с младших классов, но на «Вы» говорит в классе обязательно.

20/II. В Научном обществе доклад Барыкова³¹ о космическом сознании (интуиция). Похоже: шла пряха о вере. Говорил больше отец Михаил Раевский³², изболничая докладчика в нерелигиозности.

19/11. Клава злится на меня, упрекает, что хочу отмежеваться. Чувствую себя правым.

Ефим говорил о евреях — очень суетливы и плохие организаторы, на западном фронте врачей-евреев не велено принимать на службу. Антисемитизм среди интеллигенции растет.

21/11. В гимназии директор хочет исключать Борю Долгосабурова и Мазеля (оба в 5 классе) за курение. Их поймал на улице учитель Козлов»³³.

Говорят, недавно были в Костроме обыски в связи не то с немецким шпионством, не то с бегством австрийского полковника: между прочим, обыскан присяжной поверенный Владимиров, у которого, будто бы, был роман с какой-то немкой, городской инженер Федер, врач-еврей Горшфельд (нашли 30 закладных и много золота) и др., в том числе брандмайор Митя Головцов, который, спяну послал телеграмму Владиминову за подписью 30 каких-то человек.

23/II. Наташа верит в существование ада. Убеждена, что Бог помогает нам и что у немцев есть свой Бог — немецкий.

Состоялось собрание земских служащих по распределению 2% отчислений из жалованья. Между прочим, оглашено заявление об отказе на отчисления заведующего статистикой Дмитрия Александровича Островского (получает 200 руб. в месяц), а также группы служащих страхового отдела. Это симптом — военное настроение изживается. По адресу отказавшихся были высказаны резкости. Между прочим, в числе отказавшихся Чистякова, муж которой призван на войну, командует ротой, получает 300 руб.; сама она служит в управе, получает половину его жалованья, за войну сшила себе каракулевое пальто.

На днях встретил на улице знакомого студента в форме агента «Северопомощи» — правительственной организации, кормящей лошадей, купленных у беженцев и пригнанных на кормежку в Костромскую губернию.

24 февраля получил телеграмму от председателя Ярославской губернской земской управы: «Губернская управа просит найдете ли возможным приехать осмотреть лес 80 десятин Даниловском уезде для покупки Желательно возможно скоро Тимрот»³⁴.

25 февраля утром выехал и был в Ярославле. День этот провел у Ивана Николаевича Ельчанинова³⁵ (архивника). Рассказывал, какие у него материалы по Костромской губернии: 1) рукопись 1573 г. о городе Кадуе, 2) роспись XVIII века о Буге, 3) грамоты по Галичскому уезду XVII века по вотчинам Адашева, Рылеева³⁶, Невельского³⁷, 4) материалы по открытию Костромского наместничества, 5) текст купчей купцов Лугининых³⁸, купивших в 1782 г. у Репнина³⁹ Ветлужское имение.

Квартира Ельчанинова заполнена архивным материалом, который он собирает с жадностью. Вся галерея до верху заполнена неразобранными материалами. Масса старых книг, журналов. Рассказывал, как пристрастился к скупке рукописей.

Живя в Угличском уезде, получил селедку, завернутую [в] бумагу, которая оказалась рукописью. На другой же день поскакал за 12 верст в Углич к торговцу, у которого куплена селедка. Оказалось, у него куплено 40 пудов бумаг из какого-то учреждения, из них сохранилось 30 пудов. Ельчанинов их скупил и увез к себе в имение — оказалось интересное дело монастыря с крестьянами. Теперь у Ельчанинова свыше 9 тысяч документов.

Сам он, обросший бородой, занятный рассказчик. Колоритен рассказ о вологодском попе, заключившем договор с дьяконом — не пить водки больше трех кабацких стаканов в день. Иначе выпивший свыше меры платит штраф 25 руб. Ельчанинов в Ярославской архивной комиссии руководит работами по описи архивов. Ассигновано им 7 тыс. руб., но с условием израсходовать их на беженцев. Вот он и приспособил несколько человек беженцев. Оригинальная форма помощи беженцам.

Был я у Ельчанинова с владельцем леса, который надлежало осмотреть—Андреем Валентиновичем Шестаковым. Молодой, нервный, ассистент на Стебуровских сельскохозяйственных курсах, увлекающийся энтомолог, специалист, единственный в России, по осам. Руководит графическими занятиями курсисток. Жаловался на определитель Шлихтендаля⁴⁰, по которому определителю, плохо составленному, курсистки непременно определяют клопа как цикаду. «Дашь клопа — одна за другой подходят и говорят: «Цикада». Раз рассердился, говорю: «Это не цикада, а корова». Обиделись».

Ночью (на 26 февраля) я и Ник. Вас. выехали из Ярославля, рано утром были на Вахрамеевском разъезде⁴¹ (не доезжая Данилова). На разъезде нас ждала лошадь. Возница — вологодский мужик — повез нас в усадьбу (она в 2 верстах от разъезда).

Снег, сырой денек, дул ветер. Проехали мимо Починка, деревни Карповской волости, где живут торговцы.

В усадьбе нас ждал чай. Разливала его тетушка владельца — лет 55, со щеками цвета сливы. Добродушная, толстая, разговорчивая. Полились жалобы. Хозяйничать трудно. Нет рабочих. Вологодские? Но с ними сладу нет. Прошел месяц, и не знаешь, будут ли они дальше жить, чуть не каждый месяц перерядки и набавки жалованья. Из-за рабочих пришлось и скотный двор сократить. Было три скотницы, но такое положение: две уйдут, третьей со всем скотом не справиться, и тоже грозит уходить, и так и порешили сократить скотный двор.

Пробовали работать с военнопленными. Были у них летом немцы — работающие, получали по 8 руб. в месяц. Работники великолепные, но очень требовательные, являлись с требованиями. Раз удовлетворил, явились во второй раз с требованием — понятно, не удовлетворил и отправил их к воинскому начальнику. Потом стороной выяснилось, что все это мужики подстроили, они же немцев и подговорили на требования. Мужики раньше по 50-60 руб. в месяц зарабатывали, а тот, что на косилке, 2 руб. 50 в день получал. Вот они и старались рассорить владельца с немцами. Отношения между немцами и крестьянами были хорошие, знакомились с парнями, ухаживали за девицами. Было разное — то побьют немцев, то приглашают к себе в гости.

Я слушаю эти рассказы. Странное чувство. Я в старом дворянском гнезде: дом старинный из красной сосны, сроку ему уже за сто лет, покосился. Мебель вся старая: пузатые нескладные комоды, трюмо в рамах из красного дерева, на стенах портреты родичей-предков, старинный рояль, письменные столы — все старинное, одна дверь из красного дерева. От всего веет стариной. Вот шкаф с книгами в старых прочных переплетах. Старинные книги.

Владелец ведет показывать свой музей — свитки жалованных грамот XVII века. «Раньше, — говорит он, — не берегли их. Я помню еще мальчиком, ими оклеивали под обои, т.к. они очень для этого удобны». Грамоты с печатями, с шелком, выцветшие, пожелтелые. Вот рукописи XVIII и XIX века. Записи по хозяйству за последние 20 лет. Старые монеты. Привезены из Херсонеса греческого, вещицы из раскопок — масляная лампа и пр.

Старое гнездо, а кругом клопочет новая жизнь, все меняя по-своему, на новый лад. Прошла железная дорога. Теперь вот пришли сюда, в этот угол, занесенный снегом, военнопленные немцы. В соседних деревнях появились беженцы, которых расселяют в пустых избах, — белоруссы из Барановичей; и кажутся они чужды[ми] обитателям Даниловского уезда — чрезмерно требовательными, нерачительными к чужому добру, склонными портить чужое имущество, непохожими на наших северных крестьян.

Тетушка знает о цели нашего приезда и спешит будто ненароком сообщить факты, способные поднять оценку леса: «А вот, мой друг, — говорит она племяннику, — в твое отсутствие <на днях?> приезжал в Починок подрядчик, говорил, что вторую колею будут строить, будут заготавливать шпалы, 100 лошадей будут стоять. Не продать ли лучше лес на шпалы?» И далее идут разговоры в том же роде. Говорят о том, что скоро Ярославль станет второй Лодзью, ибо туда переносят фабричные предприятия с запада: построен механический завод около вокзала, предполагают строить возле Романовской заставы фабрику автомобилей и аэропланов. Хлудов продал Полушкину рошу⁴² за 700 000 руб. (а самому стоила 50 000 руб.) какому-то польскому магнату, который переносит сюда большое фабричное дело... Говорят о том, что кругом рыщут лесопромышленники-евреи из Западного края и скупают, не жалея денег, дрова, лес на корню — рыщут в районе железной дороги, скупают дрова, строят лесопильни.

...Евреи, беженцы, пленные — новая жизнь ворвалась в тихий угол и творит что-то новое...

Дает себя знать война. «Знаешь, милый друг, — говорит словоохотливая тетушка, — нет кузнецов ни в Данилове, ни в округе. Посылали в Хмельничное — и там кузнецов нет. А в Данилове кузнец Степан (помнишь?) — на войне, другой, Григорий, убит. В Данилове платят за ковку 45 коп. с ноги, и то подкова должна быть своя. Так половина лошадей в уезде и остается некованой».

Слушая эти разговоры, пьем чай: великолепное масло, свежие яйца. Владелец говорит о курсах, о своей страсти к насекомым, о том, как на народе снял с шеи незнакомой барышни какое-то насекомое — вышел скандал, пришлось извиняться. Говорит о своем леснике Астафее — туберкулезном и неприятном мужике. О том, как трудно быть с лесниками. Каждый лесник себе новую избу ставит — это уж такое положение. С этим бы можно было бы помириться, если бы лес не продавали на сторону. Между прочим, рассказал, что еще в 90-х годах отец его сеял сосну по овсу. Я эти посадки — правильные ряды — видел из вагона.

Послали за лыжами. Одели валенки. Я взял все инструменты, и вчетвером: я, Ник. Вас., владелец и крестьянин — пошли на лыжах в лес. Впечатление чистоты, лыжи легко катятся по пригорку, синеют леса, на снегу корочка, блестят искорки на снегу. Иной раз нога соскальзывает с лыж, и [я] проваливаюсь в снег. Вообще, чувствую себя на лыжах неловко — словно пехотинец в седле или моряк на лошадях.

Ходим по лесу, выбираем участок для пробы. Спорим с владельцем. «Этот участок слишком плох — есть прогалки, не типичен», «А это, — говорю я, — слишком хорош». Березы стоят чистые, стройные. Лесу лет 30-40, недурной, с подлесью елки и обычной картиной смены пород.

Наконец выбрали пробу. Отграничиваем и обходим ее, вешит Н. Вас., я визирую, владелец помогает. Потом перечет. Прошу Ник. Вас. записывать, а сам, бросив лыжи, брожу по колено в снегу, обмеряя деревья. Вязну в сугробах, проваливаюсь в ямы — жарко, обливаюсь потом, задыхаюсь, порой за воротник с потревоженной ели провалится ком снега и обожжет спину. Видны следы каких-то зверей на снегу. И так тихо, чисто в лесу, четко и ясно, и на душе ясно, спокойно и тихо. «Ну, — говорю я владельцу, — нынче мы заработали обед». Наконец, после 3,5 часов работы проба закончена, и мы, усталые, едва передвигая ноги, плетемся на лыжах домой. Идем медленно, ибо движение по пригорку в гору. Так и хочется дорогой бросить лыжи, лечь на снег и забыться в дремоте.

Приходим домой иззябшие, усталые, голодные. Сбрасываем валенки, счищаем снег. Обед уже готов. Из суповой чашки подымается пар, на блюде пирожки домашнего печенья. Едим молча суп, потом какую-то птицу, потом прекрасные творог со сметаной и вкусным молоком. После всего этого, отяжелевшие, сидим без движения. Клонит ко сну, дремлет. Чистый, как шампанское, воздух и еда опьянили нас, усталых. Но времени кеифовать нет. Маленькое напряжение воли — и я с Ник. Вас. в гостиной вычисляем пробу. Моему удовлетворению нет пределов, когда оказывается, что проба дает полное совпадение с таксиметрическим описанием. По последнему, запас на десятине 27 куб. сажени, а у меня получилось 27,3 куб сажени.

Выходит владелец, успевший соснуть, — и он доволен, что мое исследование подтвердило таксиметрическое описание. Говорил о лесах. У меня от дневной работы болят руки и ноги. Садимся пить чай. Говорим о древесно-перегонных заводах. Один уже появился рядом в Даниловском уезде. Владелец спрашивает подробно об этом. Видно, и у самого намерение завести такой завод.

Тетушка сама — южанка, из Рязанской губернии, долго жила в Севастополе, любит чернозем и не любит север: «Лето здесь, — говорит она, — холодное, а я люблю тепло. И народ здесь другой — хуже наших, рязанских».

Темнеет — пора на разъезд. Подают лошадь. В прихожей девочка Манька, лет 14, маленькая и вертлявая, влезает на пенек, чтобы подать нам шубы, и очень довольна чаевыми. С нами едет и владелец.

На разъезде ждем поезда. Какой-то железнодорожник говорит, что вагоны за войну и вообще подвижной состав подработался, износился, а ремонт теперь основательный не делается — все приходит в запустение, нет дров. В Данилове в депо только на 10 дней дров. Говорит о Хаскине, скупающем повсюду дрова для железной дороги. Говорит о кондукторах, получающих 17 руб. жалованья, да 15 руб поверстных — как им не украсть при такой дороговизне, как ныне. Сетует на озорство новобранцев. Беда с ними — из вагонов чем попало швыряются в железнодорожных служащих

— стрелочников и пр. Основа злости та — де, мы кровь идем проливать, а вы тут сидите. «Как будто мы виноваты в этом, — говорит железнодорожник, — что нас не посылают на войну — ведь и железные дороги должны работать. Без этого война остановится». На днях новобранцы бросили из вагона полено в ремонтного рабочего — упал в беспамятстве, теперь еще болеет, и говорят, что свихнулся в уме. Солдата, бросившего полено, будут судить военным судом.

Дорогой какой-то господин — лесной ревизор — твердит, что для войны нужны три вещи: шпалы, шпалы и шпалы. Приезжаем в Ярославль поздно ночью и успокаиваемся в 3 ночи.

27/II. Был в управе. Сообщил члену управы Крылову данные осмотра: всего продают 86 десятин, на них 8200 погонных сажений. Дрова лежалые. Таксиметрическое описание в общем правильно. Но цены (5 руб. на корню с сажени погонной 12-вершковых дров) — дороговато. Корчевать 5 руб., заготовка и подвозка к станции 6 руб., погрузка 60 коп., провоз по железной дороге 1 рубль, разгрузка 1 руб.50, доставка со станции Урочи⁴³ на склад 3 руб. — итого <нрзб.> потребителю обойдется 5+6+0,6+1+1,5+3=17 рублей. Теперь цена в Ярославле березовых [дров] — 22 рубля сажень, лежалых — около 18 рублей. Владелец меня оспаривал.

Получил в управе за половину октября, ноябрь и декабрь 314 руб. 50 коп.

Из газет узнал, что объявила войну Германии Португалия⁴⁴ и что в Баку был погром лавок, магазинов — громили персов, русских и пр. Вечером вернулся в Кострому.

29/II. Клавочка купила дрова 1 сорта 12-вершковые, березовые, 16,5 руб. за сажень. Мужик, привезший их, попался какой-то особенный — не жуликоватый, с чистой душой. Рассказал: сына-большака на позиции снарядом в землю зарыло, один солдат откопал ему голову — мог только дыхание переводить. Отрыть всего нельзя было — сильный огонь был, так и лежал в земле 2 дня, потом санитары отрыли — жив остался.

С 1 марта в Костроме вводится продажа белой муки по талонам.

15 марта призываются на войну студенты, вероятно, в их число попадет и Толя⁴⁵.

3/III. В Галичском уезде трудно достать на лето работника за 180 руб.

У нас работает швея Марья Николаевна — жена небольшого чиновника в Управлении Гос[ударственных] Им[уществ]. Мерзнет в своей квартире. Получает 75 коп. в день. Работает с 9.30 до 7 вечера. Очень добросовестная, простая, чистой души. А живется ей, вероятно, трудно — почти проголодь при нынешней дороговизне.

Болен инфлюэнцэй.

4/III. Яркий весенний день, голубое небо и солнечные пятна на снегу. Красиво.

Уходит П.К.Исаков⁴⁶ на службу в Москву в «Земгор»⁴⁷ на 6 тыс.руб.

Умерла Маня — сестра Клавы.

Я назначен помощником Костромского уполномоченного по топливу, т.е. Апушкина. Отнесся к этому совершенно равнодушно — и 100 руб. оклад несколько меня не прельщает.

Говорил с П.К.Исаковым. Говорил, что трудно ему уезжать из Костромы, в которой прожил 19 лет; особенно весной, когда так хорошо сидеть на балконе и наблюдать прилет грачей.

5/III. Отставка министра внутренних дел Хвостова⁴⁸. Говорят, сыграла тут роль его интрига против Распутина и связь с Илиодором⁴⁹ через <Рухевского?>. Штюрмер⁵⁰, говорят, — ставленник Распутина.

Приезжающие с войны говорят, что война до августа — дольше бороться нельзя.

Директор-таки не исключил Мазеля и Долгосабурова за курение — все педагоги были против, кроме Воскресенского⁵¹ и Козлова⁵², вот результат общественного мнения.<...>

6/III. Заседание дровяной комиссии. Утверждена первая покупка дров у лесопромышленника Буйского Галашина⁵³ (600 куб.) со сдачей на Махровский разъезд⁵⁴ — смешанные дрова по 45 руб. куб., осина по 40 руб. куб. Члены комиссии жаловались на страшное бездорожье. Дороги невозможно плохи — ухабы, ямы.

7/III. Земские служащие мне поручили составить адрес Петру Константиновичу Исакову, который уходит в Москву на службу в «Земгор», т.е. Земско-Городской союз по снабжению армии военными припасами.

8/III. Солнце — белый снег — по снегу утренние тени.

10/III. С проводами Исакова вышли осложнения. Предполагалось в гостинице. Гостиницы отказались без разрешения полицмейстера. Разговор с полицмейстером по телефону, дал согласие, но под условием, чтобы не было спиртных напитков и битья стекол. Но все же и с разрешением полицмейстера гостиницы отказались дать помещения (очевидно, не без тайного давления той же полиции).

Управа разрешила устроить провода в помещении земства. Проводы и состоялись вечером — длинные столы с яствами, но без питей. Собралось довольно много народу. Взволнованное чтение и поднесение адреса. Читал я, волновался, Исаков был смущен, прослезился, заволновался, ничего не мог сказать. Воцарилось тягостное молчание... И вообще, без вина было как-то натянуто, тоскливо, нудно. Было жаль уходящего Исакова.

Говорились речи на темы о значении 3-го элемента⁵⁵, о больших кораблях (Москва) и маленьких лодочках (Кострома). Один господин (Игнатьев) соглашался с каждым оратором, хотя бы они противоречили друг другу, и неуместно пускал реплики: «Разумеется», «Совершенно верно», «Вполне с Вами согласен», что вводило комический элемент. Потом говорили о материальном положении земских служащих, о мелких нуждах, об <нрзб.> в выдаче лекарств, о прибавках, о шестом часе. Были земские барышни, была Софья Людв., которая, между прочим, сказала мне: «Вы нас третируете, как маленьких» (?!). На вечере чувствовалось, что уходит хороший человек. Между прочим, про него сказал один из управских сторожей:» Так что останется (с уходом Петра Константиновича) одно хулиганство».

Переходим в наступление, взято в плен 1000 человек.

11/III. В Буйском районе теперь уже 5 древесно-порошковых заводов: в Кунице, земский (строится в Каменско-Толочаловской даче), П.В.Шулепинкова⁵⁶, Архангельского⁵⁷ и Бровкина. В Кунице у земства работают 31 человек военнопленных. Были 2 забастовки, между прочим, во второй приняло участие 5 человек — за это их на 7 суток ареста (отправили к воинскому начальнику); платили по 1 руб. в день — отсюда расходы на кухарку, освещение, стол — в общем, остается в месяц на человека 3-8 руб. За болезнь вычитается, т.к. плата поденная. В головах земцев, организующих земские заводы, идет психологическая ломка. Миросозерцание старое рушится, появляются хозяйские черты. Куда это уведет?

Впервые в газетах сообщение о применении нами удушливых газов.

12/III. У Петруси кончилась четверть — он четвертый ученик.

Был на съезде лесопромышленников р.Костромы, который постановил ходатайствовать о разрешении самоплава от Буя до Исад⁵⁸. Один лесопромышленник сказал, что сплавливать лес с бабами — только людей «рассмешишь».

Губернская управа прибавила ввиду дороговизны земским служащим 10, 20 и 30% прибавки (жалованья).

Сына М.А.Врублевской (страховой агент) взяли в солдаты. Она очень расстроена.

13/III. Рождение Клавочки. Прибежала Надя Барыкова — пышущая здоровьем крепышка.

14/III. Был с Петей и Наташей на Федоровской ярмарке⁵⁹ — купили по мячику-скакалке. На ярмарке продают берда, скребницы, прялки — свист, крики, смех, черно от народа, скользко, падают.

15/III. Говорят, везут массу раненых, поезда переполнены. У немцев на роту по 16 пулеметов; от некоторых наших полков осталось по 12 человек в строю.

В Иваново-Вознесенске дрова по 28 руб. за погонную сажень. Шевалдышев⁶⁰ (городской голова) говорил, что на торфяниках (около Остапова) строит казармы для рабочих — нет драночного гвоздя. Локомобиль вместо 3 тыс. руб. купил за 6700 руб.; сам сказал, что продал пуд черной краски, стоившей до войны 12 руб., за 600 руб. Говорит, что рабочие у него зарабатывают бешеные деньги — например, кузнец — 150 руб. в месяц, возчики зарабатывают до 10 руб. в день. И прибавил, что без монопольки⁶¹

плохо: никто работать не хочет, у всех деньги.

17/III. В газетах на днях объявлено, что призыв белобилетников, ввиду сельских работ, прерван до 1 октября. 25 марта призыв ратников II разряда 906 и 907 гг. и ратников I разряда за 1897 год.

Поливанов⁶² (военный министр) смещен, а на его место назначен главный интендант Шуваев⁶³.

Интересное выражение: «Свечки теряют, а огарки считают».

18/III. Везут, везут раненых. В Москву прибывают по 5 поездов в сутки с ранеными.

В Середи⁶⁴ у Горбунова⁶⁵ итальянская забастовка. Фабрика закрыта.

19/III. Видел земца-солдата — исхудавший, в серой шинели. За ругательства по адресу генерала попал под военный суд и приговорен к месяцу тюрьмы, но взамен этого идет на позиции.

Таёт.

20/III. Таёт. Солнце.

В газетах сообщение, что саратовские адвокаты (Лебедев, Отков и Антонов) ссылаются в ссылку.

21/III. Особая настроенность, какая-то трещинка в моем настроении, нет покоя, томление духа.

Клавины именины. Подарил ей виноградный сок (бутылку), был торт из кондитерской. Наташа присела от радости.

Читал доклад в Научном обществе о Подольской вотчине Кандалинцева. Барыков рассказывал о своем деде (в Готовцеве Галичского уезда), о войне его в с. Готовцеве с духовенством: «Вышел на луг Барыков с народом и был у него великий бой с духовенством, — так говорилось в церковной летописи, — и все нас одолели, все стоженьки побросали в воду»; в другой раз дед поехал с катками по церковной спелой ржи. Был он безбожник и приказывал крепостным молиться в сев, чтоб дождя не было, а если дождь пойдет, матерно ругает небо.

Леванович⁶⁶ в Научном обществе читал об опухолях. Связь между раковыми заболеваниями и Merulins Sacrimans и черными <нрзб.> налимками.

Утром приезжал ко мне гимназист Сергей Симонов. У него по физике — 2, алгебре — 2, поведение — 5, страдает пороком сердца. Сын крестьянина. Принес в класс отказ от уроков: болели зубы. Классный наставник Попов⁶⁷ не принял отказа, заявив, что зубная боль не может быть причиной: учителя готовятся к урокам и при зубной боли. Мальчик заявил, что будет жаловаться отцу. Попов доложил директору. Директор потребовал от С. объяснения. С. объяснил, что хотел жаловаться отцу в том смысле, что не доверяют родителям. Директор: родители не начальство, за эти слова поведение поставлю 3 в четверти. С. заявил, что ввиду тяжелого материального положения (отец у него на фабрике Кашина [получает] 50 руб., брат зарабатывает 25 руб. — вся семья в 8 человек живет на 75 руб.) он учится последний год. Директор: «В таком случае выведу годовую тройку». С.: «Это Ваше дело». Директор: «С завтрашнего урока не приходите в гимназию». Мальчик взволнован исключением. Посоветовал обратиться к председателю родительского комитета, коему и написал письмо.

22/III. В дороге. Рассказ доверенного (бухгалтера) фабрики Скорынина⁶⁸ в Нерехте в Горках-Павловых. Лесоохранительный комитет наложил запрещение на 1,5 года. Указано, что вырубил 20 десятин, а количество показано 1000 сажень. Несоответствие в цифрах. При средней <плотности?> надо считать с десятины 25 куб., а 1000 погонных сажень отвечают 10 десятинам, т.е. почти нет переруба. Составлявший протокол не вылезал из саней. Во время отъезда спросил: «Вы бухгалтер?» — «Да». — «А как Вы проводите в конторских книгах взятки... под каким легальным титулом?» — «Я был в недоумении. Что это? намек?» — рассказывал бухгалтер. То же было у Горбунова⁶⁹. Составил протокол, а потом сам писал просьбу о пересмотре постановления лесоохранительного комитета о запрещении. «Встречаю доверенного Горбунова: «Ну что? Как?» — «Да написал он уж жалобу». Ну, конечно, его поблагодарили».

В январе-феврале в Костромской губернии повсеместно прошли забастовки на маленьких фабриках. Почва — дороговизна. Вчера кончилась забастовка (почти месячная) у Горбунова в Середи. Просили прядильщики вначале по 20-30% на сорт, а пришлось, в конце концов, прибавить всем по 10%.

У Скорынина замечается уход ткачих с фабрики в деревню. Берут расчет и уходят. Объясняют так:

«Зимой ходили на работу в валенках, теперь распутица будет, башмаки стоят 12 руб.; все дорого — крупчатка, сахар; самый плохой ситец — 35 коп. аршин; после распутицы будем ходить на фабрику, но уже босиком, чтобы не портить обуви». Из 1600 рабочих фабрики мужчин только 400. Летом % на пятьдесят увеличится простой станков, теперь уже простой — %20: нет людей. Фабрика купила 477 десятин леса.

Летом прокатится волна забастовок, ибо дороговизна еще возрастет. Черная сернистая краска стоила 70 руб. пуд, а теперь 1200 руб. Нет паковочной рогожи — вывоз ее из Владимирской губернии запрещен. Трудно с пряжей, краска качеством хуже. Глядишь, окраска пуда пряжи станет в 90-100 руб.

Завелась недавно в Горках-Павловых потребилка⁷⁰. Лавочник Ник. Ив. всех довел до каления. Накалил. Нет сахару. Говорит: «Уж я из своего запаса только для тебя фунтик отпущу — по 50 коп.» Устроили потребилку служащие фабрики, рабочие некоторые просто переродились. Пьяница-печник сделался членом правления. Вина в рот не берет, верят ему 500, 1000 рублей, даже за винным спиртом для фабрики ездил. Лавочник пытался подорвать потребилку. Потребилка достала муку чистопросеянную из земства — немного черновата, но хорошая, душистая. Баба несет пуд муки из потребилки. Лавочник: «Дура, что везешь? Муку? Какая мука это? Это не мука, а коровья посыпка... Неси ее обратно». Баба понесла обратно, и пришлось ей доказывать, что это мука, а не посыпка для скота. Потом рабочие, идя мимо лавочника, задирали его стали: «Как торгуете, Ник.Ив.?» — «Ничего, не как вы (потребилка) — я не на одном постном масле еду (потребилка получила партию постного масла). Таким маслом, как продаете, собак обливать, а вы православных морочите».

Варят добрые люди бражку — по 0,5 пуда дрожжей уходило из лавки.

Я зарабатываю 612 руб. в месяц.

Приехал в Вичугу, оттуда на лошади в Бонячки⁷¹, остановился в заводском доме. Отвели угловую комнату. Над кроватью гобелен, изображающий таверну, в ней гранды в ботфортах и широкополых шляпах любезничают с красоткой. Один наигрывает что-то на гитаре, остальные хохочут. Она закрывается рукой. Пол устлан линолеумом. Кровати с шишками, зеркальный гардероб, на двери драпри.

Ходил по окрестностям — по Бонячкам, по Новой Вичуге. Поблескивают лужи. Чернеет дорога. Сверкает на солнце весенний пузырчатый снег. Поют скворцы на ели. Домики без дворов однообразного типа. Ребятишки весело разбредаются из школы. Заметил вывески: «Клуб союза служащих оптово-промышленных предприятий», фотография «Труд», Ново-Вичугское общество потребителей, кинемобиоскоп «Луч», «Общественное собрание служащих при фабриках товарищества мануфактур И. Коновалова», ясли, большая больница, поселок Сережино.

Вечером было совещание директоров и фабрикантов по дровяному вопросу. Фабриканты и директора в разговорах между собой рассказали много интересных вещей. Между прочим, на Большой Кинешемской мануфактуре в механическом отделении начали сильно применять женский труд — есть женщины-токари по металлу, маляры — все работают в мужских костюмах, штанах. Много разговаривали о забастовках, которые в феврале и марте были на ряде фабрик. Забастовки были на ряде мелких фабричек, а на крупных до них дело не доходило — хозяева шли навстречу. Отмечают повышенный тон рабочих. Забастовки на почве дороговизны.

На фабрике А.А.Разоренова⁷², по словам владельца, на днях рабочие ему сказали, требуя прибавки: «Ботинки дорого стоят, а Вы нашими руками жар загребаете». А.А.Разоренов прибавил ткацким подмастерьям. Фабриканты спрашивают, будет ли он прибавлять также и прядильщикам. «Нет, не буду». — «Почему?» — «Во-первых, прядильная фабрика помещается в другом районе, а во-вторых, прядильщики прибавки не просят».

Липинский⁷³, директор большой Кинешемской мануфактуры, говорит: «Завтра у нас на фабрике рабочие (ткачихи) придут просить по два шелковых платка, пару шевровых ботинок и 5 руб.» Фабриканты ржут от остроты. Липинский говорит, что следовало бы летом в течение одного месяца работать не в 2 смены, а в одну, чтобы дать возможность рабочим принять участие в сельскохозяйственных работах

Среди фабрикантов бродит идея объединения для закупки топлива. Борнеман⁷⁴ — директор Родниковской фабрики, живой, подвижный, как ртуть, увлекающийся, говорит: «Господа, не будем хоть

в этой области — в топливном вопросе — конкурировать, объединимся, чтобы сбросить иго дровяников». Мечтают об аренде крупной лесной дачи (Шартановской, Владыченской) или болот (например, Котловских) и об устройстве там центральной для фабрик электрической станции, снабжающей энергией.

После совещания сервирован ужин с вином, на котором были и офицеры автомобильной роты, расквартированной в Бонячках. Капитан, высокий, блондин, все расспрашивал про глухариные тока. Он же, негодуя, рассказывал про прижимистого Ив.Кап.Коновалова⁷⁵, фабриканта. Коновалов этот унаследовал 10 миллионов, теперь их удвоил, богаче всех, а скряга. Пищу варит в горшечке на два-три дня. Офицерам на его фабрике коек не дали, на 3 человека дали одну лампу, да и ту старую. Мать Коновалова все приговаривает: «Мы люди бедные». Все имущество в комнате офицеров описали и опись представили капитану. Капитан взял ее, читает, а там написано: «образ в серебряной ризе с жемчугом» и т.д. Он с гонором вернул опись фабрикантше, заявив: «Сударыня, возьмите эту бумагу, мы офицеры русской армии, а не воры». Сквалыга!

Сообщили за ужином, что сегодня на фабрике Ключникова⁷⁶ забастовали рабочие.

Типы фабрикантов. Директор Борнеман — увлекающийся, когда говорит, живые глаза: «Не будем здесь, в топливе, конкурировать — достаточно и в других сферах конкуренции». Герасим Кокорев⁷⁷ — в пенсне, с обликом жирного кота. Разреновы — молодые франты.

Говорим об овсе и мороженом мясе, гниющих в Сибири на станциях.

23/III. В вагоне встретился с интересным попутчиком, который рассказал, что был недавно в Москве и туда за 10 дней «накачали» 100 тыс. раненых. Мы разбили артиллерией 1-ю линию заграждений, но напоролись на вторую. Говорил также, что у нас около 2 миллионов дезертиров и уклонившихся.

В Москве наждачный камень кончился.

В Москве на заводах токаря зарабатывают по 5-8 руб. в день, работа идет в 3 смены по 8 часов; рабочие получают почасно, по 10-16 коп.; селедка стоит 50 коп., мясо 40-45 коп. Чтобы больше заработать, чернорабочие работают по две смены кряду — по 16 часов; утомляемость, вследствие этого, большая, и в результате угрожающе растет число несчастных случаев: то руку оторвет, то пальцы обрежет.

На станциях провожают солдат. Пассажиры говорят: «Народ обтерпелся, на войну идут — не так плачут, как раньше». В Середи голосила молодая баба, солдат любовно ласкал ее рукой. Когда подъезжали к Костроме, мальчишка швырнул камень в окно — разбил окно и пассажиру запорошил глаза стеклом.

В соседнем купе два студента, один из них в поддевке, и жена его — молоденькая, рыжекудрая. Он картавит. Она зовет его Николаем. «Я страшно люблю играть в карточки», — говорит она. В Ярославле она была у гадалки, рядом муж гадалки лежит пьяный и говорит, слышно: «Вот если бы в меня все ярославские барышни влюбились и вокруг меня, как мельница, вертелись». Студент, картавя, говорит о писателях: «Вот не люблю кого — Успенского⁷⁸, нитье!.. Все эти поля, леса, долины да березки». О ресторанах говорит, смакуя; о ресторане Кюба «Медведь»: «Знаешь, с медведем у подъезда, на Конюшенной, с балконом... Не люблю «Европейку» — филенчатый зал не нравится, а вот «Астория» — прелесть, роскошные пальмы, совсем как за границей. В Москве... ездил в «Стрельну», «Бристоль» — чудные кабинетики, прелесть. А главное — нет этого кабацкого духа. «Большая Московская» — цветов столько, как будто сад... А то, знаешь, подойдет метрдотель и скажет: «Получено новое — стерлядки, не прикажете ли приготовить?» При тебе и приготовят: дичь, прованское масло...»

На станции [в] Костроме вагоны, полные немцев-колонистов. Тут и живут.

К Волге текут ручьи.

24/III. Провинция жаждет слухов. Дважды слышал сегодня фразу: «Приехал солдат с фронта и говорит: «Наступления не будет». И в этого безвестного солдата верят.

Остановилась мельница Аристова⁷⁹ — нет помола. То же в Рыбинске, Нижнем.

Город проектирует купить автомобиль для перевозки дров.

Член управы Ротаст⁸⁰ исходатайствовал именоваться по матери — Мичуриным.

25/III. Ездил с Клавой в Байдарки⁸¹ снимать дачу. Дорога портится, снег, припеченный солнцем. Лошадь горячилась. Боялись, чтобы ног не переломала.

В Байдарках избы загачены⁸².

Иранда рассказывала про мужа Никанора: лежит в лазарете, воспаление в легких, кровь шла из него. В Москву ездила побывать. Поразило ее, что в Москве самоваров не ставят, кипятик носят из трактиров.

Вечером Боря, Валя, Витя отодвинули стол и играли в жмурки.

27/III. До глубины души меня возмущает иногда Клава. На душе тяжело.

28/III. У лесопромышленника Павловского ежедневно зимой в лесу работало 1000 лошадей и 3 тыс. рабочих; в Юрьевце до войны дрова [стоили] 35 руб. пятерик⁸³, в январе Павловский объявил цену 70 руб., скупил все дрова в окрестностях, даже по 2-3 пятерика скупал, скупил проезды, свалы. За проезд к реке и фабрике Миндовского⁸⁴ взял 500 руб. Платил по 50 руб. пятерик, чтобы скупить все дрова, рабочим заплатил на перерядках лишку до 70 тыс. рублей.

29/III. Губернатор не хочет давать Научному обществу разрешение на сбор на постройку музея⁸⁵. «Все, — говорит он, — должно быть теперь для обороны, не время заниматься разработкой писцовых книг». Это сказал он Апушкину.

29/III. В Ярославле ледоход. Потрог был и здесь.

Вечером был на докладе Григорьева⁸⁶ о летних исследованиях лугов. Прекрасные диапозитивы.

30/III. Один отец радостно кричит мне через улицу: «Вернулся мой сын Борис (ученик 1 класса) с фронта...» Ледоход.

31/III. Кончили предварительный подсчет переписи — в Костроме без солдат 73668 жителей.

1/IV. Родительский комитет. Неожиданный конфликт с директором Рождественским⁸⁷ из-за права председателя родительского комитета сообщать комитету обо всем, что делается в педагогическом совете. Директор стоял на точке зрения, что председатель родительского комитета в качестве члена педагогического совета должен подчиняться всем циркулярам Министерства народного просвещения, в том числе и циркуляру о неоглашении того, что делается на педагогическом совете. Против этого все восстали и решительно заявили (даже безгласные члены стоял на родительского комитета), что председатель не только имеет право, но обязан в качестве нашего избранника оглашать то, что делается на педагогическом совете, не называя, впрочем, имен учителей. Разговор шел в мирных тонах. Но Рождественский все возражал, оспаривал право родительского комитета вмешиваться в инциденты с учениками и начал грозить, что, если это будет так, он не станет приглашать в совет председателя родительского комитета, а, кроме того, донесет попечителю. «Зачем Вы запугиваете, Александр Николаевич,» — сказал Лони. Рождественский вскочил, как ошпаренный, вспыхнул, как порох. «Я не буду, господа, вас запугивать, я уйду». Выскочил, оделся в передней, потом приотворил дверь одетым и крикнул в дверь: «Моя нога больше не будет у вас». Члены родительского комитета пожалы плечами.

Между прочим, на этом комитете был поставлен на очередь вопрос о пересмотре ученических правил, в которых есть такие перлы: наравне с кафешантанами и трактирами ученикам запрещается посещать земские и городские собрания.

2/IV. Говорят, в казармах один солдат отравился, другой удушился. Вообще, будто бы, режим суровый: заставляют солдат в виде наказания с ружьем в руках ходить вокруг казармы утиным шагом (т.е. на корточках).

4/IV. Состоялось собрание служащих земства, созванное Ширманом⁸⁸ для организации закупочного товарищества — довольно многолюдное. Говорили о том, что дрова дорожают, что надо избегать посредников, что вокруг Костромы есть дрова, что жители Татарской слободы покупают дрова на своих лошадях по 6 руб. сажень, что колесные дороги лучше зимних, что... и пр. В конце концов, решено организовать закупочно-заготовочное товарищество из земских служащих и выбрана комиссия для разработки вопроса.

Вечером совещание при Костромском уполномоченном по топливу. Постановлено поддержать ходатайство о ссуде г. Костроме 300 тыс. руб. на заготовку дров. Слушали доклад о спекуляциях Павловского и об обеспечении фабрик топливом.

Государственная дума распущена до половины мая.

6/IV. Взят Трапезунд⁸⁹. Говорят, на фронте настроение бодрое, ждут нашего наступления, дойдут до Вислы, к осени война кончится.

Дети говеют. Нас распустили на Пасху. Пять дней сидим без газет — Волга не перепускает.

Слухи о том, что турки хотят мириться и что в Севастополь для переговоров о сем прибыл английский посол.

8/IV. Купил у Лапина⁹⁰ за 6 руб. переписку Кондомской волости 1677 г. и четыре челобитных.

9/IV. Русские войска вступили в Марсель. Говорят, их послано туда, отборных, 2 корпуса.

Ходил покупать детям подарки к Пасхе.

10/IV. Пасха. Подарки. Наташа радовалась подаренному ей свистку.

Вечер у Вс. Ив.⁹², который рассказывал, что за время войны изношено солдатами 34 млн. пар сапог-следов, убито 17 млн. голов скота — расходуем основной капитал страны.

Передавали такую версию, из-за чего идет война: «Бары затеяли войну, чтобы перебить чернядь (т. е. чернь)». Какая чепуха!

Приехавшие с фронта говорят, что к осени будет мир, потому что германец голодает, снарядов у нас много. Эрзерум мы взяли при помощи газов (говорят, с синильной кислотой), от которых все погибает, — за газами шли санитары и только подбирали трупы.

11/IV. Интенданство заказало 60 тыс. пар лаптей. Пара лаптей стоит 60 коп.

В народе ходит такая версия про участие земства в обороне страны: «Бары все забирают в свои руки, хотят восстановить крепостное право». Слышал рассказ о взяточничестве среди деятелей земского и городского союза: куплен автомобиль за 4 тыс. руб., а счет написан в 6 тыс. руб. по просьбе агента земского союза — и это было, будто бы, в Костроме.

Барыков рассказывал о своем деде, помещике в с. Готовцеве Галичского уезда. Соберет дворню на ладонь⁹³ хлеб молотить. Показалась тучка в небе. «Молитесь вашему Богу, чтобы дождя не было. На колени!» Пошел дождь. Кошунственно ругает Бога за дождь, а дворню велит пороть.

С позиции пишут, что солдаты спрашивают, когда мир, нет ли чего в газетах.

12/IV. Заходила Н.А. Муж ее в 7 верстах от окопов, живет в землянке, страдает неврастением: целыми днями лежит безучастно. Видит сны, в которых прощается с семьей — предчувствие, что больше своих не увидит. Дороговизна там: фунт хлеба 23 коп., фунт сахару 60 коп., папироса 1 коп.

Слышал такую ироническую фразу о наших союзниках: «Англичане будут воевать до последней капли крови... русского солдата».

14/IV. Обрывок разговора, слышанного на улице: «И что, это, нынче за офицеры пошли, прапорщики эти! Сапожники, трубочисты — все в прапорщики пошли. Ни манер они не имеют, ни обращения, ни черта. Держать себя не умеют. По моему мнению, чем человек образованнее, тем себя проще держит. Мой знакомый торговец яблоками вышел в прапорщики, деньги огребают.. Сама слышала: вышла дама нанимать извозчиков, ищет, а их нет, она и спрашивает городского: «Почему нет извозчиков?», а он в ответ: «Сударыня, все извозчики ноне в прапоры пошли».

Объявлено, что 25 сентября призыв новобранцев.

Клапа купила детям ботинки про запас — по 13 руб. 50 коп. пара.

Травка зеленеет. Голубое небо, струистое, просвечивает через рыжеватую кисею березовых веток. Четки белые стволы берез.

14/IV. По дороге к Мешхеду⁹⁴ лежат везде камни. «Что это такое?» — спрашивают извозчика. — «Это камни идут в Мешхед молиться». Такое поверье. И камни, действительно, идут, ибо персы, когда

никто не видит, тайком их переносят. Это рассказывал, и много другого интересного из персидской жизни, А.А. Языков⁹⁰.

В Мешхеде мечеть Има-ризы⁹⁶; на том месте, откуда она видна, верующий кладет камень, масса таких камней — отметки для близоруких и дальнорукых — закон большого числа.

15/IV. В Ирландии попытка восстания в Дубельне⁹⁷. Очевидно, немецкое подстрекательство. Первое за 600 лет закрытое заседание английского парламента.

У бузины раскрылись почки.

16/IV. У нас во дворе первый раз поет славка — флейтовые ноты.

Мясо 1 сорт — 45 коп. фунт.

А.А.Языков по памяти сообщил мне стих из дневника Токмачева 1814 г. под Данцигом. (Дневник этот увезен куда-то Петр. Никол. Прохоровым). «Вы не смейтесь, что я щурю свои старые глаза, Я уж видел, братцы, бурю, и знакома мне гроза, Я бывал не раз средь бою, смерть видал не вдалеке, Так не стыдно для покою походить и в колпаке».

19/IV. Распускается спирея дубровколистная.

Мичурина кому-то дрова хотела продавать по 7 руб. сажень (верст 15 от города), потом от этого отперлась, а теперь хочет продавать бельгийцам по 10 руб., а через день по 11 руб. сажень.

Леонид Вас. прислал письмо об апреличке, которую встретил в лесу, и она сказала ему, что война скоро кончится и что если папу не убьют, то он скоро вернется домой.

20/IV. Страшно замучен работой; работаю с 9 утра до 12 ночи, иногда до 1 часу, до 2 часов, но это бы все ничего. Я страшно одинок, иногда переживаю это особенно остро. Мелькает мысль о самоубийстве.

21/IV. Зацветает береза, цветет тополь, из земли лезут одуванчики, снытки.

Солдаты поют по улицам: «Настало время сбросить бремя, цепи разорвать, наш великий император в бой велел идти».

22/IV. В газетах сообщение об аресте Сухомлинова⁹⁸.

Был в суде присяжным заседателем. По одному делу за 3 руб. кражу рецидивиста приговорили к 2,5 годам арестантских рот. Трех 17-летков и вооруженной краже оправдали. Часто в дознании фигурировал «керосинный спирт» (денатурат) по 5 руб. бутылка.

23/IV. Был на докладе Рождественского⁹⁹ о внимании у учащихся. Из доклада: «Кажется, алкоголь сходит со сцены на военные времена. Надо предохранять детей от никотина». Была тоска зеленая.

26/IV. С 1 мая сахар будет продаваться по талонам. В городе сахарная паника. Клава купила мешок сахарного песку, хотя я ее отговаривал.

30/IV. Наташа называет маму «Мукой», Петю — «Пекошей» (тот на это злится), меня — папулинькой.

Назначение Гарина товарищем военного министра связывают с походом правительства против «Земгора» и военно-промышленных комитетов.

Приезжал к Апушкину фабрикант и лесопромышленник Тихомиров¹⁰⁰ жаловаться на Куломзина — на реке Мере идет у товарищества 15 тыс. саженец дров, Куломзин в низовье скупил участок и своими дровами нарочно затягивает сплав дров сверху. Куломзин: в Кинешемском уезде — большая сила.

Новые правила о сплаве.

Морокин¹⁰¹ на армию поставил 30 миллионов марли.

Говорят, на Унже на сплаве поденная плата доходила до 18 руб.

КОММЕНТАРИИ

¹ Члены семьи Е.Ф.Дюбюка: жена — Клавдия Петровна (1876-1919) и дети — Петр (1903-1965) и Наталья (1906-1981). Петр учился во 2-й Костромской гимназии, затем окончил естественный факультет Казанского университета, преподавал и возглавлял кафедру высшей математики в Военно-Воздушной Академии и Московском энергетическом институте, профессор, специалист по высшей математике. Наталья получила медицинское образование, во время Великой Отечественной войны была военврачом, позже работала в клинике Медицинской Академии наук.

² Ширский Александр Александрович — лесничий, член КНО. В 900-х годах, живя в Ветлужском уезде, собирал этнографические материалы, которые в 1920 г. передал в архив КНО. В 1923 г. В.И.Смирнов опубликовал их в Трудах КНО (вып. XXIX). В 1919 г. подарил Музею местного края коллекцию пряничных досок, набоек, прялок, кружев, старинных полотенец, фарфора и пр. (всего 208 предметов), представляющую исключительную научную и художественную ценность.

³ Ельчанинов Иван Николаевич (29.05.1862-1919, Москва) – генеалог, историк-краевед. Более всего известен как автор публикаций по генеалогии ярославского дворянства. Им собраны и опубликованы документы по истории ярославского народного ополчения. Был членом историко-родословного общества, Ярославской губернской ученой архивной комиссии, Костромского научного общества по изучению местного края. Обладал обширным знанием архивного материала, касавшегося Костромского края и частично помещенного в У11 выпуске Трудов КНО (1917 г.): «Сотная пригородка Кадуя 1573 года» ; «Описание городка Буя, составленное инженер. поруч. Федором Перелешиним в 1718 г. при воеводе колл. ассес. Серг. Темском».

⁴ Четверть — мера сыпучих тел, равная приблизительно 210 литрам.

⁵ Баки-Никольское — село в Баковской волости Варнавинского уезда Костромской губернии, в 38 верстах от уездного города Варнавина.

⁶ Ловчен (Ловчин) — гора в Черногории на границе с Далмацией.

⁷ В 1-й мировой войне Черногория воевала на стороне Антанты. В январе-феврале 1916 г. Черногория была оккупирована австро-венгерскими войсками. Король Николай бежал в Италию.

⁸ Галиция в IX-XI вв. входила в состав Киевской Руси, затем была захвачена Польшей и с 1352 г. вошла в ее состав. В 1772 г. после первого раздела Польши оказалась под властью Австрийской империи. В августе-сентябре 1914 г. русская армия заняла Галицию. Но в конце апреля 1915 г. ситуация резко изменилась к худшему. Крупные австро-германские силы прорвали фронт, и в мае-июне русские войска вынуждены были оставить Галицию.

⁹ Коновалов Иван Капитонович — гласный Костромского губернского земского собрания, владелец фабрики «Анненская мануфактура» близ Кинешмы. Член КНО.

¹⁰ Паприц Лидия Эдуардовна (1860-1916). Окончила Екатерининский институт, имела звание доктора философии. Приехала в Кострому из Ясной Поляны в качестве ссыльной за преподавание по системе, разработанной Л.Н.Толстым.

Открыла в Костроме частную школу (ныне ул. Горная, 16), преподавала в воскресной школе для рабочих. Принимала деятельное участие в организации костромских губернского и уездного земств в области народного образования. В 1916 г. библиотеке-читальне юных читателей общества «Образование» присвоено ее имя.

¹¹ Горемыкин Иван Логгинович (1839-1917). В 1914-1916 гг. председатель Совета Министров России.

¹² Готовцев Алиодор Кириллович — инспектор взаимного земского от огня страхования Костромской губернской земской управы. Жил на ул. Никольской в доме Упервицкой.

¹³ Гуссаковский Владимир Леонидович — член Костромского губернского по воинской повинности присутствия. Член КНО.

¹⁴ Рукописи Д-ва — имеются в виду, скорее всего, рукописи Дементьева Д.П., т.к. по материалам из его собрания Е.Ф.Дюбюком были опубликованы работы, в том числе «Ветлужская вотчина Дурново в 1838-39 г.»

Дементьев (Бармин) Дмитрий Петрович (1859-1926) — житель Ветлужского уезда; член КГУАК, собиратель исторических документов, вошедших в составленные им рукописные сборники «Ветлужская старина» (хранятся в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике, Костромском областном архиве, Нижегородском музее).

¹⁵ За все время существования (с 1912 г.) КНО не имело своего помещения. Библиотека, коллекции и др. архивные материалы размещались в разных местах. В 1915 г. годовичное собрание общества приняло решение об учреждении «специального фонда собственного дома-музея из пожертвований и отчислений» и об открытии для этой цели подписки.

¹⁶ Богданов Федор Александрович — статистик, занимался исследованием грунтовых дорог Костромской губ. Член КНО.

¹⁷ Крепость Эрзерум (Эрзурум) являлась важным узлом коммуникаций и базой снабжения турецкой армии. 3 февраля 1916 г. Кавказская армия под командованием Н.Н.Юденича штурмом овладела крепостью. Было захвачено свыше 8 тыс. пленных и 315 орудий. Успешный исход Эрзерумской операции оказал большую помощь английским войскам в Египте и Месопотамии, а также заставил турок прекратить активные действия.

¹⁸ Барыков Всеволод Иванович (14.11.1868 — ?) — с 1909 г. заведующий кустарным отделением Костромской губернской земской управы. Член КНО. Жил на ул. Пастуховской в собственном доме.

¹⁹ Бурмакино — село и железнодорожная станция в Ярославской губернии.

²⁰ Воробьев Николай Иванович (1862-1942), уроженец г. Вязники Владимирской губернии. Русский статистик. Жил и работал в Костроме с 1906 по 1925 г. В 1917 г. был городским головой. Краевед, член КНО. По приглашению Н.И.Воробьева Е.Ф.Дюбюк приехал в Кострому в 1907 году.

²¹ Рождественский Александр Николаевич — действительный статский советник, директор 2-й Костромской мужской гимназии (ул. Есенинская, д. 12).

²² Аристов Иван Яковлевич — владелец мукомольной мельницы на Набережной р. Волги, картофелетерочного и паточного заводов при с. Николо-Борщине.

²³ Чумаковы — купеческая семья, занимавшаяся мукомольным и табачным делом. (Нюхательный табак «М.Н.Чумаков и сыновья» был широко известен в России).

²⁴ Гужом — привезенный, сухопутный, извозный, на колесах или на полозу, а не водою доставленный груз (В.Даль).

На возах, извозом.

²⁵ Верден — город в северо-восточной Франции. В феврале-сентябре 1916 г. германское командование провело мощную наступательную операцию по овладению Верденским укрепленным районом, который являлся опорой всего французского фронта. В ходе этой операции германская армия не достигла поставленных задач, несмотря на огромные усилия и потери.

²⁶ После роспуска 3 сентября 1915 г. IV Государственной думы на каникулы, явившегося следствием кризиса верхов, заседания возобновились лишь 9 февраля 1916 года.

²⁷ Чхеидзе Николай Степанович (1864-1926) — депутат IV Государственной думы от Тифлисской губернии (фракция меньшевиков). В своей речи он, в частности, сказал: «Война, начатая правительствами, вопреки воле народов, должна быть ликвидирована самими народами. Только при этом условии будет обеспечен прочный устойчивый мир: мир без аннексий и контрибуций, на основах свободного самоопределения народов, всеобщего разоружения, передачи внешней политики в ведение народного представительства и установления общеобязательного третейского суда». (Россия. Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Засед. 18. — Петроград, 1916. — С.1283.)

²⁸ Дзюбинский — депутат IV Государственной думы от Тобольской губернии. В своей речи он, в

частности, сказал: «Организованное общественное мнение народных масс всех воюющих стран должно добиваться отказа своих правительств от завоевательных задач и принудительного присоединения захваченных земель. Население спорных территорий должно само определить свое государственное бытие после войны». (Россия. Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Засед. 19. — Петроград, 1916. — С. 1387.)

²⁹ Апушкин Алексей Александрович (18.06.1877-1937) — земский служащий, лесовод. В 1913-1918 гг. — председатель КНО. Автор работ: «Минеральные источники в пределах Костромской губернии. Солигаличский курорт», «Забытый проект соединения г. Костромы с р. Сухоною».

³⁰ Костромской губернатор в 1916 г. — статский советник Хозиков Иван Владимирович.

³¹ См. примеч. 18.

³² Отец Михаил Раевский — законоучитель 1-й мужской гимназии. Член КНО. В его квартире по ул. Русиной (д.49, кв.3) размещалась библиотека КНО, он же был и библиотекарем. В квартире о. Михаила проходили заседания правления КНО.

³³ Владимир Сергеевич Козлов.

³⁴ Тимрот Дмитрий Егорович.

³⁵ См. примеч. 3.

³⁶ Рылеевы — предки поэта-декабриста К.Ф.Рылеева; в XVII-XVIII вв. владели вотчиной в Туровском стане у г. Галича, усадьбой Овсянниково и усадьбой Охлебинино под г. Галичем, деревней Воронцово в Ерской вол. Галичского уезда.

³⁷ Невельские — предки адмирала Г.И.Невельского; в XVII — XVIII вв. владели селом Георгиевским в Туровском стане у г. Галича, деревней Поповское в Галичском у., деревнями Шачебольской вол. Галичского у., деревней Мураново Высоковской вол. Галичского у., усадьбой Золотово в Туровском стане Галичского у.

³⁸ Лугинины — предки ученого-химика В.Ф.Лугинина; в XVIII в. владели усадьбами в Рождественском и Николо-Шанге Ветлужского у. Имение купил Николай Лугинин.

³⁹ Репнин Николай Васильевич (1734-1801) — генерал-фельдмаршал, владелец поместья Рождественское Ветлужского у. Его дочь вышла замуж за Григория Семеновича Волконского; ее сын Сергей Григорьевич — декабрист.

⁴⁰ Шлихтендаль — ошибка в написании. Имеется ввиду Шлехтендаль Евген (1830-1881) — немецкий орнитолог или Шлехтендаль Дитрих Франц Монард (1794-1866) — немецкий ботаник.

⁴¹ Вахрамеевский разъезд — станция Северной железной дороги в 11 верстах от Данилова.

⁴² Полушкина роща — роща под Ярославлем, место летних гуляний жителей Ярославля в XIX в.

⁴³ Урочь — станция на узкоколейной ветке Северной железной дороги (Ярославская губ.).

⁴⁴ В феврале 1916 г. Португалия вступила в войну на стороне Антанты.

⁴⁵ Толя — Анатолий Федорович Дюбюк (1895-?) — брат Е.Ф.Дюбюка. Закончил Московский университет, жил в Переяславле-Залесском; краевед, член Переяславско-Залесского научно-просветительского и образовательного общества (ПЕЗАНПРОБ). В 1916 г. Анатолию Дюбюку исполнился 21 год — возраст призыва в действующую армию.

⁴⁶ Исаков Петр Константинович (14.01.1869-?) — бухгалтер костромского губернского земства.

⁴⁷ Земгор — сокращенное название объединенного «Главного по снабжению армии комитета Всероссийского и земского и городского союзов». Создан в результате слияния земского и городского союзов 10 июля 1915 г. в условиях острого кризиса снабжения русской армии.

⁴⁸ Хвостов Алексей Николаевич (1872-1918) — министр внутренних дел России (1915-1916). Председатель фракции правых IV Государственной думы.

⁴⁹ Илиодор, в миру Труфанов Сергей Михайлович (1880-1952) — один из организаторов «Союза русского народа».

⁵⁰ Штюрмер Борис Владимирович (1848-1917) — председатель Совета Министров (январь—ноябрь 1916 г.) и одновременно министр внутренних дел (март-сентябрь 1916 г.), а также министр иностранных дел (июль-ноябрь 1916 г.).

⁵¹ Воскресенский Евгений Александрович — исполняющий обязанности инспектора 2-й мужской гимназии.

⁵² См. примеч. 34.

⁵³ Предполагаем, что имеется в виду буйский лесопромышленник Галанин.

⁵⁴ Махровский разъезд — станция Северной железной дороги недалеко от Буя.

⁵⁵ Третий элемент — условное название в России разночинной интеллигенции, служившей по найму в земских учреждениях (агрономы, статистики, техники, врачи, ветеринары, учителя). Выражение «третий элемент» было впервые употреблено самарским вице-губернатором В.Г. Кондонди 11 января 1900 г. «Первый и второй элементы», по его мнению, составляли государственные чиновники и чины сословных органов.

⁵⁶ Шулепников Павел Васильевич — владелец Новопавловского лесопильного завода при д.Лошково Плещеевской волости Солигаличского у. (производительность завода — 25 тыс. руб. в год, количество рабочих — 35).

⁵⁷ Архангельский А.М. — владелец лесопильного завода при ус. Афонино Нольско-Березовской вол. Солигаличского у. (1560 руб. — 5 рабочих).

⁵⁸ Исады — паромная пристань на Волге ниже Нижнего Новгорода.

⁵⁹ Федоровская ярмарка в Костроме: с 13 по 15 марта — трехдневная, с 9-й недели до воскресенья 12-й недели Пасхи — трехнедельная.

⁶⁰ Шевалдышев Владимир Алексеевич — коммерц. советник, глава г. Костромы.

⁶¹ Монополька — водка; в годы 1 мировой войны в России существовал запрет на продажу спиртных напитков.

⁶² Поливанов Алексей Андреевич (1855-1920) — генерал. С июня 1915 г. по март 1916 г. — военный министр.

⁶³ Шуваев Дмитрий Савельевич (1854-1937) — генерал. С марта 1916 г. по январь 1917 г. — военный министр.

⁶⁴ Середа — село Нерехтского у., ныне — г. Фурманов в Ивановской обл.

⁶⁵ Горбунов — один из владельцев бумаготкацкой мануфактуры Г. и А.Горбуновых в сельце Киселево Середской вол. Нерехтского у. (13 млн. руб. — 6 тыс. рабочих).

⁶⁶ Леванович — ошибка в написании. Речь идет о Левиновиче Моисее Исаевиче — враче, члене КНО. 20 марта 1916 г. на очередном общем собрании КНО прочитал доклад «Опухоли у растений и их отношение к злокачественным новообразованиям у человека».

⁶⁷ Попов Николай Павлович — учитель 2-й мужской гимназии.

⁶⁸ Скорынин Владимир Михайлович — владелец бумаготкацкой фабрики в с.Горки Павловы Нерехтского у. (1,5 млн. руб. — 1,5 тыс. рабочих).

⁶⁹ См. примеч. 65.

⁷⁰ Потребилка — общество потребителей, имеющее целью «доставлять своим членам необходимые предметы потребления хорошего качества по возможно дешевой цене и дать средства из прибылей общества делать сбережения». (Устав общества потребителей при бумаготкацкой фабрике Т-ва Вичугской мануфактуры Бр .Ф. и А.Разореновых близ г.Кинешмы Костромской губ. — г.Кинешма,

1906). Общество имело свои магазины, склады.

⁷¹ Бонячки — деревня Тезинской вол. Кинешемского у.

⁷² Разоренов Александр Алексеевич — один из владельцев бумаготкацкой и ситценабивной фабрик «Товарищества Вичугской мануфактуры братьев Ф. и А.Разореновых» в с.Вичуга Кинешемского уезда (6 млн. руб. — 3,5 тыс. рабочих).

⁷³ Липинский Павел Константинович — директор «Товарищества Большой Кинешемской мануфактуры» в Зименковской вол. Кинешемского у. (3,5 млн. руб. — 3,9 тыс. рабочих).

⁷⁴ Борнеман Андрей Александрович — возглавлял механический и строительный отделы «Товарищества мануфактур Анны Красильниковой» в с.Родники Юрьевоцкого у. (11 млн. руб. — 8 тыс. рабочих).

⁷⁵ См. примеч. 9.

⁷⁶ Ключников Иосиф Васильевич — купец, владелец льнопрядильной, ткацкой и белильноотделочной фабрики в с.Новое Писцово Вичугской вол. Кинешемского у. (600 тыс. руб. — 1,2 тыс. рабочих).

⁷⁷ Кокорев Г.А. — владелец белильно-красильноотделочной фабрики в д.Старая Гольчиха Кинешемского у. (100 тыс. руб. — 155 рабочих).

⁷⁸ Успенский Глеб Иванович (1843-1902) — русский писатель, автор очерков «Нравы Растеряевой улицы» (1866 г), «Разорение» (1869 г), «Власть земли» (1883 г). Творчество проникнуто народническими идеями.

⁷⁹ См. примеч. 22.

⁸⁰ Ротаст Георгий Петрович — член губернской земской управы.

В связи с начавшейся войной из пограничных районов Российской империи во внутренние губернии, в т.ч. и в Костромскую, были высланы подданные тех стран, с которыми воевали Россия и ее союзники. Губернаторы издавали специальные постановления относительно их статуса. В газетах будировалась мысль о «немецком засилье», часто с этим напрямую связывались неудачи русских войск. Поэтому многие подданные Германской и Австрийской империй, находившиеся в различных губерниях страны, подавали прошения о принятии их в подданство России. Это оказывало постоянное моральное давление и на русских подданных с немецкими фамилиями. По всей стране наблюдалось большое количество прошений от них в высшие административные инстанции с просьбой именоваться русской фамилией.

⁸¹ Байдарки — деревня в Костромском уезде, на левом берегу Волги, в 4-х верстах от Костромы.

⁸² Гать — здесь: утепление избы мхом, сеном или соломой.

⁸³ Пятерик — мера объема.

⁸⁴ Миндовский П. — владелец бумажных, льняных, миткалевоткацких фабрик «Товарищества Волжской мануфактуры» в с.Наволоки Дюпинской вол. Кинешемского у. (4 млн. руб. — 3,5 тыс. рабочих).

⁸⁵ См. примеч. 15.

⁸⁶ Григорьев М.П. — заведующий экспедицией по изучению лугов Владимирского губернского земства. 29 марта 1916 г. на общем собрании членов КНО прочитал доклад «Природа лугов как основа их рационального использования и методика ее изучения в связи с проектом плана луговых исследований в Костромской губернии».

⁸⁷ См. примеч. 21.

⁸⁸ Ширман Михаил Григорьевич — заведующий кассой мелкого кредита общества потребителей земских служащих.

⁸⁹ Трапезунд (совр. Трабзон) — город в Турции. 5 апреля был взят в результате совместной

наступательной операции Кавказской армии и кораблей Черноморского флота.

⁹⁰ Лапин М.М. — член КНО.

⁹¹ В конце 1915 г. приехавший в Россию председатель военной комиссии французского сената Г.Думерг предложил царскому правительству направить во Францию 400 тыс. русских солдат в обмен на недостающие в русской армии винтовки и снаряды. В целом это предложение не было принято. Но несколько русских бригад в 1916 г. были отправлены на западный фронт. Так в апреле 1916 г. 1-я русская бригада высадилась в Марселе, 2-я в июне — в Бресте. Позднее, в августе-октябре, прибыли в Грецию 3-я и 4-я бригады.

⁹² См. примеч. 18.

⁹³ Ладонь — ток, место для молотьбы хлеба.

⁹⁴ Мешхед — город на северо-востоке Персии (с 1935 г. — Ирана), центр полонничества мусульман-шиитов.

⁹⁵ Языков Александр Александрович — статистик уездной земской управы. Член правления и редакционно-издательской комиссии КНО в 1916 г.

⁹⁶ Мечеть Имама Ризы (Резы) — сооружена в XVII в.

⁹⁷ Восстание происходило в апреле 1916 г. Основной ареной его был Дублин. Непосредственные причины восстания — недовольство возложенными на Ирландию военными тяготами, преследованием патриотов, подготовленными англичанами новыми репрессиями против национально-освободительного движения и др.

⁹⁸ Сухомлинов Владимир Александрович (1848-1926) — генерал, военный министр в 1909-1915 гг. После военных неудач 1915 г. под давлением общественного мнения в июне 1915 г. был снят с должности, а в апреле 1916 г. был заключен в Петропавловскую крепость. После 6-месячного заключения был переведен под домашний арест. Сухомлинов обвинялся в злоупотреблениях и измене в связи с осуждением за шпионаж некоторых лиц из его окружения.

⁹⁹ См. примеч. 21.

^{100, 101} Тихомиров И.Г. и Морокин Н.Д. — владельцы «Товарищества Никольско-Богоявленской мануфактуры» в с.Новая Гольчиха Тезинской вол. Кинешемского у. (2 млн. руб. — 1,6 тыс. рабочих).

Предисловие Г. В. Давыдовой.

Публикация Г.В.Давыдовой и А.В.Соловьевой.

Комментарии Г.Ю.Волкова, Л.А.Поросятковской, А.В.Соловьевой

VIII. ХРОНИКА

Б.Н. Негорюхин (Кострома)

НОВЫЕ КНИГИ О РОДНОМ КРАЕ

Судиславль и его окрестности

В 1992 году вышла в свет книга костромского краеведа Ю.В.Смирнова о древнем городе Судиславле. Это первый опыт такого рода, когда рассматривается не только история города и его людей, но и история сел и деревень района. Ранее подобные книжки, посвященные городам Костромской области, грешили по крайней мере двумя недостатками: или были слишком идеологизированы, или перенасыщены второстепенными фактами, часто не имеющими прямого отношения к теме. Это приводило к необъективности изложения и фактическим ошибкам.

Похоже, что в данном случае автору удалось этого избежать. В первой главе, посвященной истории Судиславля от основания до наших дней, не только дается топонимический анализ происхождения сел и деревень Судиславского региона, но и подробная история развития города с упоминанием всех, кто внес свой вклад в этот процесс независимо от политических взглядов и классовой принадлежности. Упоминание фамилий капиталистов Третьяковых, старообрядца Папулина, дворян Карцевых, Зюзиных и других, купцов Трухиных и Лосевых, Колодезниковых и их заслуг в развитии Судиславля восстанавливает историческую справедливость, и в этом заслуга автора книги. Вторая глава, посвященная архитектуре и живописи, прежде всего древнерусской, дает достаточно полную картину культурного развития края в прошлом, но она была бы более полной, если бы несколько страниц было посвящено автором развитию литературы, литературному прошлому региона. По этому вопросу есть что сказать.

Я видел подготовленные к печати иллюстрации к книге, прежде всего к ее первым главам, и с сожалением должен констатировать, что в силу недостаточности полиграфического оборудования при издании книги ксерокопии документов и рисунков получились не совсем удачными и яркими. Что касается иллюстративного материала к главе III об истории сел и деревень Судиславского района, то приходится только пожалеть, что почти не осталось старых рисунков и фотографий, а в силу опять-таки отсутствия при издании книги соответствующей полиграфической базы в книгу не включены фотографии того, что осталось. Хочется верить, что костромские любители истории края, да и многие россияне, интересующиеся историей, дождутся второго издания этой несомненно интересной во всех отношениях книги, уже исправленной и дополненной.

А исправлять и дополнять есть что, особенно в главе «Очерки истории сел и деревень». Это прежде всего систематизация и более связанное логически изложение очерка об усадьбе Шишкино, особенно в части, касающейся Нащокиных. Требуют уточнения некоторые факты, связанные со смертью А.М.Кутузова, или хотя бы ссылки на документы, касающиеся этого вопроса, нуждается в дополнении история рода Трухиных из усадьбы Шахово. Требует переработки и уточнения очерк «Об уроженце Горинского П.Н.Лермонтове». Но все это никак не умаляет огромной работы автора при написании и подготовке третьей главы. В краеведческой литературе о Костроме и области такое детальное изложение истории сел, деревень и усадеб, а также жизни их жителей, хозяев встречается впервые, и в этом Ю.В.Смирнов оказался на высоте. Приходится только позавидовать трудолюбию и способностям автора к творческому поиску, умению работать с архивными материалами, что и позволило ему прекрасно справиться с этой сложной задачей.

Книжка Ю.Смирнова — это первая ласточка среди книг по истории края, изданных в смутное постперестроечное время, и хочется отметить, что местные власти в лице Судиславского райисполкома оказали большую поддержку в издании этой нужной людям книги, тем самым создав прецедент для многих. Что же касается вклада в издание книги учительницы В.Н.Петерсон-Тихомировой, то его трудно переоценить. Это достойный памятник ее отцу, невинно репрессированному жителю деревни Леонтьево.

Книга снабжена примечаниями, которые также свидетельствуют о большой работе, проделанной автором при подготовке книги к печати.

Две книги о Чухломе и ее жителях

В рецензии на книгу Ю.Смирнова «Судиславль и его окрестности» я позволил себе назвать ее первой ласточкой краеведения в постперестроечный период. Говорят, что одна ласточка весны не делает, и в данном случае после книги Ю.Смирнова увидели свет еще две, тоже краеведческого содержания. Это «Чухлома» В.Галкина и «Костромская вотчина Катениных» Е.Сапрыгиной. Одна из них издана в 1992 г. в Чухломе, вторая — в Костроме также в этом году, когда русская литература отмечала 200-летие «чухломского изгнанника», похороненного в чухломских краях поэта, критика, театрального деятеля и драматурга П.А. Катенина.

Положительным свойством обеих книг является то, что авторы не делали акцент только на этом имени, а попытались доказать, что даже глухая русская провинция рождала в разные годы достаточное количество личностей, вошедших в русскую историю, ее государственность, культуру и искусство.

В.Галкин в своей работе на ста двадцати страницах сумел изложить огромный материал по истории края и о его жителях с периода каменного века и до наших дней. Заслуживают всяческого внимания топонимические исследования автора, связанные с племенами мерян и славян, живших на территории Чухломы с незапамятных времен. Интересны факты и цифры, рассказывающие о жизни края в древние и средние века, биографии наиболее выдающихся уроженцев этих мест.

Но обилие материала и непрофессионализм сыграли с автором злую шутку: он утонул в материале и не сумел отделить главное от второстепенного, особенно в главах, посвященных периоду с XVIII по XX века. Поэтому при чтении иногда теряется основная нить повествования, встречаются повторы, компилятивный характер изложения не подкреплён указаниями на авторов, идеи и факты из работ которых излагаются «своими словами». Это также породило такие стилистические ошибки, как «служба его была научной, он был статист» (вместо статистик) и т.д. Автору безусловно требовался квалифицированный и грамотный редактор, знакомый с историей края, но его, к сожалению, не нашлось. Этим же можно объяснить и издержки «классового подхода» к биографиям некоторых людей, в результате которого А.Ф.Писемский был зачислен в «лагерь реакции», а П.А.Катенин представлен как «борец с самодержавием». Все было значительно сложнее.

Но все равно эта книга, родившаяся на чухломской земле очень кстати, событие в жизни не только города, но и костромского краеведения.

Что касается работы Е.Сапрыгиной, музейного работника, посвятившего всю жизнь изучению рода костромских Катениных, то здесь случай особый. Сельцо Клусеево — колыбель рода Катениных — существовало без малого пять веков, и этот факт сам по себе уникален в истории русских дворянских гнезд. Было интересно проследить, как связан факт такого длительного существования родового имени с вкладом этого рода в историю русской культуры. Автору это удалось и полной мере, и прежде всего на основе архивных документов, исторических фактов. Выясняется, что не только П.А.Катенин и не столько он, сколько и другие Катенины, среди которых были государственные деятели, ученые, помещики-земледельцы, военачальники, занимают достойное место в истории России.

Если первая глава, о Павле Катенине, в основном построена на изложении известных фактов, хотя гипотеза о месте рождения Катенина представляет интерес, то вторая глава, посвященная летописи сельца Клусеева, содержит много ранее неизвестных фактов, позволяющих судить, как история дворянской усадьбы связана с историей государства, в котором она находится, как отражается в истории страны история малого региона и людей, живущих в нем. Это также удалось показать автору с помощью тщательного изучения документов, часть из которых представлена в приложениях. Особенно интересны поколенная роспись рода Катениных, катенинская псалтирь — эта живая история рода, написанная в течение полутора веков чухломским Катениным на полях церковной книги. Главное достоинство книги Е.Сапрыгиной — это ее научность, основанная на богатом фактическом материале, большой иллюстративный материал, представленный на ее страницах. И здесь не вызывает протеста приложение, представляющее собой гороскоп П.А. Катенина, составленный по материалам московского астролога Е.Колесова, ибо никто еще не опроверг, что астрология — это тоже наука.

Недостатком книги является то, что первый завод вышел тиражом всего 200 экз. и в мягкой обложке. Автор и редактор-составитель в этом не повинны: готовили книгу к печати и печатали спонсоры, производственно-творческое объединение «Тембр» при Центральном Доме Актера им.А.А.Яблочкиной, а их, в свою очередь, подвела производственная база. В настоящее время подготовлен к печати основной тираж согласно первоначальному макету.

Что касается множества опечаток в первых 200 экземплярах, редактор-составитель не снимает с себя ответственности за это и верит, что при выходе в свет основного тиража все будет исправлено.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОСТРОМСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

в 1991-1993 гг.

27 февраля — 1 марта 1991 года Костромским фондом культуры совместно с областным управлением народного образования для учителей области был проведен семинар по проблемам школьных музеев.

Он начался сообщением «О некоторых проблемах развития школьного краеведения и работы школьных музеев», сделанным членом совета по развитию краеведения при фонде культуры Б.Н.Годуновым. Далее следовало знакомство участников семинара с работой музеев: историко-краеведческого Шунгенской средней школы, литературно-краеведческого школы № 23 г.Костромы и музея «Корчагинская слава» школы-интерната № 3 областного центра.

Обсуждением означенных в сообщении проблем семинар завершил свою работу.

В нем, кроме учителей школ Костромы, районных и сельских школ, принимали участие московские специалисты: В.П.Столяров, представлявший институт социологии, и Н.Г.Колокольцева — научный сотрудник группы музейной педагогики НИИ культуры.

* * *

В последние дни декабря 1990 года во все гор-райотделы народного образования, всем директорам школ, ПТУ, средних специальных учебных заведений было отправлено «Положение и конкурсе на лучшую творческую работу по краеведению, посвященном памяти А.А.Григорова».

На конкурс было представлено 13 работ.

В октябре 1991 года жюри подвело его итоги. Первое место было присуждено Т.С.Шапоровой, учителю-методисту школы № 23 г.Костромы, за методические разработки по литературному краеведению «Золотая Кострома»; второе — М.П.Шкотову, пенсионеру, в прошлом учителю школы № 4 г. Галича и преподавателю Галичского совхоза-техникума, за работы «Четвертой школе им.Ф.Н. Красовского г. Галича—200 лет» и «Галичский совхоз-техникум», третье — С.Н. Торопову, учителю школы № 1 г. Мантурова за «Очерки по истории Мантуровского района».

По условиям конкурса учебные заведения, в которых работают или работали победители, получили новые технические средства, а авторы работ награждались бесплатными туристическими путевками либо денежными премиями.

Один из материалов, присланных на конкурс, — словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже», собранный и составленный учителем из Мантурова А.В. Громовым, — ввиду его хорошего профессионального уровня, жюри выделило особо. Оно обратилось с просьбой к Костромскому фонду культуры издать словарь тиражом 1000 экземпляров.

В августе того же 1991 года состоялась бесплатная туристическая поездка в Суздаль-Владимир, организованная для всех участников конкурса.

Материальное обеспечение конкурса взяли на себя областные управления народного образования и культуры, областные комитеты профсоюзов работников народного образования и науки, работников агропромышленного комплекса.

Словарь А.В.Громова был издан в 1992-1993 годах в Костроме (обложка и иллюстрации) и Мантурове (собственно текст) на деньги Костромского фонда культуры и Ярославского пединститута. В мае 1993 года в Костромской областной научной библиотеке прошла его презентация, организованная фондом культуры. На ней присутствовали библиотекари области.

11 марта 1991 года исполнилось 180 лет со дня рождения ученого, общественного деятеля, промышленника, издателя, мецената костромича Федора Васильевича Чижова, имя и труды которого в то время костромичам были плохо известны.

Учитывая это, Костромской фонд культуры объявил весь 1991 год Чижовским годом. 10-11 марта в Чухломе и Костроме, в училищах, построенных на средства нашего земляка, прошли культурно-просветительные вечера «Гражданин России». На обоих вечерах о незаурядной личности Ф.В.Чижова, его неустанных трудах на благо России рассказала кандидат исторических наук, старший редактор исторической редакции издательства «Молодая гвардия» И.А.Симонова. Духовные песнопения XVII-XIX вв. исполнил Костромской женский камерный хор под руководством Н.А.Сивушковой.

На здании Чухломского ПТУ № 23 в Анфимове (бывшее сельскохозяйственное ремесленное училище Ф.В. Чижова) была установлена доска, возвращающая училищу имя его основателя.

В ноябре (месяц смерти Ф.В.Чижова) в актовом зале того же химико-механического училища, но уже имени Ф.В.Чижова (имя было возвращено решением исполкома Костромского областного совета народных депутатов от 5 авг. 1991 г.), прошли первые Чижовские чтения, посвященные истории предпринимательства в Костроме и губернии. Они были организованы фондом культуры при участии Московского института экономических стратегий (ИНЭС) и при финансовой помощи Костромского горисполкома.

Выступающие рассказывали о трудах и благотворительной деятельности предпринимателей Шиповых, Чумаковых, Красильщиковых, Лугуниных, москвичей П.М. и С.М. Третьяковых и судиславца И.П. Третьякова, В.А. Кокорева и самого «виновника» чтений — Ф.В. Чижова.

Кроме костромских исследователей (Н.Ф.Басова, Т. В. Войтюк, Ю.В. Смирнов, М.П. Магницкий), в чтениях участвовали: доктор ист. наук, профессор МГУ Н.И. Цимбаев, уже знакомая нам И.А. Симонова, московская журналистка М.М. Щиц, исследователь из Ярославля А.В. Бушуев, лауреат Государственной премии, доктор технических наук, профессор МАИ А.П. Красильщиков — внук родниковского фабриканта, внук И.Д. Сытина — бывший морской офицер А.В.Сытин (Санкт-Петербург).

Центральные газеты «Былое» и «Карьера» представляли журналистки Л.А.Богданова и М.М.Щиц.

В последние годы все чаще стали проходить на костромской земле Дни памяти наших замечательных земляков. Это — самый первый шаг на пути возвращения из забвения имен многих достойных людей — носителей и деятелей культуры прошлых времен.

29 июля 1991 года у могилы поэтессы Анны Ивановны Готовцевой (1799-1871), похороненной на кладбище у Воскресенского храма села Карабанова Красносельского района, прошла панихида, отслуженная настоятелем Никольского храма с.Поддубного о.Леонтием. Он же произнес и почувствованное христианское слово.

Продолжился День памяти в клубе деревни Ченцы, где ученики школы № 23 г.Костромы под руководством и с участием Н.Е.Шишкиной представили собравшимся (в основном женщинам и детям) литературно-музыкальную композицию, посвященную творчеству А.И.Готовцевой.

Могила А. И. Готовцевой у Воскресенского храм» с. Карабапшва. Фофо Г. П. Белякова. 1991.

Место захоронения Анны Ивановны, по мужу Корниловой, ее сына и сестры Марии (писательницы) было установлено группой «Почин» с помощью местного жителя Б.П. Волина и при участии архитектора Костромской реставрационной мастерской Л.С.Васильева.

«Починовцы» же к этому дню подготовили и само кладбище: выкосили траву, вычистили мусор, покрасили ограду, в которую заключены надгробные плиты, в одно время перенесенные от четверика храма, с места захоронений, к алтарю.

* * *

В октябре 1991 года исполнилось 60 лет со дня смерти Павла Ивановича Бирюкова — писателя, общественного деятеля, друга и биографа Л.Н.Толстого. Первым Днем памяти его на родной земле стало воскресенье 12 октября.

По приглашению фонда культуры в Кострому из Москвы приехали потомки Бирюковых во главе с Е.М.Дерябиной. Пришли и потомки, живущие в Костроме. Московское дворянство представляла И.Л.Багратиони-Мухранели.

В селе Ивановском Красносельского района, где родился Павел Иванович и где находилась усадьба Бирюковых (сейчас в усадебном здании — больница), и состоялась встреча местных жителей с гостями. Она проходила в Доме культуры (стоящим, кстати, на фундаменте храма). После рассказов-воспоминаний гостей и здешних старожилов встреча продолжилась в библиотеке Дома культуры при активном участии председателя колхоза им.Советской Армии Владимира Викторовича Афанасьева.

* * *

В марте 1992 года в Костроме и Галиче прошли Вечера памяти Юрия Никитича Бартенева (1792-1866) — педагога и писателя, директора Костромской губернской гимназии, процветавшей под его руководством. Этому человеку в свое время пришла в голову мысль о сооружении в Костроме памятника Ивану Сусанину.

Б.Н.Негрюхин вел основной рассказ о Юрии Никитиче, о масонстве же последнего интересные комментарии собравшиеся услышали от Л.И.Сизинцевой.

Поэтичность вечерам придавали звучавшие в нужных местах романсы в исполнении К.А.Разудаловой (аккомпаниатор Т. Гачина), дополнительную эмоциональность — выступление актеров драмтеатра, тоже музыкальное.

* * *

Самым крупным событием в деле возвращения забытых имен стали религиозно-философские чтения «П.Флоренский. В.Розанов», проведенные фондом культуры 25-27 мая 1992 года.

В чтениях участвовали костромичи, ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Череповца, Милана. Среди выступающих был и родной внук о.Павла Флоренского П.В.Флоренский — доктор геолого-минералогических наук, профессор Московского института нефти и газа. Среди гостей — А.Ф.Можанская и М.Ф.Андреева из Санкт-Петербурга, дочери о.Федора Андреева — друга о.Павла Флоренского.

Более всего среди участников, не считая хозяев, было москвичей. Это сотрудники ИМЛИ: Е.В.Иванова — секретарь комиссии по творческому наследию о.П.Флоренского, известный литературный критик, член этой же комиссии С.С.Лесневский, В.Г.Сукач — заведующий группой по изучению творчества В.В.Розанова; профессор А.Н.Николюкин — сотрудник Института информации по общественным наукам РАН; С.М.Половинкин из Российского гуманитарного университета; В.С.Третьяк. Санкт-Петербург представлял автор первой изданной в Советском Союзе монографии о В.В.Розанове — В.А.Фатеев; Череповец — преподаватель пединститута В.Б.Анохин; Милан — профессор университета в Бергамо Н.М.Ка-ухчашвили.

Открыл чтения председатель Костромского фонда культуры, профессор пединститута Ю.В.Лебедев. Архиепископ Костромской и Галичский Александр приветствовал участников.

Среди выступающих были костромские священники — о.Евгений (Никитин) и о.Георгий (Эдельштейн).

Собственно чтения заняли 2 дня. В 3-й день их участники посетили Воскресенский храм села Толпыгина (в прошлом Нерехтского уезда Костромской губернии, а ныне — Приволжского района Ивановской области). В этом селе в начале века жил в семье друга Сергея Троицкого П.В.Флоренский, а в Воскресенском храме он в 1905 году прочитал свою первую проповедь «Радость навеки».

В этом же году фонд культуры издал материалы чтений.

* * *

Одним из направлений деятельности Костромского фонда культуры является работа по возвращению исторических названий края. Благодаря просветительской, организационной работе фонда и по его инициативе постановлением главы администрации г.Костромы (№ 778 от 17.04.92 г.) были возвращены исторические названия: Сусанинская площадь, Ипатьевская слобода, Ботниковский сквер. Было также решено установить указатели с историческими названиями на 12-ти костромских улицах: Русина, Ильинская, Царевская, Еленинская, Павловская, Марьинская, Никольская, Ново-Троицкая, Нижняя Дебря, Муравьевка, Мшанская, Богоявленская.

В течение трех лет фонд культуры не оставлял своим вниманием и исторический город Нерехту: писал открытые и закрытые письма его руководителям, вел с ними переговоры. Дело с мертвой точки сдвинулось тоже только в 1992 году. Малый совет Нерехтского городского совета народных депутатов 1 декабря 1992 года принял решение (№ 198) о «внесении дополнений в названия следующих улиц»: ул.Ленина (бывшая Суздальская), ул. Володарского (б. Никольская), ул. Красноармейская (б. Нижегородская), ул. Орджоникидзе (б.К остромская), ул.Розы Люксембург (б. Ильинская), ул.Бебеля (б. Суворова), ул.Свердлова (б. Ростовская), ул. Луначарского и К.Маркса (б. Набережная).

Дополнения внесены, но возвращены ли исторические названия? Не возвращено и название Святое Некрасовскому озеру под Костромой, о чем фонд культуры тоже немало хлопотал. Администрация Костромской области сочла «нецелесообразным переименовывать озеро Некрасовское» (письмо управляющего делами областной администрации Б.Н.Зимины № 718/6 от 11.11.93 г.).

* * *

Начиная с 1991 года, Государственный архив Костромской области вместе с фондом культуры ежегодно организуют Григоровские чтения. Темы выступлений определяются непосредственным отношением к прошлому и настоящему костромского края — его истории, экономике, культуре, науке, природным особенностям и т.д. В чтениях участвуют сотрудники областного архива, музея-заповедника, преподаватели костромских институтов, «неорганизованные» краеведы. Кроме костромичей, на чтениях выступают и исследователи из Москвы, Тулы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Плеса.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	
1. С.В.Демидов. Архитектор С.А.Воротилов	4
ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ	
1. Л.А.Колгушкин. Костромская старина	13
2. Н.А.Зонтиков. На Святом озере	29
3. М.М.Щиц. Павел Третьяков и костромской край	77
ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КРАЯ	
1. Л.М.Белоруссов. Истории свидетель	90
ИСТОРИЯ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ	
1. Д.Ф.Белоруков. Костромская вотчина А.И.Герцена	99
2. Ю.В.Смирнов. Село Шишкино	102
ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ КРАЕВЕДОВ	
1. А.А.Севастьянова. «Любезным моим согражданам». Первый костромской историк Николай Сумароков	105
2. Ю.В.Лебедев. О годах учения Сергея Васильевича Максимова	109
3. Л.А.Розанова. Писатель из села Турлиево	119
4. И.Х.Тлиф. К родословной В.В.Розанова	126
5. Н.Г.Коптелова. А.Блок и В.Розанов	131
6. Б.М.Козлов. Литературная жизнь Костромы в 1930-е годы	142
ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ	
1. Г.К.Фомичева, Т.М.Колесова. Современное экологическое состояние Галичского озера	162
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	
1. Е.Ф.Дюбюк. Дневник. 1916 год. (Предисловие Г.В.Давыдовой. Публикация Г.В.Давыдовой и А.В.Соловьевой. Комментарии Г.Ю.Волкова, Л.А.Поросятковской, А.В.Соловьевой)	174
ХРОНИКА	
1. Б.Н.Негорюхин. Новые книги о родном крае	205
2. А.В.Соловьева. О деятельности Костромского фонда культуры в 1991-1993 годах.....	209

Формат 60x84/16. Тираж 5000 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная 65г/м².

Объем 13,5 печ. л. Заказ № 436.

Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома».

156010, г.Кострома, ул.Самоковская, 10.